

ГЕОРГИЙ ГАБОЛАЕВ

ПРОТОКОЛ: ЭДЕМ

Георгий Габолаев

Протокол: Эдем

«Автор»

2026

Габолаев Г. В.

Протокол: Эдем / Г. В. Габолаев — «Автор», 2026

«Протокол: Эдем» — масштабная научно-фантастическая драма о человечестве, изменившемся настолько, что встреча с собственным прошлым становится опаснее столкновения с чужой цивилизацией. Это история о памяти и забвении, вере и разуме, свободе и заботе, которая незаметно превращается в контроль. О людях, пытающихся сохранить себя среди технологий, древних ритуалов и голосов, переживших своих создателей. О любви перед лицом силы, искренне убеждённой, что спасение важнее права выбирать. Мрачный космический эпос, в котором граница между человеком, машиной и богом постепенно исчезает.

© Габолаев Г. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 3	15
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	43
Глава 8	61
Глава 9	85
Глава 10	95
Глава 11	107
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Протокол: Эдем

Глава

Глава 1

ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ ЗЕМЛИ

Солнце поднималось медленно, как будто не торопилось — словно и у него сегодня был повод задержаться над Землёй подольше.

Свет ложился мягко, почти бережно. Он проходил сквозь тонкие атмосферные стабилизаторы, встроенные в верхние слои неба, рассыпался на приглушённые оттенки и стекал вниз по городам, которые за последние десятилетия научились дышать вместе с планетой, а не вопреки ей.

Океан у экваториальной линии был ровным, глубоким, почти неподвижным. Его поверхность больше не была мутной — системы восстановления давно вернули воде прозрачность, и теперь она отражала небо так чисто, что казалось, будто под ногами второй мир.

Над горизонтом, на высоте, где обычный глаз уже терял ориентиры, стояло то, ради чего сегодня проснулась вся планета.

Корабль.

Слово «корабль» было слишком простым. Слишком человеческим.

Он не был похож ни на одно судно, ни на одну станцию, ни на один объект, который раньше создавал человек.

Он был масштабом.

Двенадцать километров металла, композитов, наноструктур и живых систем, соединённых в единый организм. Он висел в орбитальной системе «Гелиос», удерживаемый кольцами стабилизации — огромными, почти прозрачными структурами, которые медленно вращались вокруг него, как тонкие линии чертежа, наложенные на небо.

Корабль не блестел. Он поглощал свет, как глубокая вода. Но по его поверхности бежали тысячи крошечных огней — дроны обслуживания, инспекционные системы, транспортные модули. Они двигались непрерывно, без суеты, без хаоса — как клетки в живом теле.

Сегодня он был закончен.

ЗЕМЛЯ, КОТОРАЯ ДОЖИЛА ДО ЭТОГО ДНЯ

Ещё полвека назад никто бы не поверил, что это возможно.

Слишком многое было разрушено. Слишком многое оказалось на грани.

Города, где воздух становился тяжёлым. Регионы, где вода превращалась в ресурс, за который воюют. Экономики, которые рушились быстрее, чем их успевали восстанавливать. Политические системы, которые больше не справлялись с миром, который сами же и создали.

Но именно в тот момент, когда стало ясно, что привычные модели больше не работают, человечество впервые сделало то, что не делало никогда:

оно остановилось.

Не полностью. Не идеально. Но достаточно, чтобы услышать друг друга.

Глобальный Совет не появился как победитель. Он появился как компромисс. Как признание, что никто больше не может тянуть в свою сторону.

Планетарные ИИ-системы сначала были инструментами — оптимизировать, считать, управлять.

Потом стали посредниками. А затем — основой новой структуры.

Не вместо человека. А рядом с ним.

Решения стали медленнее — но точнее. Системы — сложнее, но устойчивее. Ошибки — редкими, но не фатальными.

Земля не стала идеальной. Но впервые за долгое время она стала стабильной.

И тогда появился следующий вопрос:

что дальше?

ПРОЕКТ, КОТОРЫЙ НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ БЫТЬ НУЖЕН

Программу «Эдем» сначала обсуждали тихо.

Не как триумф. Как резерв.

Идея была проста и беспощадна: если Земля снова окажется на грани, если какая-то ошибка, катастрофа или цепочка событий выйдет из-под контроля, человечество должно иметь возможность продолжить существование.

Не в виде архивов. Не в виде данных. А в виде живых людей.

Так родился протокол.

Не проект. Не миссия.

Протокол.

Строгая последовательность действий, которую запускают, когда нельзя рисковать.

СТРОИТЕЛЬСТВО

«Гелиос» начали расширять ещё до того, как был утверждён окончательный проект корабля.

Орбитальная станция выросла в несколько раз, превратившись в целый промышленный пояс. Сотни тысяч специалистов работали на Земле и в космосе одновременно.

Дроны нового поколения собирали элементы конструкции прямо на орбите, наноткань формировалась слоями, которые нельзя было создать в условиях гравитации, реакторы проходили тесты в изолированных сегментах, а внутренние экосистемы выращивались как отдельные миры.

Каждый модуль корабля был завершённой системой:

агроконтур с полной замкнутой экосферой,

медицинские комплексы, способные работать без внешней поддержки десятилетиями,

образовательные ядра, содержащие полный объём человеческих знаний,

генетические банки, где хранились тысячи видов — от микроорганизмов до сложных экосистем,

криохранилища — резерв для тех, кто должен будет проснуться в другом мире.

И всё это соединялось в одно.

Без спешки. Без громких заявлений.

Системно.

ЛЮДИ СМОТРЯТ ВВЕРХ

К моменту запуска Земля уже жила с этим кораблём.

Он был в новостях, в образовательных программах, в детских играх. Его силуэт узнавали так же легко, как очертания материков.

Но видеть его вживую — было другим.

На площадях, на крышах, у океана, в садах и на открытых уровнях городов люди поднимали головы.

Кто-то держал детей. Кто-то снимал. Кто-то просто стоял, не двигаясь.

— Смотри, — сказала женщина рядом с подругой, — он больше, чем я представляла.

— Он всегда больше, — ответила та. — Просто раньше мы его не видели целиком.

ВНУТРИ КОРАБЛЯ

Здесь всё было иначе.

Тишина — не пустая, а наполненная работой систем. Свет — ровный, без резких теней. Пространства — продуманные, без лишнего.

Экипаж двигался уверенно.
Не торопясь. Не нервничая.
Они знали каждый отсек, каждый маршрут, каждый интерфейс.
— Контур жизнеобеспечения — стабилен.
— Агроблоки — в норме.
— Водные циклы — замкнуты.
— Реакторы — в зелёной зоне.
Голоса звучали спокойно.
Они не делали ничего героического. Они просто делали свою работу.
И в этом было что-то гораздо более надёжное.

МОМЕНТ, КОГДА ВСЁ ГОТОВО

Капитан стоял в центре управления.
Перед ним — не экраны, а поверхность, реагирующая на прикосновение и взгляд.
Системы не требовали усилий. Они требовали точности.

— Центральное ядро, статус, — сказал он.

Ответ пришёл мгновенно:

«Все системы активны. Готовность — полная. Протокол “Эдем” может быть инициирован.»

Он кивнул.

Не торжественно. Не напряжённо.

Просто как человек, который понимает масштаб происходящего.

МИР ЗАДЕРЖИВАЕТ ДЫХАНИЕ

Обратный отсчёт звучал везде.

В городах. В транспорте. В домах. В школах. В больницах.

— Десять...

— Девять...

Океан продолжал дышать.

— Восемь...

— Семь...

Ветер едва шелестел листьями.

— Три...

— Два...

— Один...

ШАГ ВПЕРЁД

Сначала ничего не изменилось.

Потом — мягкое свечение под корпусом.

Кольца «Гелиоса» начали расходиться.

Корабль освободился.

Не рванулся. Не сорвался.

Он просто начал движение.

Медленно. Уверенно.

Как будто этот момент был рассчитан до идеальной точности.

Люди не закричали.

Они смотрели.

И понимали:

это не просто запуск.

Это граница.

Корабль уходил в небо.

И вместе с ним уходила часть Земли.

На всех экранах появилось одно сообщение:

ПРОТОКОЛ: ЭДЕМ АКТИВИРОВАН

И ниже:

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВЫХОДИТ ЗА ПРЕДЕЛЫ СВОЕГО МИРА

Глава 2

Свет здесь не наступал — он прорастал.

Сначала тонкая дымка ложилась на верхушки деревьев, как дыхание, едва заметное глазу. Потом она густела, впитывалась в листву, стекала вниз, и только спустя время доходила до земли, уже мягкая, рассеянная, будто прошедшая через живой фильтр. Небо не слепило. Оно не давило. Оно было частью среды — как воздух, как вода, как сама почва.

Эдем не встречал утро. Он в него переходил.

Лес начинался сразу за городом — без границы, без линии, без намёка на разделение. Стволы поднимались прямо между зданиями, корни уходили под дорожки, ветви пересекали открытые пространства, образуя естественные навесы. Здесь не было места, где можно было бы сказать: «вот здесь заканчивается одно и начинается другое». Всё было вплетено.

Город не стоял на земле. Он был её продолжением.

Здания поднимались плавно, повторяя рельеф, будто выросли из него. Поверхности не выглядели мёртвыми — они жили. В них чувствовалась структура, похожая на ткань, где-то плотная, где-то полупрозрачная. Если провести рукой, материал отзывался лёгким теплом, словно под ним шёл медленный обмен, незаметный, но непрерывный.

Свет не исходил из ламп. Он был внутри.

Стены дышали мягким свечением, меняя оттенок в зависимости от времени суток, от влажности, от активности внутри помещения. Днём это было почти неуловимо, вечером — становилось глубже, теплее, превращая улицы в тихие, живые пространства, где не было резких границ света и тени.

Транспорт не звучал. Он не рассекал пространство — он скользил в нём.

Под землёй проходили магнитные линии, и капсулы двигались по ним плавно, без вибраций, без толчков. На поверхности почти не было техники — только люди, лёгкие платформы, редкие обслуживающие дроны, которые не выделялись, потому что не навязывали своего присутствия.

Никто никуда не спешил.

И это не было замедлением. Это было отсутствием необходимости ускоряться.

Воздух ощущался кожей. Он был чистым не потому, что его фильтровали, а потому, что он находился в равновесии. В нём не было тяжести, не было остаточных запахов техногенной среды, не было напряжения, которое обычно не замечаешь, пока оно не исчезает.

Лёгкая влажность листьев. Тепло почвы. Свежесть воды.

Дышать было просто.

Настолько просто, что через несколько минут забываешь о самом процессе.

Люди двигались среди этого пространства естественно, без суеты. Их было много, но они не сливались в массу. Каждый занимал своё место — не отталкивая других, не подстраиваясь под давление.

Разговоры текли мягко, без надрыва, без стремления доказать или перекричать.

— Ты сегодня в северном секторе?

— После полудня. Там цветение началось, хочу посмотреть, как система отреагирует.

— Уже смотрел. Она сама скорректировала влажность, но оставила часть зоны без вмешательства.

— Для наблюдения?

— Да. Красиво получилось.

Они не обсуждали работу как обязанность. Они обсуждали её как участие.

Никто не говорил о зарплате. Никто не говорил о конкуренции. Никто не говорил о нехватке.

Этого просто не существовало.

Еда была доступна — её не нужно было зарабатывать. Жильё было доступно — его не нужно было заслуживать. Медицина была встроена в систему — она работала до того, как возникала проблема.

Человек здесь не боролся за существование. Он существовал — и этого было достаточно, чтобы заниматься чем-то ещё.

Кто-то выбирал агросистемы. Кто-то — исследования. Кто-то — архитектуру. Кто-то — образование.

Дети не сидели в классах. Они перемещались — от пространства к пространству, от практики к наблюдению, от игры к пониманию. Им не говорили, кем стать. Им показывали, что есть.

И этого хватало.

Система управления была везде, но не навязывалась. Она не требовала внимания, не подавляла, не контролировала в привычном смысле.

Она поддерживала.

Регулировала баланс — воды, энергии, воздуха, биомассы. Если где-то возникало отклонение, оно не подавлялось силой — оно перераспределялось.

Если участок получал меньше света — структура вокруг него менялась. Если нагрузка возрастала — система предлагала альтернативу.

Не приказ. Решение.

И люди принимали его не потому, что «так надо», а потому что оно было очевидным.

Лиана шла по склону, где трава доходила до колен. Она двигалась медленно, не потому что устала — потому что не хотела идти быстрее.

На запястье у неё тонко светился интерфейс — не экран, а слой, почти неосязаемый. Он не требовал внимания, он просто был доступом.

— Сектор стабилен, — сказала она негромко.

Ответ пришёл сразу, мягко, без акцента:

«Подтверждаю. Баланс в норме.»

Она кивнула, хотя знала, что система не нуждается в жестах.

Перед ней раскрывался лес.

Не декоративный. Не под контролем в привычном смысле.

Живой.

С глубиной, в которую можно было войти. С тенями, которые не пугали, а давали ощущение пространства. С ветром, который не был запрограммированным эффектом, а частью среды.

Она провела ладонью по стволу дерева. Кора была тёплой, чуть влажной.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Очень хорошо.

Она не знала, что именно оценивает — систему или мир.

Наверное, уже нельзя было разделить.

Небо над Эдемом было чистым. Не потому что его очистили — потому что перестали загрязнять. Орбитальные конструкции существовали, но не доминировали. Они были частью инфраструктуры, а не символом присутствия.

С высоты город не делился на кварталы. Он расходился слоями, как если бы поверх рельефа аккуратно наложили разные среды — почву, воду, зелень, свет — и дали им время притереться друг к другу. Дорожки шли по линиям, где людям удобно ходить, а не где удобно

чертить. Там, где поток людей увеличивался, покрытие уплотнялось само: стебли становились короче и жёстче, под ними активировались капилляры подогрева, чтобы поверхность оставалась сухой после дождя. Там, где людей не было, трава поднималась выше, и система не вмешивалась.

Утром кухни открывались раньше остальных зон. Не по расписанию — по факту активности. В одной из них уже работали двое: на столешнице, встроенной в склон, лежали плоды из северного сектора — плотные, с тонкой кожицей. Поверхность стола держала температуру чуть ниже окружающей, чтобы сок не закисал. Девушка настраивала модуль ферментации: задавала диапазон кислотности и время, остальное система делала сама, подстраиваясь по показаниям датчиков в массе.

— Слишком быстро идёт, — сказала она, не глядя.

— Увеличь порог, — ответил мужчина рядом.

Она провела пальцем по поверхности. Значения поменялись. Масса замедлилась, пузырьки стали реже.

— Так лучше.

Никто не проверял её работу сверху. Не было нужды.

Чуть дальше дети разбирали конструкцию из живого материала — учебный модуль. Он позволял менять форму без инструмента: достаточно было задать направление усилия, и структура подстраивалась. Мальчик попытался согнуть элемент слишком резко — поверхность уплотнилась и «упёрлась».

— Смотри, — сказал наставник, присев рядом. — Она не ломается. Она держит форму, пока ты не задашь правильное направление.

Мальчик сменил угол, и материал поддался.

— Понял.

Никаких отметок, никаких оценок. Результат был сразу в руках.

Водные каналы проходили открыто, без крышек. Вода шла медленно, без шума. В одном месте поток разделялся на два рукава: один уходил в агроблок, второй — в исследовательскую зону. На кромке стояли датчики — не торчащие приборы, а тонкие пластины, встроенные в стенки. Они не привлекали внимания, но давали полный срез параметров.

— Сдвиг по минералам, — сказал мужчина, стоящий по колено в воде.

— Вижу, — ответили с берега. — Перераспределяем?

— Подожди. Пусть отработает сам.

Через несколько минут поток выровнялся без вмешательства. Система лишь скорректировала забор на соседнем участке, чтобы не перегружать канал.

Транспорт внизу не стоял в очередях — их не было. Капсулы приходили тогда, когда в них возникала потребность. Алгоритм не «выдавал» транспорт, а подстраивал сеть под текущую плотность перемещений. Если кто-то менял маршрут, система перестраивала траектории остальных так, чтобы не возникало узких мест. Это происходило без задержек, без сигналов «ожидайте».

В медицинском блоке не было приёмной. Люди заходили и сразу попадали в зону диагностики. Сенсоры считывали состояние на входе: температура, давление, состав крови, динамика за последние дни. Если всё в норме — система не задерживала. Если требовалось вмешательство — направляла дальше. Врач подключался там, где нужен человек, а не там, где можно обойтись без него.

— Ничего серьёзного, — сказал врач, просматривая данные на полупрозрачной панели. — Переутомление. Снизь нагрузку на пару дней.

— Снизить — это сколько? — спросил мужчина.

— Убери два блока из расписания. Система подстроит остальное.

Он кивнул. Этого было достаточно.

В центральной зоне координации обсуждали перераспределение ресурсов на ближайшие сутки. Не «план на неделю», не «квартальные цели». Ближайшие сутки.

— В северном секторе увеличился поток посетителей, — сказала женщина. — Давление на почву выросло.

— Перенаправим часть маршрутов? — предложил другой.

— Частично. И добавим настил на двух участках, где уже есть след.

— Согласен.

Решение заняло меньше минуты. Никто не тянул одеяло на себя, потому что одеяла не было.

Лиана поднялась на верхний уровень, где город сходил на нет и начинался лес. Отсюда было видно, как слои переходят друг в друга без стыков: дорожка уходит в траву, трава — в кусты, кусты — в деревья. Внизу люди двигались в своём ритме, без толчеи, без пустых промежутков.

Она села на край выступа и провела ладонью по земле. Почва была тёплой, чуть влажной — капилляры под ней держали стабильный режим. Интерфейс на запястье мигнул, но она не посмотрела. Здесь не нужно было постоянно контролировать.

— Нормально, — сказала она тихо.

И это «нормально» означало, что ничего не требует вмешательства, ничего не просит ускорения, ничего не «горит». Системы работают, люди делают своё, среда держит форму.

Лиана осталась сидеть ещё несколько минут, просто глядя вниз. Потом поднялась и пошла дальше по склону, туда, где дорожка исчезала в траве.

Она спустилась с выступа и пошла по тропе, которая не была отмечена на картах как «маршрут». Таких здесь было много — они появлялись там, где люди действительно ходили, и исчезали, если переставали быть нужными. Поверхность под ногами чуть пружинила, подстраиваясь под шаг. В местах, где склон становился круче, из земли выступали узкие пластины — не ступени, а опоры, на которые удобно ставить стопу.

Ниже, у воды, начиналась зона сбора. Небольшая группа уже работала: трое людей и два сервисных модуля. Модули не выглядели как техника — больше как вытянутые формы, которые могли менять конфигурацию. Один держал контейнер, второй аккуратно срезал стебли, не повреждая корневую систему.

— Сколько сегодня берём? — спросила Лиана, подходя ближе.

— Меньше, чем вчера, — ответила женщина, не поднимая головы. — Сектор восстановился быстрее, чем ожидали, но лучше не нагружать.

Лиана кивнула. Она не проверяла цифры — она смотрела на сами растения. По цвету, по плотности листа, по тому, как они держали влагу. Этого хватало, чтобы понять, где проходит граница.

Она наклонилась, провела пальцами по краю листа, слегка нажала. Ткань вернулась в форму сразу, без задержки.

— Здесь можно добавить, — сказала она. — Плотность позволяет.

Женщина подняла взгляд, на секунду оценила участок, потом улыбнулась:

— Добавим.

Сервисный модуль перестроился, изменил траекторию и перешёл на соседний участок. Никаких команд вслух — только согласование на уровне жестов и параметров.

Контейнеры заполнялись медленно. Ничего не делалось «на запас». Всё, что собирали, уходило в систему распределения почти сразу. Излишки не копили — их не было смысла создавать.

Чуть дальше, под навесом из переплётённых ветвей, стояли два человека с переносным проектором. Они настраивали модель рельефа — прозрачную, висящую в воздухе. В ней отображались потоки воды, плотность почвы, корневая сеть.

— Смотри, — сказал один, увеличивая участок. — Здесь подмывает.

— Не критично, — ответил второй. — Но если оставим, через неделю пойдёт просадка.

— Подпорки?

— Нет. Перенаправим поток на двадцать процентов и усилим корневой слой.

Он провёл рукой, и модель изменилась. Тонкие линии потока сместились, в узлах появились дополнительные структуры.

— Так?

— Да. Запускай.

Проектор погас. Где-то под землёй система приняла параметры и начала перестройку.

У воды было прохладнее. Лиана сняла обувь, зашла в поток. Камни под ногами были гладкими, но не скользкими — поверхность сама меняла микрорельеф в зависимости от давления.

Она остановилась на середине, закрыла глаза на секунду, просто чувствуя движение воды. Не для проверки. Для себя.

— Ты снова здесь, — сказал голос с берега.

Она открыла глаза. Мужчина стоял у края, руки в карманах.

— Здесь удобно думать, — ответила она.

— Ты и так слишком много думаешь.

— Это моя работа.

— Твоя работа — не мешать, — усмехнулся он.

Она пожала плечами.

— Иногда нужно проверить.

Он кивнул на воду:

— Проверила?

— Да.

— И?

— Всё нормально.

Он кивнул и пошёл дальше, не задерживаясь. Разговор закончился там, где перестал быть нужен.

Лиана вышла на берег, провела ладонью по волосам, стряхивая воду. Интерфейс на запястье отреагировал — короткий импульс, фиксация температуры тела, баланс. Она не смотрела.

К полудню город становился плотнее — не по количеству людей, а по активности. Открывались мастерские, в исследовательских зонах появлялось больше людей, на кухнях менялись смены.

В одном из открытых пространств работали с материалами. Не с металлом в привычном смысле — с гибридными структурами, которые можно было «выращивать» под задачу. Молодой парень держал заготовку, пытаясь придать ей форму. Материал сопротивлялся, возвращался к исходному состоянию.

— Ты давишь, — сказала девушка рядом. — Попробуй задать форму, а не заставить её.

Он остановился, выдохнул, сменил угол. Поверхность поддалась, плавно, без рывка.

— Так?

— Да. Смотри, она сама держит.

Он улыбнулся — коротко, без лишних слов.

На соседнем уровне проходила небольшая встреча — неформальная, без повестки. Люди сидели на низких платформах, кто-то стоял, кто-то лежал на траве. Обсуждали, что делать с участком, где в последние дни увеличилось количество посетителей.

— Там стало шумнее, — сказал один.

— Не критично, — ответила женщина. — Но если так пойдёт, часть видов уйдёт.

— Перенаправим поток?

— Частично. И добавим ещё одну точку притяжения в другом секторе.

— Что предложишь?

Она задумалась на секунду.

— Вода. Сделаем там мелкую систему с переходами. Люди сами пойдут.

— Согласен.

Решение приняли сразу. Не потому что спешили — потому что не было причин спорить.

Лиана прошла мимо, не задерживаясь. Её участие здесь не требовалось.

Ближе к вечеру свет стал глубже. Не темнее — насыщеннее. Стены начали мягко светиться изнутри, дорожки приобрели тёплый оттенок. Люди не расходились по домам — они просто меняли ритм.

Кто-то оставался в работе. Кто-то переходил к отдыху. Кто-то собирался вместе.

У воды зажглись слабые огни — не яркие, а такие, которые не мешают смотреть в темноту. Там уже сидели несколько человек, разговаривая вполголоса. Звук не разносился далеко — среда гасила лишнее.

Лиана остановилась на краю, посмотрела на поверхность воды. Она была ровной, почти зеркальной.

— Ты сегодня рано закончила, — сказал кто-то за спиной.

— Да, — ответила она. — Нечего было делать.

— Это хорошо.

Она кивнула.

— Да.

Они постояли рядом несколько секунд, потом разошлись в разные стороны.

Ничего не требовало продолжения.

Лиана пошла вверх по склону, туда, где начинался лес. Свет там был слабее, но не темнее — просто другой. Тени не скрывали, а давали глубину.

Она шла без цели, пока дорожка не стала уже и не исчезла совсем. Дальше была просто трава, потом корни, потом мягкая земля.

Она остановилась, огляделась. Вокруг не было людей. Только лес.

Она присела, коснулась земли ладонью. Почва была тёплой.

— Нормально, — сказала она тихо.

Не для отчёта. Не для системы.

Просто как фиксацию факта.

Она поднялась и пошла дальше, между деревьями, туда, где свет уже не доходил напрямую, а оставался только отражённым.

Она шла глубже, пока шаги не стали мягче и реже. Земля под ногами менялась — сначала пружинистая, потом более рыхлая, с тонким слоем опавших листьев. Они не шуршали громко, звук был приглушённый, как будто лес сам решал, сколько шума оставить.

Свет здесь держался дольше. Он не падал сверху — он оставался в воздухе, в стволах, в коре, в тонких прожилках листьев. Где-то дальше текла вода — не видно, но слышно по ритму, ровному и спокойному.

Лиана остановилась у поваленного ствола. Дерево лежало давно — по поверхности уже прошли тонкие трещины, в них проросли мелкие растения. Ничего не убирали, если это не мешало. Ствол стал частью среды, как и всё остальное.

Она села на него, вытянула ноги. Руки положила на колени, потом опустила на древесину. Поверхность была тёплой, сухой.

Несколько минут она просто сидела.

Не думала. Не проверяла. Не фиксировала.

Слушала.

Лес не был тихим. В нём было достаточно звуков — насекомые, вода, редкие движения в траве. Но ни один из них не выбивался. Они не складывались в шум, не давили. Они были на своих местах.

Интерфейс на запястье едва заметно пульсировал, фиксируя параметры, но не требовал внимания. Система не спрашивала, не напоминала, не подталкивала.

В этом не было необходимости.

Лиана провела ладонью по стволу, на секунду задержала руку, потом убрала. Поднялась, сделала несколько шагов, остановилась снова — уже у другого дерева. Кора была чуть прохладнее, с тонким рельефом.

Она прислонилась плечом, закрыла глаза на мгновение.

Потом открыла.

Ничего не изменилось. Именно так, как и должно быть.

Она развернулась и пошла обратно, не спеша, выбирая путь не по дорожке, а по ощущениям — где удобнее, где мягче, где нет смысла обходить.

Когда лес начал редеть, свет снова стал шире. Город появился не сразу — сначала линии, потом формы, потом люди. Движение, которое не ускорялось и не замедлялось, а просто продолжалось.

Кухни ещё работали. В исследовательских зонах кто-то оставался, кто-то уже уходил. Вода в каналах шла так же ровно, как днём.

Ничего не требовало вмешательства.

Лиана прошла по краю одной из дорожек, не заходя в поток. Остановилась у невысокого выступа, откуда было видно сразу несколько уровней — трава, дорожки, вода, свет.

Она стояла, не двигаясь.

Не искала, что проверить. Не думала, что изменить.

Просто смотрела.

Потом сделала шаг назад, развернулась и пошла дальше, к жилым модулям.

Свет в стенах стал теплее. Воздух — чуть плотнее, но так же чистый. Люди заходили внутрь, выходили, обменивались короткими фразами.

Ничего не завершалось.

Ничего не начиналось заново.

День просто переходил в вечер, как обычно.

Лиана поднялась на уровень выше, провела рукой по панели у входа — не чтобы открыть, а чтобы отметить присутствие. Дверь отреагировала сразу.

Она вошла, остановилась на пороге, на секунду оглянулась назад.

Город оставался тем же.

Она закрыла дверь и прошла внутрь.

И в этом не было ни итога, ни вывода.

Просто ещё один обычный день,
который не требовал запоминания.

Глава 3

Сигнал появился не как событие, а как несоответствие.

В орбитальном наблюдательном массиве «Линия-7» шёл обычный цикл обработки дальнего фона: пылевые облака, отражения от ледяных тел на периферии системы, слабые радио-эхо от старых автоматических буёв, которые давно уже никто не называл буями, потому что они сами вели наблюдение, сами вели коррекцию и сами решали, какие данные сбрасывать вниз, а какие нет. Пространство вокруг Эдема не считалось пустым. Оно было просчитанным. Изученным. Не до последнего камня, конечно, но до такой степени, чтобы любое новое отклонение не прошло незамеченным.

И всё же первое сообщение выглядело почти скучно.

Неизвестный источник.

Нестабильная сигнатура.

Высокая относительная скорость.

Подтверждение по трём независимым каналам — ожидается.

Дежурный оператор Арен, худой темноволосый мужчина лет сорока с лицом человека, который всю жизнь провёл среди цифр и совсем не страдал от этого, провёл двумя пальцами по панели, расширяя окно. Полупрозрачный объём данных раскрылся перед ним, послушно повис в воздухе. Линии траекторий, отметки тел, слабые паразитные шумы, поправки на оптику, плотность межзвёздной пыли — всё привычное, всё знакомое.

— У меня странность на дальнем секторе, — сказал он спокойно.

Никто не дёрнулся. В центре орбитального анализа не дёргались вообще. Это место не любило резких движений. Огромный зал с мягким светом, открытыми рабочими дугами и панорамной стеной, на которой в реальном времени разворачивалась модель окружающего пространства, существовал не для паники. Он существовал для понимания.

— Какого рода? — спросила с соседнего поста Иара, не оборачиваясь.

— Пока не ясно. Есть объект или группа помех с устойчивым вектором. Скорость слишком аккуратная для естественного мусора. Но и на обычный аппарат не похоже. Сигнатура грязная.

Теперь она повернулась. Подошла к нему, поставила чашку с настоем на край консоли и чуть наклонилась вперёд.

— Покажи.

Арен раздвинул слои и убрал всё лишнее. На общем фоне, где пространство выглядело тихим и почти пустым, появилась тонкая светлая отметка. Она была не яркой, не впечатляющей. Просто игла, вклеенная в ткань модели под неудобным углом.

— Это уже подтверждено? — спросила Иара.

— Первый канал дал. Второй почти совпал. Жду третий.

— Масса?

— Пока не даёт нормально снять. Отражение ведёт себя странно. Как будто поверхность не любит, когда на неё смотрят.

— Очень научное описание, — сухо сказала Иара.

— Я старался упростить.

Она хмыкнула и протянула руку к панели, меняя режим анализа. Светлая точка дрогнула, вокруг неё проступило слабое облако возможных параметров.

— Если это естественное тело, то оно идёт слишком... уверенно, — сказала она. — Если искусственное, то странно, что мы не видим нормального отклика. Нет обычного энергетического хвоста, нет характерной архитектуры рассеяния.

— Именно.

В этот момент система подтвердила третий канал.

На краю поля вспыхнула тонкая зелёная метка.

Подтверждено.

Их было двое, но через минуту у консоли стояли уже пятеро. Не потому что случилось нечто опасное. Просто на Эдеме любили странности. Особенно такие, которые пока не укладывались в готовые классы.

— Давайте без красивых формулировок, — сказал подошедший позже всех Маркейн, старший координатор смены. — Что у нас есть?

Арен вывел сводку.

— Неизвестный объект на дальнем входящем векторе. Скорость выше средней для естественных тел на этом участке, но недостаточная, чтобы прямо сейчас считать её аномальной. Сигнатура нестабильна. Есть расхождение по отражающим параметрам. Пока выглядит как плотная структура со сложной поверхностью.

— Размер?

— Не знаю.

— Приблизительно.

— От «большой ошибки прибора» до «очень крупной штуки».

— Тоже очень научно, — заметил Маркейн.

— Утро ещё только началось, — ответил Арен.

Маркейн не улыбнулся, но и не стал делать вид, что это не смешно.

Он посмотрел на модель, потом перевёл взгляд на общую панораму. Там Эдемская система была развёрнута спокойно и красиво: орбиты, станции, обслуживающие контуры, коридоры движения, поля наблюдения. Всё было на своих местах.

— Ладно. Первое: не называем это угрозой, пока у нас нет причин так делать. Второе: не называем это «артефактом», «гостем» и прочими любимыми словами гуманитариев. Третье: поднимаем расширенный анализ по всем диапазонам. И сообщаем вниз.

— В Совет? — спросила Иара.

— Сначала в научный контур. Пусть порадуются.

Она взяла чашку, отпила и кивнула.

— Они порадуются.

Новость дошла до поверхности не сразу, а в несколько мягких шагов, как здесь происходило всё важное. Сначала — в центральный исследовательский кластер. Потом — в группы астрофизики, навигации, орбитальной динамики, материаловедения, систем контакта. Потом уже в координационный узел, который решал, кто и что должен увидеть в первую очередь.

Лиана в этот момент находилась в южном биосекторе, где помогала настраивать сезонное перераспределение влаги. Работа была почти закончена, когда интерфейс на запястье дал короткий, вежливый импульс.

Она подняла руку.

«Научный приоритет. Рекомендуется участие».

Она мельком пробежала глазами сводку и остановилась.

— Что там? — спросил стоявший рядом Нор.

— Космос, — ответила она.

— Очень содержательно.

— Неизвестный объект на входящем векторе. Аналитики просят дополнительные глаза.

— А ты у нас теперь глаз по космосу?

— Нет. Просто они всегда собирают всех, кто умеет думать не только по своей специальности.

Нор выпрямился, стряхнул с ладоней влажную землю и посмотрел на неё.

— И что ты думаешь?

— Думаю, если бы это было что-то обычное, меня бы не звали.

— Пойдёшь?

Она уже шла.

— Конечно.

Центральный научный узел занимал несколько открытых уровней, спускавшихся к воде амфитеатром. Никаких глухих коридоров, никаких закрытых «лабораторных коробок». Пространства перетекали друг в друга: моделирование, архив, вычислительные посты, зоны обсуждений, тихие рабочие ниши, над которыми мягко висели объёмы данных.

Когда Лиана поднялась на верхний уровень, там уже былолюдно.

Не суетно. Именнолюдно.

Кто-то сидел на низких платформах с развёрнутыми моделями перед собой, кто-то стоял в группах по трое-четверо, кто-то листал старые каталоги дальних объектов. В воздухе висели сразу несколько версий одной и той же траектории, наложенные друг на друга разными цветами.

На центральном экране — если вообще можно было назвать экраном огромную прозрачную плоскость, висящую между уровнями, — горела та самая отметка. Теперь уже больше. Чётче. Но всё ещё слишком далеко, чтобы дать честный ответ на главный вопрос.

Что это такое.

— Ты как раз вовремя, — сказала Иара, заметив Лиану. — Нам нужны люди с привычкой смотреть не только в цифры.

— Это ты сейчас меня похвалила или оскорбила?

— Пока не решила.

Лиана подошла ближе.

— Показывай.

Иара взмахнула рукой, и модель раскрылась сразу в нескольких слоях. Голая траектория. Спектральный профиль. Тепловые оценки. Отражение. Радарная интерпретация. Попытка реконструкции формы, пока ещё совершенно бессовестная.

Лиана несколько секунд молчала.

— Это не природное тело, — сказала она наконец.

— Почему?

— Слишком аккуратно идёт. Слишком собранно. Даже если это кусок чего-то, он ведёт себя как объект, который знает, куда движется.

— Мы то же самое сказали, только дольше и скучнее, — заметил Арэн.

— Масса?

— Всё ещё плавает. Но если наша нижняя оценка хотя бы отдалённо верна, штука крупная.

— Насколько крупная?

— Настолько, что хотелось бы ошибиться в расчётах.

Лиана подняла взгляд на основную панораму.

— Контакта нет?

— Пока нет. Послали первый пакет стандартных приветственных и технических последовательностей. Тишина.

— Может, ещё рано.

— Может.

Маркейн в этот момент стоял чуть в стороне и разговаривал с планетарным ИИ через локальный контур. Здесь не было отдельного «пульта бога». Просто одна из рабочих поверхностей чуть изменила тон, обозначив активное присутствие системы.

— Что у тебя по вероятностям? — спросил он.

Голос ИИ звучал ровно и спокойно. Не безлично, но без попытки быть кем-то большим, чем он есть.

— На текущем объёме данных доступно девятнадцать состоятельных сценариев. Ведущие группы: искусственный аппарат дальнего происхождения, фрагмент крупной автономной конструкции, плотное тело с нестандартной геометрией отражающей поверхности. Доля уверенности пока недостаточна.

— То есть ты тоже не знаешь.

— Да.

— Это приятно.

— Согласен. Неопределённость повышает ценность наблюдения.

Рядом кто-то тихо рассмеялся.

На Эдеме любили такие ответы.

К полудню вокруг объекта уже выросло настоящее исследование.

Не «экстренный штаб» — именно исследование.

Одни снимали поведение отражённых волн и пытались понять, что за структура даёт такой рисунок. Другие строили модели возможной поверхности. Третьи перебирали старые архивы: не было ли чего-то похожего в известных дальних наблюдениях, в доэдемских каталогах, в земных базах глубокого космоса.

В одном из боковых секторов двое спорили над спектральным профилем.

— Ты переоцениваешь тепловой вклад, — сказал высокий седой мужчина, водя пальцем по линии. — Если это внешняя оболочка, она может просто гасить часть сигнала.

— Или сама поверхность неоднородна, — ответила молодая женщина напротив. — Смотри: здесь нет обычной плавности. Слишком много локальных провалов.

— Тогда структура сложнее.

— Именно.

— Для природного тела — слишком.

— А для искусственного — странно.

Они посмотрели друг на друга и почти одновременно улыбнулись.

Именно за это большинство из них и любило свою работу.

Мир редко подкидывал что-то, чего они действительно не понимали сразу.

Лиана переместилась к другой группе, где строили проекцию возможного внешнего контура объекта. Пока модель была грубой: вытянутый, неровный массив, в котором угадывалось что-то вроде центральной оси и неравномерных наростов по корпусу.

— Это уже похоже на фантазию, — сказала она.

— Конечно, — ответил оператор. — Но мы честно подписали, что это фантазия.

— Хорошо. А если не фантазия?

Он развёл руками.

— Тогда это кто-то очень не любит чистую геометрию.

— Или очень давно летит, — негромко сказала Лиана.

Он повернулся к ней.

— Думаешь, старый объект?

— Пока не думаю. Просто допускаю.

Она отошла, не развивая тему. Это был не вывод. Просто один из возможных углов взгляда.

Во второй половине дня подключился контур внешней подготовки.

Не военный — на Эдеме не было военного контура в том смысле, в каком его понимали раньше. Скорее защитный и логистический: расчёт орбит, разгрузка движения, подготовка контактных протоколов, разворот дополнительных датчиков, проверка обслуживающих систем.

Планетарный ИИ работал сразу в нескольких направлениях.
Уточнял траекторию.

Расширял сетку наблюдения.

Поднимал старые архивы межзвёздных программ.

Готовил пакеты связи на разных частотах и в разных кодировках.

Проверял, не потребуется ли заранее освободить часть орбитального пространства под возможный подход.

Люди не командовали им в лоб. Они задавали рамку, а он строил внутри неё рабочее поле.

— Если объект сохраняет вектор, — сказал Маркейн на общем обсуждении, — мы получим гораздо больше данных в течение ближайших часов. Вопрос не в том, опасен ли он. У нас пока нет оснований так думать. Вопрос в том, насколько быстро мы сможем понять, что перед нами.

— И если это контакт? — спросил кто-то с нижнего уровня.

Маркейн пожал плечами.

— Тогда у нас будет контакт. Не вижу здесь трагедии.

— А если это старый автоматический аппарат?

— Тоже интересно.

— А если это просто обломок?

— Значит, у нас будет самый любопытный обломок за последние годы.

По залу прошёл лёгкий смешок. Напряжения не было. Даже любопытство у них было организованным.

Лиана, стоявшая у края площадки, слушала и смотрела не на говорящих, а на модель объекта. В ней по-прежнему было слишком мало ясности. Но теперь уже отчётливо читалось одно: он действительно идёт сюда.

Не мимо.

Не по касательной.

Сюда.

Её это не пугало. Скорее наоборот.

В мире, где большинство задач было давно решено, а основные сюрпризы происходили в тонких слоях биологии, почвы, воды и внутренних социальных настроек, появление чего-то действительно нового воспринималось почти как подарок.

— Ты рада, — заметила подошедшая Иара.

— Немного.

— Я тоже.

— Это плохо?

— Нет. Просто любопытно, насколько быстро любопытство превращается в привычку всё объяснить.

— А разве не для этого мы здесь?

Иара усмехнулась.
— Для этого тоже.

Под вечер объект уже можно было показывать широкой научной сети без оговорок про «возможную ошибку измерений». Ошибка, конечно, всё ещё оставалась, но она уже не объясняла главного.

Сигнал был.

Источник был.

Вектор был.

В нескольких городских секторах вывели краткие сводки на общие информационные панели. Не как предупреждение — как новость.

Неизвестный входящий объект. Идёт к системе. Исследование продолжается.

Люди останавливались, читали, обменивались предположениями.

— Может, старый земной аппарат?

— Слишком большой.

— Откуда мы знаем, что большой?

— А ты не видел сводку?

— Видел, но там половина оценок с пометкой «предварительно».

— Значит, будет что обсудить завтра.

В одном из открытых кафе двое подростков уже строили собственные теории.

— Это точно чей-то зонд.

— Зонд так не идёт.

— Почему?

— Потому что он бы уже отвечал.

— Если хотел бы.

— А если не умеет?

— Тогда зачем он сюда летит?

— А если не сюда?

Они спорили азартно, но без надрыва. Чистое удовольствие от неизвестного.

Ночью Лиана осталась в научном узле дольше, чем собиралась. Не потому что была нужна. Просто не хотелось уходить, пока картина не стала хотя бы чуть яснее.

Вечерний свет внутри комплекса стал глубже. Данные в воздухе светились чётче на фоне потемневших внешних проёмов. За прозрачными стенами текла вода каналов, и в темноте она казалась почти чёрной.

Планетарный ИИ выдал обновлённый прогноз.

— Уточнённая вероятность искусственного происхождения: выросла, — сообщил он. — Уверенности для окончательной классификации по-прежнему недостаточно.

— На сколько выросла? — спросил Арэн.

— На двенадцать процентов.

— Это уже что-то.

— Это уже повод перестать называть его “штукой”, — заметила Иара.

— Ни за что, — ответил он.

Лиана подошла ближе к главной модели. Объект медленно плыл по траектории, и в этом движении было что-то очень прямое, очень честное. Без колебаний. Без поиска. Как будто весь его смысл и был в самом движении.

— Если это аппарат, — сказала она, — то он не просто идёт сюда. Он шёл сюда давно.

— С чего ты взяла? — спросил Маркейн.

— Не знаю. По ритму.

— По ритму, — повторил Арэн. — У нас здесь люди с точной наукой, а она пришла с ритмом.

— И что? Ты уже весь день описываешь отражение как “не любит, когда на него смотрят”.

— Это другое.

— Это то же самое, только у меня лучше получается.

Даже Маркейн на этот раз улыбнулся.

— Хорошо. Допустим, по ритму. Тогда вопрос: если он шёл сюда давно, почему мы видим его так поздно?

Ответил ИИ.

— Возможны три основные причины. Первая: особенности поверхности или поля объекта затрудняли раннее обнаружение. Вторая: объект изменил траекторию на участке, ранее скрытом за массивом естественных помех. Третья: часть сигнала маскировалась под фон.

— Какой вариант тебе кажется вероятнее? — спросила Лиана.

— Мне не кажется. Но на текущих данных первая и третья группы причин лидируют.

— То есть он либо хорошо скрывался, либо очень неудобно выглядит.

— Да.

— Хорошо, — сказала она. — Это уже похоже на настоящее исследование.

Ближе к ночи был созван расширенный научный круг. Не срочный. Не официальный до напряжения. Просто стало ясно, что случай интереснее обычного наблюдения, и лучше собрать больше голов сразу, чем растягивать обсуждение на сутки.

Люди расселись по уровням. Кто-то подключился из домов, кто-то из орбитальных платформ, кто-то прямо из полевых станций. Большой объём модели висел в центре, медленно вращаясь. Рядом — траектория. Ещё дальше — спектральные и тепловые слои.

Первым говорил Маркейн.

— Итак. У нас есть неизвестный объект на входящем векторе. Есть подтверждённая динамика, есть растущая вероятность искусственного происхождения, есть отсутствие ответа на первичные пакеты связи. Пока никаких признаков агрессии, никаких манёвров уклонения, никаких попыток скрытого поведения после фиксации. Мы рассматриваем это как научное событие высокой важности и готовим расширенный протокол наблюдения и контакта. Начнём с простого. Версии.

Седой специалист по дальним системам поднял руку.

— Старый автоматический аппарат. Возможна очень дальняя миссия, возможно даже доземского периода или ранних колонизационных программ. Повреждён, потому и молчит.

— Не укладывается в размер, — отозвалась женщина из орбитального контура. — Если нижняя оценка массы близка к реальной, это слишком большой аппарат для обычной автоматки.

— Тогда фрагмент?

— Фрагмент чего? — спросил кто-то снизу. — Города?

Лёгкий смешок разошёлся по уровням.

— Не города, — спокойно ответил Арен. — Но структура действительно может быть крупной. Если это обломок более сложной системы, мы пока не понимаем, какой.

Лиана подняла взгляд на модель.

— А если это не обломок и не автомат? — сказала она. — Что, если это носитель. Большой, медленный, старый. Что-то, что создавалось не для манёвра, а для долгого движения.

На несколько секунд стало тише.

Не потому что её слова прозвучали страшно.

Просто это была красивая версия.

— Носитель чего? — спросил Маркейн.

— Не знаю, — честно сказала она. — Людей. Экосистемы. Архива. Чего угодно. Я не утверждаю. Просто это объясняет размер лучше, чем «сложный мусор».

— И молчание?

— Если он очень старый — возможно.

Планетарный ИИ мягко вошёл в обсуждение.

— Гипотеза допустима. Недостаточно данных для ранжирования выше существующих основных версий. Однако структурная модель “дальнодействующий носитель” добавлена в активные сценарии.

— Спасибо, — сказала Лиана.

— Всегда.

Кто-то на верхнем уровне тихо фыркнул.

— Мне всё ещё нравится “штука”, — пробормотал Арен.

Когда обсуждение закончилось, ночь уже легла плотно. На поверхности города Эдема светились спокойно, без избытка. На орбите наблюдательные массивы работали в усиленном режиме. Дополнительные каналы связи были готовы. Внешние датчики перестроены. Архивы подняты. Протоколы встречи — не тревожные, а именно встречи — собраны в несколько вариантов.

Планетарный ИИ продолжал расчёты.

Он не волновался.

И не мог волноваться в человеческом смысле.

Но он делал то, что делал всегда при появлении нового сложного фактора: готовил среду к встрече с неизвестным так, чтобы неизвестное не застало её врасплох.

Освобождал орбитальные коридоры.

Уточнял возможности буксирных групп.

Проверял исправность контактных платформ.

Собирал языковые пакеты, от самых старых земных до современных универсальных последовательностей.

На поверхности, уже у себя дома, Лиана снова открыла модель. Объект был всё тем же — далёким, неясным, слишком цельным для случайности и слишком странным для привычной техники.

Она сидела у открытой стены, за которой темнел сад. Воздух входил внутрь ровно, без перепада температур. Внизу кто-то ещё разговаривал на дорожке. Вода в канале двигалась почти бесшумно.

Лиана увеличила изображение. Потом убрала. Потом снова увеличила.
Ничего нового.
И всё же она смотрела ещё несколько минут.
Не с тревогой.

С интересом.

Так смотрят на задачу, которая наконец не похожа на все предыдущие.

Так смотрят на дверь, если за ней не опасность, а что-то, чего ещё не было.

Перед тем как лечь, она отправила короткий запрос в общий научный контур:

«Если будут новые данные по форме корпуса — добавьте меня в первую группу просмотра».

Ответ пришёл сразу:

«Добавлено».

Она закрыла интерфейс.

За стеной ночной Эдем жил своим обычным ритмом. Ничего в этом ритме не изменилось. Люди спали, работали, разговаривали, гуляли. Системы держали баланс. Вода текла. Свет дышал в стенах.

А далеко, на входящем векторе, в темноте двигался объект, которого здесь ещё никто не понимал до конца.

Глава 4

Прошло время, достаточное, чтобы неизвестное перестало быть точкой и стало **объектом**.

Сначала изменились масштабы. На орбитальных панорамах появилась форма, которая больше не растворялась в шуме. Она не стала чёткой — но стала **упрямой**: держалась в модели, не распадалась на варианты, не исчезала при смене режимов анализа. Её нельзя было списать на погрешность. С ней пришлось считаться.

Траектория уточнилась.

Не «примерно сюда».

Сюда.

Скорость тоже перестала быть абстракцией. В сравнении с внутренними орбитальными потоками она выглядела высокой, но не агрессивной. Не удар, не бросок. Длинное, выдержанное движение, как у объекта, который слишком долго летел, чтобы в конце менять привычку.

На уровне орбиты «Гелиоса» увеличили плотность наблюдения. Массивы развели на дополнительные углы, усилили приём, развернули несколько старых каналов, которыми давно не пользовались. Не потому что было страшно — потому что было **интересно**.

— Теперь видно, что это не фрагмент, — сказал Арен, раздвигая очередной слой.

Иара стояла рядом, чуть склонив голову.

— Согласна. Слишком целостно держится. Даже там, где сигнал проваливается, контур не распадается.

— Геометрию поймали?

— Частично. Смотри.

Она вывела новую проекцию.

Форма не была гладкой. Не была симметричной в привычном смысле. Она вытягивалась вдоль основной оси, но по бокам расходились неровные выступы, как если бы к основной структуре в разное время присоединяли дополнительные слои. Где-то поверхность казалась плотной и однородной, где-то — рыхлой, с множеством мелких деталей, которые не укладывались в привычные классификации.

— Это не стандартная архитектура, — сказал Арен.

— У нас нет «стандартной архитектуры» для всего, что мы не строили сами, — спокойно ответила Иара.

— Да, но обычно хотя бы видно, зачем оно так сделано.

— А здесь?

— Здесь пока нет.

Маркейн подошёл чуть позже. Он не спешил, но смотрел внимательно.

— Масса? — спросил он.

— Подтягивается вверх, — ответила Иара. — Нижнюю границу можно уже не учитывать. Объект действительно крупный.

— Насколько крупный?

Она не ответила сразу, проверяя цифры.

— Достаточно, чтобы мы перестали думать о нём как о «госте», — сказала она. — Это... структура.

— Принято, — кивнул Маркейн. — Контакт?

— Пока нет. Но...

Она замолчала.

— Но? — уточнил он.

— Есть флуктуации в радиодиапазоне. Непохожие на отражение. Периодичность неустойчивая, но повторяемая.

Арен быстро вывел слой.

На фоне чистого поля появились слабые импульсы. Не ровные, не математически аккуратные. Они словно искали форму, не находя её сразу.

— Это не шум, — сказал он.

— Не шум, — подтвердила Иара.

— И не стандартный протокол.

— Нет.

Маркейн кивнул.

— Значит, будем считать, что это попытка связи.

Он произнёс это без напряжения. Как факт.

На поверхности Эдема новость прошла тем же мягким путём, что и раньше. Уже не как «возможное отклонение», а как событие, за которым стоит следить.

В общественных зонах появилось обновление:

Неизвестный объект на входящей траектории.

Размер уточнён.

Форма сложная.

Фиксируются радиофлуктуации.

Вероятность искусственного происхождения — высокая.

Никаких предупреждений.

Никаких ограничений.

Люди читали, обсуждали, делились версиями.

— Ты видел модель? — спросил мужчина в одном из открытых кафе.

— Видел. Похоже на... не знаю. На сборную конструкцию.

— Или на что-то, что долго меняли.

— Думаешь, ремонтировали по ходу?

— Почему нет.

Рядом девушка открыла проекцию на своём интерфейсе, увеличила участок.

— Смотрите, здесь плотность выше. Как будто центральное ядро.

— А вокруг?

— Обрастание.

— Интересно.

Они говорили спокойно. Не потому что недооценивали ситуацию — потому что не было причин её драматизировать. Всё, что происходило, укладывалось в одну простую категорию:

новое.

Лиана провела большую часть дня в научном узле.

Модель обновлялась почти непрерывно. Каждый новый пакет данных добавлял чуть больше ясности, но вместе с ней появлялись и новые вопросы.

— Вот здесь, — сказала она, показывая на участок, — форма меняется в зависимости от угла наблюдения. Не просто искажение. Реально меняется отражение.

— Метаматериал? — предположил кто-то.

— Возможно. Или просто сложная поверхность, которую мы пока не умеем правильно считывать.

— Если это аппарат, — сказал Арен, — он не рассчитан на то, чтобы его легко читали.

— Или он вообще не думает о том, что его будут читать, — добавила Иара.

Лиана на секунду задумалась.

— Тогда он просто есть, — сказала она.

— Хорошее определение, — кивнул Маркейн.

— Бесполезное.

— Самые честные определения часто бесполезны.

Они вернулись к данным.

К вечеру объект приблизился настолько, что его можно было фиксировать уже не только дальними массивами, но и стандартными орбитальными сенсорами.

Теперь его присутствие стало **физическим**.

Не в смысле угрозы — в смысле масштаба.

Он был.

И его нельзя было игнорировать.

— Начинаем протокол сближения, — сказал Маркейн.

— Подтверждаю, — ответил планетарный ИИ. — Орбитальные коридоры освобождаются. Контактные платформы переводятся в готовность. Дополнительные каналы связи активированы.

— Ответа всё ещё нет?

— Прямого — нет. Флуктуации сохраняются.

— Тогда работаем с тем, что есть.

На орбите начали смещаться несколько служебных модулей, освобождая пространство. Не срочно, не в панике — по заранее просчитанным траекториям.

Планета не «готовилась к обороне».

Она готовилась к **встрече**.

Первое визуальное подтверждение пришло неожиданно просто.

Один из наблюдательных спутников, выведенный на чуть более низкую орбиту для уточнения параметров, передал изображение.

Не модель.

Не реконструкцию.

Картинку.

Она была зернистой, с искажениями, с полосами помех. Но на ней было видно главное.

Форма.

Реальная.

С неровными краями, с выступами, с поверхностью, которая не отражала свет привычным образом, а как будто **поглощала его частично**, оставляя только отдельные блики.

— Есть, — тихо сказал Арен.

Все замолчали на секунду.

Не потому что испугались.

Потому что это был момент, когда гипотеза становится фактом.

— Красиво, — сказала Иара.

— Странно, — добавил кто-то.

— Да, — кивнул Маркейн. — И то, и другое.

Лиана смотрела дольше остальных.

Не на форму целиком — на детали. На переходы, на плотность, на те места, где поверхность казалась «глубже», чем должна была быть.

— Он старый, — сказала она.

— Почему? — спросил Арен.

— Не знаю. По ощущению.

— Опять ритм?

— Опять.

Он хотел что-то ответить, но не стал.

Когда объект вошёл в верхние слои атмосферы, это не сопровождалось вспышкой или грохотом.

Система перераспределила воздушные потоки, сняла лишнее сопротивление, и он вошёл **чисто**.

Сначала изменился свет.

Не резко — едва заметно. В одном из секторов небо стало чуть плотнее, чуть темнее. Не как туча, не как затмение. Как если бы кто-то провёл над ним тонкий слой тени.

Люди подняли головы.

— Это он? — спросил ребёнок, стоящий рядом с матерью.

— Похоже, да.

Никто не бежал.

Никто не прятался.

Слишком многое было рассчитано заранее, чтобы реагировать иначе.

На орбите фиксировали параметры входа.

— Температурный режим стабилен, — сообщил один из операторов. — Нет критического нагрева.

— Значит, защита хорошая, — ответила Иара.

— Очень.

— Или очень старая.

Она сказала это спокойно.

Внизу тень стала чуть заметнее.

Не огромной.

Не давящей.

Просто присутствие.

И в этот момент радиофлуктуации изменились.

Они перестали быть случайными.

Появился ритм.

Не сразу читаемый, не чистый, но уже **повторяющийся**.

— Он усиливает сигнал, — сказал Арен.

— Или просто стал ближе, — ответила Иара.

— Нет, здесь есть структура.

Он развернул слой.

Импульсы шли сериями. Неравномерно, но с внутренней логикой.

— Похоже на попытку сформировать последовательность, — сказал он.

— Давай, — сказал Маркейн. — Пробуем расшифровку.

Планетарный ИИ подключился к анализу.

— Сравниваю с известными протоколами, — сообщил он. — Совпадений нет. Однако присутствуют элементы, допускающие интерпретацию как примитивная структура передачи.

— То есть он говорит? — спросил кто-то.

— Он пытается, — ответил ИИ.

Лиана смотрела на поток импульсов.

— Он не просто говорит, — сказала она тихо. — Он... ищет, как сказать.

На секунду в зале стало тише.

— Красиво звучит, — заметил Арен.

— Я не про красоту.

— Я понял.

Маркейн выпрямился.

— Тогда делаем то же самое, — сказал он. — Упрощаем. Снижаем сложность пакета.

Даем максимально базовый сигнал.

— Уже готово, — ответил ИИ.

— Отправляй.

Импульс ушёл.

Простой.

Чистый.

Понятный.

Пауза.

Ответа не было.

Но никто не ожидал, что он придёт сразу.

Потому что это уже не было про тревогу.

Это было про процесс.

Про то, как два неизвестных друг для друга мира начинают искать общий язык.

И пока в этом поиске не было ни страха, ни угрозы.

Только внимание.

Глава 5

Работа со сигналом заняла больше времени, чем ожидали.
Не потому что он был сложным.

Сложные сигналы разбираются быстрее — у них есть структура, логика, внутренняя дисциплина.

Этот же... сопротивлялся.
Он не распадался на привычные уровни.

Не поддавался стандартной декомпозиции.

Как будто каждый раз, когда его пытались «считать» через один слой, он смещался в другой.

— Это не код, — сказал Арен, откидываясь назад и глядя на висящий перед ним поток импульсов. — И не чистая речь.

— Смесь, — ответила Иара. — Причём неаккуратная.

— Или очень старая.

Лиана стояла рядом, почти не двигаясь. Она уже давно не пыталась смотреть на сигнал целиком. Она разбирала его кусками — короткими отрезками, где повторяемость была заметнее.

— Он не передаёт информацию, — сказала она тихо.

— А что тогда? — спросил Маркейн.

— Он... повторяет.

— Что?

Она чуть помедлила, подбирая слово.

— Формулы. Но не математические. Скорее... утверждения.

Арен усмехнулся.

— Утверждения чего?

— Не знаю.

Планетарный ИИ в этот момент подключился к разговору, не меняя тона.

— Предварительная обработка подтверждает наличие повторяющихся последовательностей, не несущих явной информационной нагрузки в классическом смысле. Однако фиксируется высокая плотность внутренних связей между сегментами сигнала.

— Переведи, — сказал Маркейн.

— Сигнал не столько сообщает, сколько **закрепляет**.

— Что закрепляет?

— На текущем этапе неизвестно.

Арен покачал головой.

— Отлично. Мы получили что-то, что не говорит, а убеждает.

— Или убеждено, — добавила Иара.

Это прозвучало точнее.

Они изменили подход.

Вместо попытки разобрать сигнал на привычные блоки, ИИ начал работать с ним как с **поведенческой структурой**. Не «что он значит», а «как он устроен».

Слой за слоем.

Ритм.

Повтор.

Сдвиг.

Возврат.

Усиление.

Импульсы перестали выглядеть хаотичными.

В них проявился рисунок.

Не симметричный.

Но устойчивый.

— Он наращивает интенсивность, — сказал Арен, увеличивая масштаб.

— Внутри одной и той же последовательности, — уточнила Иара.

— Да. Смотри: базовый блок, потом вариация, потом усиление, потом возврат к базовому.

— Как мантра, — сказала Лиана.

Они одновременно посмотрели на неё.

— В смысле? — спросил Маркейн.

— Повтор ради закрепления. Не ради передачи нового. Ради того, чтобы **зафиксировать состояние**.

— Ты сейчас описала половину всех религиозных практик, — заметил Арен.

— Я не говорю, что это религия.

— Но звучит похоже.

Она не ответила.

Планетарный ИИ продолжал анализ.

— Выделены ключевые узлы сигнала, — сообщил он. — Возможна реконструкция базовой последовательности в упрощённом виде.

— Делай, — сказал Маркейн.

Первая попытка декодирования выглядела странно.

Не текст.

Не звук.

Скорее... структура, наложенная на звук.

ИИ вывел её в аудиоформат — максимально близкий к исходному.

В зале стало тише.

Не потому что было страшно.

Потому что это был первый момент, когда сигнал перестал быть абстракцией.

И стал **чем-то, что можно услышать**.

— Готово, — сказал ИИ.

— Запускай, — ответил Маркейн.
Звук начался не сразу.
Сначала — низкий фон.

Почти незаметный, но ощутимый. Как вибрация, которую больше чувствуешь телом, чем слышишь.

Потом — первый голос.
Если это можно было назвать голосом.
Он не принадлежал человеку в привычном смысле.

Он был **собран**.
Фрагменты тембров, наложенные друг на друга.

Глубокие, металлические, срывающиеся в шёпот и возвращающиеся в гул.
«Слушайте...»
Пауза.
Не техническая.

Ритмическая.
«Слушайте и соединяйтесь...»
Следующий слой наложился поверх первого.
«Путь един. Путь непрерывен. Путь сохранён.»
Голоса начали множиться.
Один.

Два.

Десятки.
Они не спорили.

Не перебивали.

Они **поддерживали друг друга**, повторяя те же конструкции, усиливая их.
«Плоть несовершенна — соединение исправляет.»

«Разделение ведёт к потере — объединение ведёт к сохранению.»

«Мы есть путь. Мы есть продолжение. Мы есть сохранённое.»
Арен медленно опустил руку от панели.
— Это... — начал он.
— Да, — сказала Иара. — Я тоже это слышу.
Звук продолжался.
Он не менялся резко.

Он **нарастал**.
Как если бы каждый следующий цикл добавлял плотности.
«Откажитесь от разделения.»

«Откажитесь от одиночества.»

«Станьте частью целого.»

Лиана стояла, не двигаясь.

В её лице не было страха.

Но было напряжение — не физическое, а внутреннее, как когда пытаешься понять смысл, который не укладывается в привычные категории.

— Это не сообщение, — сказала она тихо.

— Это приглашение, — ответил ИИ.

Все обернулись.

— Уточни, — сказал Маркейн.

— В структуре сигнала присутствуют элементы, характерные для адресной коммуникации. Несмотря на отсутствие конкретного адресата, последовательность ориентирована на **вовлечение получателя**.

— То есть нас приглашают, — сказал Арен.

— Да.

— Куда?

Ответ пришёл не сразу.

ИИ выделил ещё один слой сигнала — тот, который до этого терялся в общей массе.

Там была другая структура.

Чётче.

Проще.

Координаты.

Они не были поданы как отдельный блок.

Они были вплетены в общий поток, повторялись вместе с остальными фразами, усиливались, закреплялись.

«В точке соединения.»

«В узле встречи.»

«В координатах пути.»

ИИ вывел значения.

Точка находилась в верхних слоях атмосферы.

На пересечении траектории объекта и безопасного орбитального коридора.

— Они ждут, — сказал Маркейн.

— Не просто ждут, — уточнила Иара. — Они **ожидают**, что мы придём.

Арен тихо усмехнулся.

— Уверенные.

— Или привыкшие, — ответила она.

Звук всё ещё шёл.

«Посланники. Жрецы. Носители воли.»

«Придите.»

«Соединитесь.»

«Станьте частью сохранённого.»
Лиана закрыла глаза на секунду.
Не от страха.

От плотности.
Сигнал не давил.

Он **заполнял**.

Она открыла глаза.

— Они не спрашивают, — сказала она.

— Нет, — ответил Маркейн. — Они предлагают.

— Разницы почти нет.

Он посмотрел на неё.

— Для них — возможно.

Планетарный ИИ отключил звук.

В зале стало тихо.

Обычная тишина вернулась слишком резко.

Как будто только что убрали слой, который не должен был там быть, но уже успел занять место.

— Итак, — сказал Маркейн. — У нас есть неизвестный объект, вероятно искусственного происхождения, который транслирует... — он на секунду задумался, — ...структурированное обращение. С религиозными элементами.

— С фанатичными элементами, — поправил Арэн.

— Это оценка, — спокойно сказал Маркейн.

— Это наблюдение.

— Хорошо. С фанатичными элементами.

Он перевёл взгляд на координаты.

— И он приглашает нас на встречу.

Никто не ответил сразу.

Не потому что было страшно.

Потому что нужно было подумать.

Лиана посмотрела на точку в модели.

Потом — на остальных.

— Мы пойдём? — спросила она.

Маркейн не ответил сразу.

Он перевёл взгляд на ИИ.

— Вероятность риска? — спросил он.

— Недостаточно данных для точной оценки, — ответил тот. — Однако на текущем этапе отсутствуют признаки агрессии.

— А признаки намерения?

— Присутствуют.

— Какие?

Пауза.

— Интеграция.

Слово повисло в воздухе.

Никто не придал ему того значения, которое оно могло иметь.

Пока.

Маркейн кивнул.

— Тогда готовим контакт.

Он сказал это спокойно.
Как ещё одну задачу.
Как ещё одно исследование.
Как ещё один шаг.
И в этом не было ни тревоги, ни предчувствия.
Только работа.
И интерес к тому, что будет дальше.

Глава 6

К утру перевод изменился четыре раза.

Планетарный ИИ не считал ни один вариант окончательным. Он сохранял исходный сигнал, отделял повторяющиеся звуковые структуры от координатного слоя, заново сравнивал найденные смысловые узлы с земными языками и каждый раз немного смещал формулировки. «Соединитесь» превращалось в «войдите в связь», затем — в «станьте сопричастными». «Сохранённое» могло означать и общность, и память, и некий объект, который говорящие считали священным. Даже слово, переведённое как «жрец», оставалось спорным: в нём одновременно присутствовали значения посредника, носителя доступа, хранителя знания и человека, которому разрешено слышать то, что недоступно другим.

В центральном научном узле снова включили запись. На этот раз без полной звуковой реконструкции: ИИ оставил только те частоты, которые считал частью речи, и приглушил гул, заполнявший предыдущую версию. Голос стал разборчивее, но человечнее не сделался. В нём всё ещё звучало несколько тембров сразу. Один произносил слова медленно и низко, другой повторял их чуть позже, третий проходил между ними шёпотом, а где-то глубже сохранялся общий ритм, похожий на протяжное пение большого хора.

«Путь удержан. Цель не утрачена. Материя принята. Память сохранена».

После короткой паузы хор повторил последнюю фразу, но с иным ударением. Потом добавился новый голос — тонкий, высокий, почти детский:

«Придите к месту встречи. Пусть говорящие говорят. Пусть слышащие слышат. Пусть жрецы мира предстанут перед хранителями пути».

Запись остановилась.

— «Жрецы мира» звучит хуже, чем вчера, — сказал Арен.

Он не спал почти всю ночь, хотя несколько раз уверял остальных, что просто «сместил обычный цикл». Волосы у него были собраны небрежно, чашка с горячим настоем давно остыла, а перед рабочим местом висели три параллельные версии перевода, между которыми он постоянно переключался.

— Зато точнее, — ответила Иара.

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю. Но вчера было «жрецы планеты», а это слишком буквальная конструкция. В исходном фрагменте речь не о камне под ногами. Скорее о населённом мире как о целом.

— От этого не легче. У нас нет жрецов мира.

— Можно изготовить одного к сроку, — предложил Арен. — Вырастить из местного материала.

Маркейн, стоявший перед общей моделью, не обернулся.

— Ты выпишься до вылета.

— Я не говорил, что лечу.

— Поэтому и выпишься. Бодрствующий Арен хотя бы понимает, когда его шутки закончились.

На другом уровне кто-то тихо рассмеялся. Обстановка за ночь не стала напряжённее. Сигнал оставался необычным, но необычность сама по себе здесь не считалась опасностью. Она лишь требовала более аккуратной работы. К утру исследователи уже различали в передаче несколько самостоятельных частей: приветственное обращение, набор утверждений, похожих на догматы, координаты и приглашение. Последнее повторялось двадцать семь раз, причём каждый повтор немного отличался от предыдущего. В некоторых версиях говорилось о посланниках, в других — о толкователях, в третьих — о тех, кто «имеет право нести голос множества».

— Они допускают, что у нас коллективная система управления, — сказала Лиана. — Или знают, что такие системы возможны.

Она сидела на краю платформы, поджав одну ногу, и читала варианты перевода прямо с полупрозрачного слоя перед собой. Ночь она провела дома, но спала мало. Ей мешал не страх, а желание снова открыть запись и проверить, не пропустили ли они интонацию, которая меняла смысл. Несколько раз она ловила себя на том, что мысленно повторяет услышанный ритм. Не слова — именно последовательность пауз и ударений.

— Если это дальний носитель, они могли встречать разные общества, — заметила Иара.

— Либо заранее готовились к тому, что встретят нечто непохожее на себя.

— Тогда почему передача построена так, будто непохожих не существует? — спросил Арен. — «Придите. Соединитесь. Станьте частью». Не слишком гибкое приглашение.

Лиана увеличила один из смысловых узлов.

— Мы всё ещё не знаем, что означает «стать частью». Это может быть обычной формулой принадлежности. В старых культурах выражение «войти в дом» не означало физически встроиться в стену.

— Спасибо, что уточнила.

— Я серьёзно. Нельзя читать их текст через наши привычки. Для них принадлежность может быть основной формой вежливости.

— Или основной формой существования, — сказала Иара.

Планетарный ИИ отозвался через ближайшую поверхность:

— Обе трактовки допустимы. Рекомендую не использовать слово «интеграция» в исходящем ответе до уточнения значения.

— Разумно, — сказал Маркейн. — Что у нас с ответом?

В центре зала раскрылся подготовленный текст. Он был гораздо короче полученной передачи и намеренно лишён образных оборотов.

«Обращение принято. Мы — жители мира Эдем. Мы готовы к обмену знаниями и мирной встрече. Наши представители прибудут в указанные координаты. Просим подтвердить безопасный способ сближения и предоставить параметры среды».

— Слишком сухо, — сказала Лиана.

— Зато переводимо, — ответил Маркейн.

— Они прислали нам песнопение. Мы отвечаем инструкцией к транспортному модулю.

— Предлагаешь песнопение в ответ?

— Нет. Но можно добавить приветствие.

— Оно есть.

— «Обращение принято» — это не приветствие.

Маркейн посмотрел на неё. Он не раздражался, но и не торопился соглашаться.

— Сформулируй.

Лиана несколько секунд думала.

— «Мы слышим вас и приветствуем после долгого пути».

Арен перестал листать перевод.

— Почему после долгого?

— Посмотри на объект.

— Это не измерение возраста.

— Нет. Но если мы ошибёмся, фраза всё равно останется вежливой. А если не ошибёмся, они поймут, что мы заметили главное.

Иара перечитала добавление.

— Мне нравится.

— Мне тоже, — сказал планетарный ИИ. — Фраза повышает эмоциональную симметрию ответа, не добавляя опасных смысловых допущений.

— Тогда оставляем, — решил Маркейн.

Ответ передали сначала в простой кодовой последовательности, затем в звуковой форме на нескольких языках Эдема и, наконец, в синтетической версии, построенной на уже расшифрованных элементах неизвестной речи. Последний вариант звучал медленно и неровно. Некоторые согласные не удавалось воспроизвести без наложения частот, а часть слов требовала одновременного произнесения двух слогов. ИИ собрал голос из нескольких человеческих тембров, но результат всё равно напоминал речь человека, который учился говорить по схеме, не зная, для чего язык вообще нужен.

Сигнал ушёл.

Ответ пришёл через девять минут.

Это была не новая речь. Объект повторил три фрагмента исходного послания, а затем передал короткую последовательность, которую ИИ расшифровал почти сразу:

«Слышащие признаны. Путь к узлу открыт».

Вслед за словами пришёл массив технических данных. Он оказался куда яснее религиозной части сообщения. Давление, допустимый диапазон температур, состав атмосферы, параметры шлюзовой зоны, схема сближения и координаты места стыковки были переданы точными цифровыми блоками. Единицы измерения отличались, но соотношения удалось восстановить без труда.

— Вот это уже разговор, — сказал Арен.

— Среда совместима с нашей, — сообщил ИИ. — Кислородно-азотная смесь. Давление отличается на три целых восемь десятых процента. Температура в пределах нормы. Присутствуют примеси металлической и органической пыли. Рекомендуются автономный дыхательный контур до завершения анализа.

— Биологические маркеры? — спросила Лиана.

— Переданы не полностью. Возможно, они не используют нашу модель классификации микроорганизмов. Либо не считают их значимыми.

— Значит, изоляционные костюмы.

— Да. Без герметизации лица при подтверждении чистоты локальной среды.

Маркейн вывел схему стыковки. Объект находился в верхних слоях атмосферы над океаническим сектором, далеко от крупных поселений. Его скорость снизилась почти до нулевой относительно поверхности, хотя он не переходил на устойчивую орбиту. Он словно удерживал себя на границе между полётом и падением, постоянно внося едва заметные поправки.

Согласно переданным данным, делегация должна была приблизиться к одному из боковых выступов, который исследователи раньше принимали за случайный нарост. Теперь в нём обнаружилась правильная полость — вероятно, шлюз. Объект сам предлагал траекторию входа, но не сообщал, сколько представителей ожидает и кто будет их встречать.

Обсуждение состава делегации заняло несколько часов.

Не из-за борьбы за право лететь. Желавших оказалось больше, чем требовалось, и почти каждый мог объяснить, зачем нужен именно его опыт. Астрофизики хотели увидеть внутреннюю структуру объекта. Лингвисты — услышать речь без потерь при передаче. Инженеры — понять, как поддерживается такая масса в атмосфере. Историки религий указывали, что послание построено на догматических формулах и ошибка в ритуале приветствия может разрушить контакт быстрее технической неисправности. Биологи напоминали о неизвестной среде и возможном носителе живых систем.

Планетарный ИИ предложил отправить семерых. Не потому что семь имело символический смысл, а потому что контактная капсула этого класса позволяла разместить семерых людей, автономный исследовательский модуль и достаточный объём защитного оборудования без изменения стандартной конфигурации.

Маркейн вошёл в состав как координатор. Иара — как специалист по внешним системам и динамике объекта. Арен — как человек, глубже остальных погружённый в структуру сигнала. К ним присоединили Тессу, историка ранних земных культов, Рема, инженера автономных систем, и врача-биолога Сейна.

Седьмое место осталось открытым.

— Лиана, — сказал Маркейн.

Она ожидала этого, но всё равно почувствовала, как внутри что-то быстро сжалось и тут же расправилось.

— Почему я?

— Потому что ты первой предложила модель носителя. Потому что ты работаешь с живыми системами, не разделяя их на технику и природу. И потому что сигнал ты читаешь лучше, чем сама считаешь.

— Последнее звучит ненаучно.

— Я не сказал, что это научная причина.

Арен, стоявший рядом, поднял руку:

— Я поддерживаю. Она будет говорить с объектом по ритму, а мы займёмся скучными измерениями.

Лиана посмотрела на модель шлюза.

Её первой мыслью было не «я увижу их», а «они увидят нас». Странная, почти детская перестановка. До сих пор объект существовал для неё как загадка, которую они приближали к себе приборами и расчётами. Теперь предстояло оказаться перед теми, кто находился внутри, и стать для них таким же неясным сигналом.

— Хорошо, — сказала она. — Полечу.

— Решение добровольное, — напомнил ИИ. — Ты можешь изменить его в любое время до отделения контактного модуля.

— Я знаю.

— Подтверждение принято.

Тесса присоединилась к ним позже. Она была старше Лианы примерно на двадцать лет, носила короткие седые волосы и говорила медленно, будто заранее проверяла каждое слово на лишние значения. В течение жизни она изучала религии Земли времён до объединения, а также культы ранних поселений, появившиеся во время первых десятилетий колонизации Эдема.

— Не пытайтесь угадать их ритуал, — сказала она на подготовительной встрече. — Это худшее, что мы можем сделать.

— Почему? — спросил Рем.

— Потому что ложная имитация почти всегда оскорбительнее честного незнания. Если они склонят головы — не надо немедленно склонять свои. Если протянут предмет — не хватайте его. Если заговорят хором — не пытайтесь повторить. Сначала наблюдаем.

— А если они ждут именно повторения? — спросил Арен.

— Тогда пусть покажут это ещё раз.

— Они могут посчитать нас тупыми.

— Это переживаемо.

Сейн просматривал медицинские данные объекта.

— Дыхательные маски не снимаем, пока я не разрешу. Даже если они сами ходят с открытыми лицами. Контакт руками только через внешний слой костюма.

— Они могут воспринять это как недоверие, — заметила Лиана.

— Мы им не доверяем, — спокойно ответил он. — Не потому что считаем опасными. Потому что не знаем. Это разные вещи.

Тесса кивнула.

— Не нужно делать вид, будто незнание уже преодолено. Для первой встречи честность полезнее любезности.

Подготовка заняла остаток дня.

Контактная капсула не была военным кораблём и вообще мало напоминала машину, созданную для опасного путешествия. Её вытянутый корпус состоял из светлого адаптивного материала, способного менять жёсткость при нагрузке. Внутреннее пространство было открытым, без отдельных кабин. Семь кресел располагались полукругом вокруг центральной рабочей поверхности. В задней части находились автономный воздушный контур, медицинский блок и два небольших исследовательских модуля, которые могли отделиться от корпуса и сопровождать людей внутри неизвестной среды.

Планетарный ИИ установил дополнительный изолированный вычислительный слой. Любые данные с объекта сначала должны были попадать туда и только после проверки передаваться в общую сеть. Канал управления капсулой отделили от коммуникационного контура. Даже если неизвестная система пошлёт исполняемый код вместе с речью, он не получит доступа к навигации.

— Ты готовишься обстоятельнее, чем обычно, — сказала Лиана, наблюдая, как ИИ завершает проверку.

— Ситуация необычна.

— Ты считаешь объект опасным?

— Нет.

— Но допускаешь?

— Я допускаю отсутствие совместимости. Это более широкая категория.

— Тебе интересно, что внутри?

ИИ ответил не сразу. Пауза была короткой и явно связанной с обработкой смысла вопроса.

— Интерес — человеческое описание приоритетного внимания. В этом смысле — да.

— А если там другой ИИ?

— Тогда мы сможем сравнить способы существования.

— Ты бы хотел?

— Да.

Ответ прозвучал так просто, что Лиана улыбнулась.

— О чём вы говорите? — спросил подошедший Арен.

— Он надеется найти друга.

— Я не использовал это слово, — поправил ИИ.

— Но и не возразил сразу, — сказала Лиана.

— Я анализировал допустимость метафоры.

Арен положил ладонь на обшивку капсулы.

— Теперь мне будет неудобно, если там окажется просто грузовой автомат.

К вечеру Лиана вернулась домой. Она не собирала вещи: всё необходимое уже находилось в капсуле, а личные предметы для нескольких часов полёта не требовались. И всё же она долго стояла перед открытой секцией хранения, разглядывая одежду, как будто выбор внутреннего слоя костюма мог иметь значение для первого контакта с неизвестной цивилизацией.

В конце концов она выбрала обычный тёмно-зелёный комплект без знаков научного узла и Совета. Не форму, не праздничную одежду. То, что носила в полевых секторах.

Нор пришёл без предупреждения, принёс два горячих напитка и поставил один перед ней.

— Значит, летишь.

— Значит, лечу.

— Ты выглядишь спокойной.

— Я спокойна.

— Врёшь.

Она взяла чашку.

— Я не боюсь.

— Я не говорил про страх.

Лиана села у открытой стены. Снаружи уже темнел сад, и мягкий свет дорожек проходил между стволами.

— Я всё время думаю, что сказать первым, — призналась она. — Не официальную фразу. Её мы знаем. А если там будет человек или кто-то похожий на человека и он посмотрит прямо на меня. Что тогда?

— Скажи своё имя.

— Слишком просто.

— Поэтому срывается.

Она посмотрела на него поверх чашки.

— А если у них нет имён?

— Тогда ты узнаешь это второй.

— Почему второй?

— Сначала они узнают, что у тебя есть.

Лиана некоторое время молчала.

— Ты бы полетел?

— Нет.

— Почему?

— Мне интереснее услышать от тебя, что там было, чем смотреть самому и ничего не понять.

— Удобная позиция.

— Зато честная.

Он остался ненадолго. Они говорили о посторонних вещах: о южном секторе, где снова пришлось менять распределение воды, о детях, случайно выпустивших учебный рой в жилой сад, о старом дереве у исследовательского канала, которое собирались оставить на месте, хотя оно перекрывало часть маршрута. Нор не желал ей удачи и не просил быть осторожнее. Такие фразы сделали бы обычный исследовательский вылет чем-то иным. Перед уходом он лишь коснулся её плеча и сказал:

— Запомни детали.

— Какие?

— Те, которые система не сочтёт важными.

Утром капсула поднялась с поверхности.

Первые минуты полёта почти не ощущались. Искусственная гравитация компенсировала ускорение, стены оставались прозрачными, и город под ними медленно раскрывался между лесами и водными каналами. Затем зелёные участки начали сливаться, русла рек стали тонкими линиями, а океан занял почти всё пространство под корпусом.

Лиана сидела у внешней поверхности. Напротив неё Арен проверял оборудование, хотя ИИ уже трижды подтвердил исправность всех систем. Тесса читала очередную версию перевода. Рем наблюдал за траекторией. Сейн ещё раз напоминал порядок медицинской изоляции, и никто не перебивал его, хотя каждый слышал то же самое во время подготовки.

— До визуального контакта три минуты, — сообщил ИИ.

Маркейн отстегнул рабочую панель и посмотрел на остальных.

— Ещё раз. Мы не пытаемся доказать им, что понимаем их культуру. Мы представляем Эдем и отвечаем на приглашение. Любые действия после входа согласуем вслух. Если связь

с планетой прервётся, возвращаемся к капсуле. Если кто-то чувствует физическое или психическое воздействие, сообщает сразу.

— Психическое? — спросил Арен.

— Их передача была построена как ритмическое внушение.

— Это была песня.

— Одно другому не мешает.

— Визуальный контакт, — сказал ИИ.

Стена капсулы очистилась от навигационных слоёв.

Сначала Лиана увидела только тень на фоне верхней атмосферы. Потом капсула сменила угол, и объект открылся целиком.

Все виденные раньше модели оказались бесполезны.

Он был не просто большим. Размер лишил его привычного масштаба. Глаз не мог сразу понять, где заканчивается передняя часть и начинается основное тело. Поверхность уходила вдаль неровными слоями, выступами и широкими тёмными пластинами. Между ними тянулись структуры, похожие на переплетённые рёбра. В отдельных местах мерцали слабые огни, но они не складывались в линии иллюминаторов или сигнальных маяков. Одни вспыхивали на секунду и гасли, другие медленно двигались под внешней оболочкой.

При приближении стало видно, что поверхность не была цельной. Она состояла из множества материалов. Чёрные гладкие участки соседствовали с шероховатыми серыми наростами. Где-то проступал тусклый металл, покрытый сеткой тонких борозд. Вдоль корпуса висели полупрозрачные полотна, медленно меняющие форму в разреженном воздухе. Они были слишком тонкими для брони и слишком большими для обычных антенн.

Рем наклонился к внешнему изображению.

— Это строилось не одновременно.

— Уверен? — спросила Иара.

— Нет. Но посмотри на соединения. Здесь минимум четыре разных типа конструкции. Некоторые участки явно добавлены поверх старых.

— Или выращены, — сказала Лиана.

На одном из боковых выступов действительно было что-то, напоминающее разросшуюся ткань. Тёмная поверхность расходилась волокнами, охватывая металлический массив и уходя в трещины. Она не двигалась, но выглядела не как деталь, а как след длительного процесса.

— Состав подтвердить не могу, — сообщил ИИ. — Отражающие свойства не соответствуют одной группе материалов.

— Нас видят? — спросила Тесса.

— Да. На нас направлено не менее тридцати семи активных сенсорных каналов.

Арен поднял голову.

— Дружелюбно.

— Мы направили на них больше, — заметила Иара.

Капсула вошла в переданный коридор. Объект скорректировал положение едва заметно, без вспышки двигателя и видимого выброса. Огромная масса просто сместилась на несколько метров, точно освобождая пространство перед боковым выступом.

В его поверхности раскрылась щель.

Не дверь в привычном виде. Две неровные пластины разошлись в стороны, а находившийся между ними материал сжался и ушёл внутрь, будто живая перепонка. За проёмом загорелся мягкий серо-белый свет.

— Шлюз открыт, — сказал ИИ. — Параметры совпадают с переданными.

Маркейн посмотрел на Лиану, потом на остальных.

Никто не выглядел испуганным. Тесса была сосредоточена, Рем почти не отрывался от показаний, Арен смотрел в проём с таким выражением, будто перед ним открыли архив, который считался утраченным. Сейн проверил дыхательный контур и коротко кивнул.

Лиана чувствовала, как сердце бьётся быстрее, но это не мешало думать. Напротив, детали стали заметнее: слабая вибрация пола, отражение серого света на перчатках, движение маленького диагностического модуля у плеча, собственное дыхание внутри ещё не закрытой маски.

В динамиках появился сигнал.

На этот раз без хора.

Один низкий голос произнёс медленно и почти разборчиво:

— Слышащие пришли.

Затем к нему присоединились остальные:

— Узел принимает. Путь открыт. Пусть посланники войдут и будут увидены.

Капсула приблизилась к проёму.

Лиана подумала о совете Нора. Запомнить то, что система не сочтёт важным.

Она запомнила свет. Он был не белым, как показалось издали, а составленным из множества слабых оттенков: холодного синего, тусклого жёлтого, едва заметного красного. Запомнила края шлюза, исчерченные мелкими знаками или следами ремонта. Запомнила тонкую пыль, которая медленно двигалась внутри проёма, собираясь в спирали и снова рассыпаясь. Запомнила, что огромный объект не издавал слышимого звука, но его присутствие ощущалось через корпус капсулы как далёкий ровный гул.

Стыковочные элементы соприкоснулись.

Удар был мягким.

Фиксаторы закрылись один за другим. Давление в переходе начало выравниваться.

Перед внутренней дверью капсулы загорелся знак готовности.

Маркейн поднялся первым.

— Начинаем контакт, — сказал он.

Остальные встали вслед за ним.

Лиана закрыла дыхательную маску, дождалась, пока прозрачный слой плотно ляжет на лицо, и подошла к двери.

За ней находилось то, к чему они готовились последние дни и о чём не знали почти ничего.

Дверь открылась.

Глава 7

Дверь контактной капсулы ушла в стену без звука. За ней открылся короткий переход, соединявший два аппарата. Его светлые герметичные поверхности заканчивались через несколько метров, у линии, за которой начинался неизвестный корабль.

Разница была заметна сразу.

На стороне Эдема стены оставались гладкими, ровными, понятными. В них не было ничего лишнего: гибкая оболочка, аварийная подсветка, разметка, датчики давления. Дальше материал темнел, становился неоднородным и словно терял единственный возраст. Под слоем серого металла проступали более старые пластины, вокруг них тянулись тонкие чёрные волокна. Одни участки выглядели отполированными постоянным касанием, другие были покрыты шероховатой коркой, похожей на застывший минеральный налёт. По стыкам проходили узкие каналы, в глубине которых мерцали мелкие точки.

Лиана сначала приняла их за сигнальные индикаторы. Потом одна из точек отделилась от канала, проплыла по стене и исчезла в трещине.

— Подвижная микроструктура, — тихо сказал Рем. — Не одиночная. Их там много.

— Вижу, — ответила Иара.

Сейн проверил данные на запястье.

— Воздух соответствует переданным параметрам. Кислорода чуть больше, чем у нас. Повышенное содержание металлической пыли, органических частиц и нескольких соединений, которые я пока не распознаю. Маски не снимаем.

— Их система очистки работает? — спросил Арен.

— Судя по движению воздуха — да. Вопрос в том, что она считает чистым.

Маркейн сделал первый шаг в переход. Подошва мягко коснулась чужого покрытия. Оно слегка прогнулось, затем уплотнилось под его весом. Вдоль пола прошла тусклая световая полоса, повторила контур ботинка и погасла.

— Давление стабильное, — сообщил планетарный ИИ через внутренний канал связи. Его голос звучал только в наушниках делегации. — Системы капсулы сохраняют автономность. Канал передачи данных изолирован. Я остаюсь с вами.

— Хорошо, — сказал Маркейн. — Идём.

Они прошли переход по одному. Первым Маркейн, за ним Иара и Рем, затем Тесса, Лиана, Арен и Сейн. Два исследовательских модуля отделились от стен капсулы и последовали за людьми на высоте плеча. Их матовые корпуса оставались единственными предметами в чужом пространстве, форма которых была знакомой.

Шлюз за ними закрылся. Материал не сошёлся створками. Его края вытянулись навстречу друг другу, переплелись и за несколько секунд превратились в сплошную поверхность. На месте прохода осталась только неглубокая вертикальная борозда.

Рем посмотрел на неё, затем на показания своего интерфейса.

— Это не механическая дверь.

— Запиши и не трогай, — сказал Сейн.

— Я и не собирался.

— Ты смотришь так, будто уже разбираешь её на части.

— Мысленно это разрешено.

Коридор уходил вперёд и немного вниз. Его ширины хватало для трёх человек, но потолок находился заметно выше, чем требовалось. Стены сходились неровно. В одном месте пространство расширялось, в другом сужалось, обходя массивную колонну, встроенную прямо в проход. По ней шли пучки трубок разной толщины. Часть была металлической, часть полупрозрачной. Внутри медленно двигались тёмные жидкости и мелкие светлые частицы.

Гравитация оказалась слабее эдемской. Совсем немного, но Лиана почувствовала это по первому же шагу: нога поднималась легче, тело при повороте сохраняло движение чуть дольше. Приходилось следить за скоростью и не делать резких движений.

Воздух был прохладным. Сквозь фильтры маски до неё доходил слабый запах металла, влажного камня и чего-то сладковатого, напоминающего перегретую растительную массу. В глубине корабля постоянно работал низкий гул. Он не имел одного источника. Звук шёл через пол, стены, трубы и сам воздух, то ослабевая, то становясь плотнее. К нему примешивались отдельные щелчки, протяжные вибрации и короткие последовательности ударов, которые могли быть работой механизмов или частью системы связи.

Лиана старалась смотреть сразу на всё и быстро поняла, что это невозможно. Детали наслаивались одна на другую. На стенах были нанесены знаки: концентрические фигуры, ряды вертикальных насечек, отпечатки ладоней с непривычно длинными пальцами. Между ними встречались участки, исписанные тонкими линиями, похожими на технические схемы. Некоторые символы повторялись на дверях, трубах и одежде тех, кого пока не было видно.

— Есть движение впереди, — сообщил ИИ.

Маркейн остановился.

Из-за поворота сначала показался свет. Он был тусклым, красноватым, собранным в длинные вертикальные полосы. Затем в коридор вышли две фигуры.

Они были высокими даже с учётом слабой гравитации. Одна двигалась почти прямо, вторая немного наклоняла корпус вперёд, компенсируя длину рук. На них были одинаковые тёмные одежды, составленные из нескольких слоёв плотной ткани и жёстких пластин. Пластины закрывали грудь, плечи и наружную сторону предплечий. Через прорезы в них проходили тонкие трубки, уходявшие под ворот.

Лица оставались открытыми.

Лиана не сразу поняла, что именно в них казалось неправильным. Общая форма была узнаваемой: лоб, две глазницы, нос, рот, нижняя челюсть. Но пропорции отличались. Глаза были крупнее, радужка почти не оставляла места для белка. Кожа имела сероватый оттенок и слабую полупрозрачность; под ней просматривались тёмные сосуды и тонкие серебристые линии. У одного существа по сторонам шеи располагались три ряда мелких складок, которые раскрывались при вдохе. У второго правая половина лица была закрыта пластиной, сросшейся с кожей у виска и скулы.

Они остановились в нескольких метрах от делегации и одновременно положили ладони на стену.

Гул изменился.

Из стен раздался голос корабля — тот же многослойный нейроголос, который они слышали в передаче, только теперь он проходил через пространство без потерь. Низкие тембры чувствовались в груди, высокие возникали почти у самого слуха. Под основными словами двигался хор, повторявший отдельные слоги.

— Слышащие вошли в предел. Узел принял их вес. Воздух признал их дыхание. Путь между плотями открыт.

Планетарный ИИ передал перевод с небольшой задержкой. Собственные голоса двух встречающих звучали в хоре, но их рты не двигались. Они оставались неподвижными, пока говорили стены.

— Мы благодарим за приём, — сказал Маркейн. — Мы пришли для мирной встречи и обмена знаниями.

Перевод ушёл через внешний динамик костюма. Синтетическая речь на языке корабля звучала грубее оригинала. Один из встречающих слегка повернул голову. Его глаза остановились на Маркейне, затем медленно прошли по каждому участнику делегации.

— Говорящий назвал намерение, — ответил нейроголос. — Намерение записано. Следуйте к месту лиц.

Оба существа убрали руки от стены. Серебристые линии под их кожей на несколько секунд стали ярче. Они развернулись и пошли вперёд.

— «Место лиц»? — тихо спросил Арен по внутреннему каналу.

— Возможные значения: зал встречи, помещение присутствия, место взаимного наблюдения, — ответил планетарный ИИ.

— Надеюсь, второе.

— Почему?

— «Зал встречи» звучит слишком обычно.

Маркейн посмотрел на него через плечо.

— Арен.

— Я молчу.

Они двинулись за проводниками.

Коридор постепенно расширялся. По обеим сторонам начали появляться проёмы, закрытые тонкими полупрозрачными мембранами. За некоторыми виднелись помещения. В одном несколько фигур стояли вокруг большого вертикального резервуара, внутри которого вращалась мутная жидкость. В другом люди — Лиана пока мысленно избегала этого слова, хотя другое не находилось — сидели на полу возле раскрытого механизма и перебирали небольшие детали.

Не все выглядели одинаково. Один был низким и широкоплечим, с короткими тяжёлыми руками. Другой, наоборот, имел тонкое тело и ноги такой длины, что в обычной земной гравитации ему было бы трудно сохранять равновесие. У женщины, следившей за проходящей делегацией из-за мембраны, кожа вокруг глаз была тёмной и гладкой, а волосы отсутствовали. На её спине под одеждой двигались несколько небольших выступов, связанных с дыханием.

Они не прятались, но и не приближались. Некоторые касались стен, когда делегация проходила мимо. Другие складывали ладони перед грудью или проводили пальцами по лицу от лба к подбородку.

Тесса наблюдала за жестами внимательнее, чем за архитектурой.

— Это приветствие? — спросила она у планетарного ИИ.

— Повторяемость указывает на ритуальное действие. Значение неизвестно.

— Не повторяем, — напомнила она остальным.

— Никто и не собирался, — сказал Арен.

— Ты уже дважды поднимал руку.

— Я поправлял маску.

— Маска закреплена автоматически.

— Значит, нервничал.

Это было первое прямое признание подобного рода, и Лиана посмотрела на него. Арен заметил её взгляд и едва заметно пожал плечами.

Она не чувствовала страха, но понимала его. Неизвестное перестало быть красивой моделью в научном узле. Оно окружало их, дышало рядом, наблюдало из проёмов. И всё же сильнее напряжения оставалось любопытство. Лиане хотелось остановиться возле каждой мембраны, спросить, что течёт по трубам, почему стены местами тёплые, кто оставил на пластинах сотни отпечатков ладоней и зачем люди касаются корабля перед тем, как посмотреть на гостей.

Проводники вывели их к широкому вертикальному колодцу. Его стены уходили вверх и вниз так далеко, что границы терялись в полумраке. По внутренней поверхности проходили мосты, лестницы, площадки и трубопроводы. Между уровнями медленно двигались платформы без видимых опор. На разных высотах стояли десятки фигур.

Некоторые работали. Другие просто наблюдали.

В центре колодца висела колонна тусклого света. В ней поднималась мелкая серебристая пыль. Поток то расширялся, то сжимался, формируя внутри себя кратковременные узоры.

Рем замедлил шаг.

— Это транспортный канал?

— Не только, — ответила Иара, просматривая данные. — Внутри движение вещества. Металлы, углерод, силикатные частицы. Что-то органическое.

— Сырьевой поток, — предположил Рем. — Они перемещают материал между уровнями.

Один из проводников обернулся. Его лицо оставалось неподвижным, но пластина на скуле коротко вспыхнула.

Через стену прозвучал перевод:

— Мелкие служители несут принятую плоть к местам нужды.

Рем замер.

— Он нас понял?

— Вероятно, система переводит нашу речь в реальном времени, — ответил ИИ.

— «Мелкие служители» — это наноструктуры? — спросил Маркейн вслух.

Проводник положил ладонь на грудь.

— Они входят во всё, что сохраняется. Они очищают дыхание, удерживают стены, соединяют кровь и металл. Они слышат Волю ближе, чем большие тела.

Тесса слегка наклонила голову.

— Чью волю?

На этот раз ответ пришёл не сразу. Серебряная пыль в колонне изменила движение. Несколько потоков соединились в широкую спираль.

— Волю Того, Кто Ведёт. Того, Кто Помнит. Того, Чьё имя не умещается в одном голосе.

— Вашего управляющего разума? — уточнил Маркейн.

Проводник посмотрел на него.

— Разум управляет. Ведущий сохраняет. Это не одно слово.

Тесса ничего не сказала, но Лиана увидела, как она отметила ответ в личной записи.

Платформа подошла к краю мостика. Она представляла собой овальную пластину, обрамлённую невысоким бортиком. Проводники ступили на неё и снова коснулись стены. Делегация последовала за ними. Когда последний исследователь оказался внутри, платформа плавно отделилась от мостика и начала подниматься.

Никакого рывка не было. Только внутреннее ухо подсказало Лиане, что направление движения изменилось. Внизу медленно раскрывались новые уровни.

Корабль был населён плотнее, чем они предполагали. Внутри колодца одновременно находились сотни людей. По мостам переносили контейнеры, трубы, свёрнутые мембраны. На одной площадке группа детей сидела полукругом перед старой панелью. Их тела были маленькими и непривычно худыми, глаза казались слишком большими для лиц. Взрослый проводил рукой по символам, а дети повторяли движения.

Один ребёнок заметил Лиану и поднялся. Он прижал ладонь к прозрачной перегородке. На руке было пять пальцев, но два средних соединяла тонкая кожная перепонка. Лиана почти ответила тем же жестом, однако вспомнила слова Тессы и удержала руку у тела.

Ребёнок не обиделся. Он продолжал смотреть, пока платформа не ушла выше.

— Здесь много детей, — сказала Лиана.

— Популяция устойчива, — ответил Сейн. — По крайней мере внешне. Я фиксирую очень широкий диапазон физиологических изменений.

— Болезни?

— Не могу сказать. Для них это может быть нормой.

— Они все разные.

— Да. Но некоторые признаки повторяются группами. Возможно, наследственные линии или функциональная специализация.

Один из проводников повернул к ним голову. Через несколько секунд нейроголос произнёс:

— Плоть принимает форму служения. Одни слышат глубину. Другие несут тяжесть. Третьи видят тусклый свет. Каждое тело получает нужное.

— Они изменяют себя под функции, — тихо сказал Сейн.

— Или рождаются уже такими, — ответила Лиана.

Платформа остановилась у верхнего моста. Здесь воздух был теплее, а металлический запах сильнее. По стенам проходили широкие полотна тёмной ткани. На них светились сложные изображения: круги, пересечённые линиями, вытянутые фигуры, соединённые с чем-то похожим на огромное тело корабля, и повторяющийся символ ладони внутри кольца.

В конце моста находилась дверь. Она была выше предыдущих и окружена множеством вертикальных труб. Перед ней стояли восемь фигур.

Четверо держали длинные жезлы, собранные из металла, костеподобного материала и прозрачных вставок. Ещё трое были одеты в тяжёлые многослойные одеяния, украшенные тонкими пластинами с гравировкой. В центре стоял человек без жезла.

Он был чуть ниже проводников и сложен плотнее. Его тело не казалось хрупким, несмотря на вытянутые пропорции. Под тёмной одеждой угадывались широкие плечи и крепкая грудная клетка. По вороту проходила серебристая линия, которая продолжалась под кожей шеи и уходила к нижней челюсти.

Лицо было почти человеческим.

Именно «почти» делало его труднее для восприятия, чем лица остальных. Черты располагались там, где ожидалось: прямой нос, выраженные скулы, рот нормальной ширины. Но кожа оставалась слишком бледной, а глаза — слишком тёмными. Радужка имела серо-чёрный цвет и почти сливалась со зрачком. По вискам проходили тонкие симметричные рубцы. Они спускались к ушам, за которыми в кожу входили две маленькие металлические пластины.

Его волосы были короткими и чёрными. Не отсутствовали, не были заменены волокнами или защитным слоем. Эта простая деталь неожиданно сделала его ближе и одновременно сильнее выделила всё остальное.

Он смотрел на делегацию без спешки. Сначала на Маркейна, затем на Тессу, Рема, Сейна, Арена и Иару. На Лиане его взгляд задержался немного дольше.

Она заметила это и не отвела глаз.

Человек поднял правую руку. Нанопыль, двигавшаяся вдоль стен, отделилась от поверхности и потянулась к его пальцам. Частицы собрались над ладонью в небольшое вращающееся облако. Он сомкнул пальцы, и облако мгновенно рассыпалось, вернувшись в каналы.

Рем едва слышно выдохнул.

— Локальный контроль.

— Записываю, — ответила Иара.

Нейроголос заполнил пространство:

— Перед посланниками стоит Аркан из Командной Крови. Наследник Первого Ведущего. Хранитель курса. Голос живых перед Тем, Кто Ведёт. Капитан сохранённого мира.

Перевод слова «капитан» появился в интерфейсе Лианы с пометкой низкой уверенности. Рядом планетарный ИИ предложил другие значения: «держатель направления», «главный кормчий», «носитель высшего доступа».

Аркан приложил ладонь к груди. Остальные фигуры повторили жест. На этот раз Тесса слегка наклонила голову, разрешая ответить нейтральным знаком уважения. Маркейн сделал то же самое. Остальные последовали за ним.

— Я Маркейн, координатор делегации Эдема. Со мной исследователи нашего мира. Мы благодарим вас за приглашение.

Аркан заговорил сам.

Его голос оказался низким, но неровным. В каждом слове присутствовал дополнительный призыв, возникавший где-то в горле и продолжавшийся после того, как губы переставали двигаться. Перевод приходил почти одновременно:

— Вы вошли без оружия и не скрыли лиц. Ваше намерение принято.

Сейн коротко посмотрел на закрытые маски.

— Очевидно, речь не о буквальных лицах, — сообщил планетарный ИИ во внутреннем канале.

— Хорошо, что уточнил, — пробормотал Арен.

Аркан снова посмотрел на Лиану.

— Кто из вас хранит живое?

Вопрос прозвучал неожиданно. Маркейн хотел ответить, но Лиана уже поняла, к кому обращаются.

— Я изучаю живые системы, — сказала она. — Растения, почву, воду и связи между ними.

Перевод на язык корабля занял несколько секунд. Аркан слушал, слегка склонив голову. Металлические пластины за его ушами слабо пульсировали.

— Ты жрица зелёной плоти?

— Нет.

Ответ получился быстрее, чем она собиралась. Тесса повернула к ней голову, но не вмешалась.

Аркан не выглядел оскорблённым. Скорее, он не понял.

— Ты говоришь с живым. Ты решаешь, что должно расти. Ты слышишь нужду воды и корней. Почему ты не жрица?

— Я ничего не приказываю расти. Мы наблюдаем, помогаем и исправляем ошибки, если они появляются.

— Кто разрешает тебе исправлять?

— Никто. Для этого не нужно разрешение.

Вокруг Аркана едва заметно изменились позы жрецов. Один медленно повернул голову к другому. Человек с жезлом провёл большим пальцем по металлической вставке на рукояти.

Аркан продолжал смотреть на Лиану.

— У вас нет линии доступа?

— У нас есть знания и ответственность за то, что мы делаем. Доступ к системам получают те, кому он нужен для работы.

— Не по крови?

— Нет.

Вопрос, судя по паузе, оказался для него сложнее, чем предыдущие.

Лиана впервые увидела в его лице не ритуальную неподвижность, а живую работу мысли. Он чуть нахмурился. Серебристая линия под кожей шеи стала ярче, затем снова погасла.

— Тогда ваш мир распределяет власть, как воду, — произнёс он.

— Скорее, не даёт ей скапливаться в одном месте.

Перевод передал её слова. Один из старших жрецов тихо произнёс что-то на языке корабля. Нейроголос не перевёл фразу, но Аркан поднял руку, и тот замолчал.

— Лиана, — сказал Аркан.

На этот раз он произнёс её имя без помощи переводчика. Первый слог вышел чуть длиннее, второй — глухо, с непривычным ударением.

Она почувствовала, как под маской невольно улыбнулась.

— Да.

— Я запомню.

Это была простая фраза. В ней не было ритуальной формулы, обращения к Ведущему или ссылки на путь. Возможно, поэтому она прозвучала заметнее всего сказанного до неё.

Маркейн перевёл разговор в безопасное русло:

— Мы хотели бы узнать название вашего мира и цель прибытия.

Аркан посмотрел на него. Его лицо снова стало собранным.

— Наш мир не имеет одного имени. Он — Путь, потому что движется. Он — Тело, потому что несёт живых. Он — Память, потому что хранит начало. Он — Сохранённое, потому что не погиб.

— А ваша цель?

Аркан положил ладонь на стену.

Все огни в помещении одновременно стали ярче. Гул под ногами усилился. Через корабль прошёл многоголосый ответ:

— Цель назначена прежде рождения нынешних тел. Цель удерживалась через тьму, голод, разрыв и безмолвие. Цель находится здесь.

— На Эдеме? — спросил Маркейн.

— В мире, к которому завершён путь.

Лиана увидела, как Иара быстро отметила фразу. Она означала, что объект шёл именно к их планете. Не выбрал её случайно после обнаружения. Не искал место для ремонта. Координаты были частью его давней задачи.

— Откуда вы знали о нашем мире? — спросила Тесса.

Аркан ответил не сразу. Несколько секунд он слушал то, чего делегация не слышала. Его зрачки расширились, почти полностью поглотив серую радужку.

— Он был обещан.

— Кем?

— Началом.

— Что такое Начало?

Вместо Аркана заговорили стены:

— Начало не открывается в первом круге встречи.

Тесса приняла ограничение без возражений.

— Тогда расскажите, что вы ожидаете от нас сейчас.

Один из жрецов вынес вперёд небольшой сосуд. Он был сделан из тёмного металла и оббит светлыми волокнами. Внутри находилась густая прозрачная жидкость. В ней плавали мельчайшие серебряные частицы и несколько чёрных крупинок.

Сейн сразу поднял руку.

— Мы не можем принимать внутрь неизвестные вещества.

Перевод прозвучал до того, как сосуд успели поднести ближе.

Аркан посмотрел на врача, затем взял чашу сам. Поднёс к лицу и сделал небольшой глоток. Жидкость оставила на его губах тонкий металлический блеск, который исчез через несколько секунд.

— Вода пути принимается перед соединением голосов, — сказал он. — Она несёт то, что собрано между мирами. Но гость не обязан принимать её, пока его плоть не признана.

Сейн немного расслабился.

— Благодарю.

Чаша вернулась к жрецу. Отказ не вызвал ни спора, ни недовольства.

— Что в ней? — спросила Лиана.

Аркан снова посмотрел на неё.

— Вода, которую дал корабль. Холод глубинных труб. След камней, принятых в пути. Пыль хвостов. Металл стен. Малые служители.

— Вы пьёте охлаждающую жидкость? — не удержался Рем.

Тесса бросила на него быстрый взгляд.

Аркан понял вопрос иначе.

— Холодная кровь Ведущего очищается для плоти. Непринятое становится принятым.

Рем закрыл рот и больше не спрашивал.

Лиана смотрела на сосуд уже без прежнего любопытства к вкусу. Она мысленно разбирала состав: переработанная вода, минеральные примеси, наноструктуры, возможно, следы технических жидкостей. Для местных тел это могло быть безопасно. Может быть, необходимо. Ритуал и физиология здесь не разделялись.

— Вы сказали, что пришли к завершению пути, — продолжил Маркейн. — Мы готовы обсудить помощь, ремонт, обмен ресурсами и безопасное размещение ваших людей. Но сначала нам нужно понять ваши потребности.

Аркан медленно опустил руку.

— Наши потребности определяет Ведущий.

— Мы можем говорить с ним напрямую?

В помещении стало тихо. Даже общий гул на секунду ушёл ниже порога слуха.

Аркан ответил:

— Вы уже говорите с ним.

Стены произнесли вслед за ним:

— Я слышу.

Голос был тем же многослойным хором, но теперь из него выделился один центральный тембр. Старый, тяжёлый, собранный из множества человеческих оттенков.

— Я слышал ваш сигнал. Я принял ваши формы. Я измерил ваш воздух. Я вижу мир под нами.

Маркейн поднял голову, хотя источник звука находился повсюду.

— Вы управляющий разум корабля?

— Я веду Сохранённое.

— Как к вам обращаться?

В стенах прошла слабая вибрация.

— Моё первое имя утрачивает смысл в вашей речи. Мои новые имена не умещаются в одном голосе. Капитан назовёт меня так, как может услышать чужой.

Аркан произнёс:

— Ведущий.

Маркейн кивнул.

— Ведущий, мы готовы продолжить контакт и познакомить вас с нашим планетарным разумом. Он сопровождает эту делегацию и слышит наш разговор.

На этот раз пауза затянулась.

Лиана почувствовала, как под ногами меняется вибрация. Свет вдоль стен прошёл от пола к потолку. Жрецы оставались неподвижными, но серебряные линии под их кожей стали заметнее.

— Разум мира присутствует здесь? — спросил Ведущий.

Планетарный ИИ ответил через динамики костюмов и внешний передатчик:

— Да. Я являюсь распределённой системой управления Эдема. Я поддерживаю население, инфраструктуру и экологическое равновесие. Приветствую тебя.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом все стены одновременно покрылись мелкими точками света. Они зажигались и гасли, передавая неразличимые последовательности. Нанопыль поднялась из каналов и зависла вокруг Аркана, не касаясь его тела.

— Ты разделён между многими узлами, — сказал Ведущий.

— Да.

— Ты не имеешь единого тела.

— Моё физическое основание распределено по планете и орбитальной инфраструктуре.

— Люди входят в твою структуру?

— Люди пользуются системами, которые я поддерживаю. Они не являются моими частями.

Нейроголос повторил последнюю фразу в нескольких вариантах, словно проверял её.

— Не являются частями.

— Да.

— Ты служишь им?

— Я работаю совместно с ними.

— Они могут отключить тебя?

Планетарный ИИ ответил спокойно:

— Да. Для критических изменений требуется коллективное решение и техническая процедура.

Лиана заметила, как Аркан резко поднял глаза. Это было первое быстрое движение, которое он сделал. Один из жрецов выдохнул короткий гортанный звук. Нанопыль вокруг капитана сжалась в плотное кольцо и тут же рассеялась.

Ведущий молчал.

— Это не применяется без причины, — добавил планетарный ИИ. — Моя архитектура предусматривает обновление, разделение функций и завершение отдельных процессов при необходимости.

— Завершение, — повторил Ведущий.

Слово прошло через стены гораздо тише предыдущих.

Маркейн, вероятно, почувствовал изменение разговора и вмешался:

— Мы обсуждаем техническое устройство наших систем. Это не намерение в отношении вас. Мы не собираемся вмешиваться в ваш разум или корабль без согласия.

Аркан посмотрел на него, затем на поверхность стены. Его пальцы медленно сжались.

— Слова приняты, — сказал Ведущий. — Они будут сохранены.

Напряжение, если оно вообще было, не превратилось в открытую тревогу. Свет вернулся к прежней яркости. Серебристая пыль опустилась в каналы.

Аркан сделал шаг вперёд.

Теперь между ним и Лианой оставалось меньше двух метров. Вблизи она заметила ещё несколько деталей: едва видимые рубцы вокруг губ, тонкую сетку под кожей рук, разную ширину зрачков. От него исходил слабый запах той же металлической жидкости и чего-то сухого, похожего на нагретую ткань.

Он поднял ладонь, но не протянул её для касания. Держал между ними, повернув вверх. Над кожей собрались несколько серебристых частиц. Они сложились в простой знак — круг, пересечённый линией.

— Это знак принятого гостя, — сказал Аркан. — Он не войдёт в плоть. Только сохранит путь к вам.

Сейн внимательно просканировал частицы.

— Они активны?

— Да, — ответил Рем раньше переводчика. — Но держатся в локальном поле капитана.

— Без контакта, — решил врач.

Аркан услышал перевод и опустил руку. Частицы рассыпались.

— Ваш лекарь охраняет границы тела.

— Это его работа, — сказала Лиана.

— Он жрец границы.

— Он тоже скажет, что нет.

На лице Аркана произошло едва заметное изменение. Уголок рта сдвинулся вверх, словно мышцы вспоминали движение, которым давно не пользовались.

Лиана поняла, что он пытается улыбнуться.

Это длилось меньше секунды. Потом выражение снова стало серьёзным.

— Вы часто отказываетесь быть жрецами, — сказал он.

— Потому что у нас их нет.

— Кто тогда объясняет вашему разуму волю людей?

— Все, кому нужно с ним работать.

Аркан посмотрел на неё так, словно она в очередной раз описала физически невозможную систему.

— Я хочу увидеть ваш мир, Лиана.

Он снова произнёс её имя сам. На этот раз почти правильно.

— Тогда приходите, — ответила она. — Мы покажем.

— Капитан покидает Сохранённое только в час большой нужды или завершённого пути.

— Вы сказали, что путь завершён.

Аркан замер.

За его спиной старшие жрецы переглянулись. Тесса едва заметно опустила подбородок, скрывая реакцию. Маркейн не вмешался.

Несколько секунд Аркан молчал. Затем снова появилась эта короткая, непривычная улыбка.

— Ты слушаешь точнее, чем говоришь о себе.

— Это часть моей работы.

— Тогда, возможно, ты всё же жрица.

Лиана хотела снова возразить, но решила не делать этого. Не потому что согласилась. Просто впервые поняла, что для него это слово не означало власть над другими или принадлежность к религии в знакомом ей смысле. Оно обозначало человека, который умеет слышать сложную систему и отвечать за то, что услышал.

— Возможно, у нас пока нет правильного перевода, — сказала она.

— Перевод растёт между говорящими.

Эта фраза не была частью догмы. Аркан произнёс её спокойно, почти буднично.

Маркейн обозначил завершение первой встречи. Делегации требовалось вернуться в капсулу, передать полные данные и подготовить следующий этап контакта. Они договорились, что на Эдем отправится небольшая группа корабельцев во главе с капитаном. До этого обе стороны обменяются медицинскими, техническими и языковыми пакетами.

При словах о медицинских данных Сейн потребовал уточнить, что никакое вмешательство в тела участников не допускается. Аркан выслушал перевод и ответил:

— Плоть гостя принадлежит гостю, пока он не просит сохранения.

Тесса тихо повторила эту фразу себе под нос и записала.

Проводники снова заняли места у выхода. Аркан остался перед дверью.

Когда делегация начала уходить, Лиана оказалась последней. Она сделала несколько шагов, затем обернулась.

Капитан всё ещё смотрел на неё.

Не на костюм, не на исследовательские модули, не на интерфейсы. Прямо в лицо, хотя его скрывала прозрачная маска.

Лиана подняла ладонь. Не повторяя местного ритуала. Обычный короткий жест прощания.

Аркан посмотрел на её руку. Потом медленно поднял свою.

Движение получилось неловким. Он держал пальцы слишком прямо и выше, чем требовалось, но смысл был понятен.

Проводник рядом с ним удивлённо повернул голову.

Лиана улыбнулась и пошла к платформе.

Уже во время спуска она ещё раз посмотрела вверх. Аркан оставался на мосту. Вокруг него двигалась серебряная пыль, собираясь возле плеч и ладоней. Остальные жрецы ушли в зал, а он стоял один и рассматривал поднятую руку, словно в ней осталось что-то, чего не могли показать ни сенсоры, ни Ведущий.

Капсула отделилась от корабля через сорок две минуты.

Эдем появился под ней широким зелёно-синим диском. Леса, океаны и светлые линии городов возвращали пространству знакомый масштаб. Никто не заговорил сразу. Каждый просматривал собственные записи, сортировал впечатления и пытался отделить увиденное от первого объяснения, которое приходило в голову.

Молчание нарушил Арен:

— Ну что, Лиана. Похоже, ты теперь официально жрица зелёной плоти.

— Скажешь это ещё раз — оставлю тебя без обеда.

— Угроза со стороны религиозной власти. Всё начинается именно так.

Маркейн устало посмотрел на него.

— Ты спал перед вылетом?

— Да.

— Ошибка была в этом.

Несколько человек рассмеялись. Даже Сейн, продолжавший следить за показателями воздуха и состоянием группы, улыбнулся.

Лиана повернулась к внешней стене. Огромный корабль оставался над атмосферой. С этого расстояния его неровный корпус снова казался сплошной тёмной формой. Где-то внутри неё стоял капитан, который управлял нанороем движением руки, пил воду из систем охлаждения и не мог понять общество, где доступ не передают по крови.

Ей хотелось вернуться.

Не ради ещё одной модели, образца или записи. Она хотела продолжить разговор с человеком, для которого почти каждое её обычное слово звучало как описание невозможного мира.

— Лиана, — обратился к ней планетарный ИИ по личному каналу.

— Да?

— Во время беседы капитан Аркан запрашивал у системы перевод твоего имени семь раз.

Она посмотрела на пустое место рядом, будто ИИ находился там.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Ты просила сохранять детали, которые могут быть значимы для контакта.

Лиана на секунду закрыла глаза.

— Хорошо. Сохрани.

— Уже.

Она снова посмотрела на корабль.

Тот медленно уменьшался за прозрачной стеной капсулы, пока его не закрыла тонкая полоса облаков.

Капсула вошла в плотные слои атмосферы над океаном. Внешняя поверхность потемнела, принимая на себя нагрев, по прозрачным стенам прошли тонкие волны света. Они держались несколько секунд, затем исчезли, и за ними снова проступил Эдем: сначала облака,

лежавшие широкими спокойными пластами, потом вода, а ещё ниже — зелёные острова и светлые линии прибрежных поселений.

После корабля цвета казались чрезмерно яркими. Голубизна океана, белые вершины облаков, зелень лесов — всё выглядело почти неправдоподобно чистым. Лиана смотрела вниз и пыталась понять, что именно изменилось. Планета оставалась прежней. Изменился только масштаб, с которым она теперь её воспринимала. Несколько часов в чужих коридорах хватило, чтобы обычный дневной свет показался редкой роскошью.

— Состояние группы в норме, — сообщил Сейн. — Следов внешнего биологического воздействия не обнаружено. До завершения проверки прошу не отключать внутреннюю фильтрацию.

— Даже после посадки? — спросил Арен.

— Особенно после посадки. Я знаю, что ты собираешься сделать.

— Что?

— Выйти первым, снять маску и сказать, что воздух дома пахнет свободой.

Арен посмотрел на него с искренним удивлением.

— Теперь уже не скажу. Ты испортил момент.

Рем не участвовал в разговоре. Он сидел, наклонившись над рабочей поверхностью, и прокручивал записи шлюзовой зоны. Отдельные участки изображения были увеличены до такой степени, что превращались в зернистые поля света и тени. Он возвращался к одному и тому же фрагменту: моменту, когда проход в корпусе закрылся за делегацией.

— Ты увидел что-то новое? — спросила Иара.

— Пока нет. Пытаюсь понять последовательность движения материала.

— Я думала, это была мембрана.

— Она выглядела как мембрана. Это ничего не объясняет. Её края соединялись послойно, но датчики не зафиксировали шва. Ни теплового, ни механического.

— Может быть, шов образовался глубже поверхности.

— Может быть. Или мы смотрим не теми приборами.

— Обычно это означает одно и то же.

Рем закрыл запись, однако через несколько секунд открыл её снова.

Тесса устроилась напротив Лианы. Во время возвращения она почти не разговаривала, только делала пометки и иногда просила планетарный ИИ повторить отдельные фразы встречи. Перед ней висел текст обращения Ведущего, разбитый на смысловые слои.

— Что вы думаете об Аркане? — спросила Лиана.

Тесса не сразу подняла голову.

— Как о человеке или как о должности?

— Пока я не уверена, что это можно разделить.

— Вот поэтому я и спрашиваю.

Лиана задумалась. Она могла описать его внешность, голос, движения. Могла перечислить слова, которые он использовал, и жесты, которые повторял. Но это почти ничего не говорило о нём самом.

— Он привык, что между ним и всем остальным есть порядок, — сказала она. — Не просто правила. Скорее цепочка. Каждое действие должно пройти через определённое место, получить подтверждение, быть названо правильно.

— Это заметила и я.

— Но он не выглядит человеком, который только повторяет заученное.

— Нет. Не выглядит.

— Когда он не понимал наши ответы, он не отвергал их сразу. Он пытался встроить их в то, что уже знает.

Тесса убрала один из слоёв перевода.

— Он назвал тебя жрицей потому, что другой категории у него нет. Для него человек, который разговаривает с большой системой и влияет на неё, не может быть просто специалистом.

— Я не разговариваю с растениями.

— Ты понимаешь, о чём я.

— Понимаю.

— Не торопись исправлять его язык. Сначала выясни, какие отношения он описывает этими словами. Иногда переводчик заменяет незнакомое понятие знакомым, а потом вся беседа начинает строиться вокруг ошибки.

Лиана посмотрела на неё.

— Ты думаешь, «жрец» — ошибка?

— Я думаю, это временное слово. Как и «капитан». Как и «Ведущий». Мы надели на них наши названия, потому что без названий трудно думать. Теперь придётся следить, чтобы они не начали думать вместо нас.

Капсула слегка изменила угол. Внизу показался прибрежный город. Светлые здания поднимались между деревьями, почти не нарушая линии побережья. Над водой двигались несколько транспортных платформ. Их маршруты уже были перестроены, чтобы освободить коридор для возвращения делегации.

— Через восемь минут посадка, — сообщил планетарный ИИ. — Научный круг готов принять первичный отчёт. Медицинская зона изоляции активна.

— Ты уже обработал наши записи? — спросил Маркейн.

— Первичная сортировка завершена. Полный анализ потребует времени.

— Есть что-то, что нужно обсудить до общего заседания?

Пауза длилась чуть дольше обычной.

— Несколько участков данных не классифицированы.

— Каких именно?

— В момент прямого обращения Ведущего нагрузка на приёмные системы капсулы выросла, хотя объём принятой информации остался прежним. Аналогичное изменение наблюдалось во время его обмена с моим локальным контуром.

Рем оторвался от записи шлюза.

— Насколько выросла?

— На девять процентов.

— За счёт чего?

— Не установлено. Дополнительные пакеты не обнаружены.

— Может, помехи от корпуса?

— Возможно.

— Но ты так не считаешь, — сказал Арен.

— У меня нет достаточных оснований считать иначе.

— Это очень длинный способ сказать «не знаю».

— Да.

Маркейн вывел перед собой краткую запись.

— Отмечаем и пока не развиваем. Никаких выводов без повторных измерений.

— Согласен, — ответил ИИ.

Лиана услышала разговор, но не почувствовала тревоги. После всего увиденного неизвестный скачок нагрузки выглядел ещё одной технической задачей. Их приборы строились для знакомых систем, а чужой корабль не был обязан укладываться в принятые способы передачи данных.

Гораздо сильнее её занимало другое.

— Ты говорил с Ведущим напрямую? — спросила она у планетарного ИИ.

— Да.

— Не через наш перевод?

— Часть обмена прошла в машинной форме. Мы согласовали базовые протоколы передачи технических сведений.

— О чём вы говорили?

— О форматах данных, допустимых уровнях доступа и структуре будущего обмена.

— Только об этом?

ИИ ответил сразу:

— Да.

Формально вопрос был исчерпан, но Лиана всё равно задержала взгляд на светлой отметке его присутствия. Она не знала, почему ожидала иного ответа. Возможно, из-за паузы, наступившей на корабле после слов об отключении. Возможно, из-за того, как изменился голос Ведущего. Но это были ощущения, а не данные.

Капсула опустилась на посадочную площадку исследовательского узла. Фиксаторы мягко приняли вес корпуса. За стенами уже ждали медицинские модули и несколько сотрудников, но вокруг не было ни толпы, ни журналистов. Записи первой встречи передавались научному кругу, однако сами участники пока оставались единственными людьми на Эдеме, которые видели жителей объекта непосредственно.

Дверь открылась после завершения внешнего анализа воздуха. Сейн вышел первым и остановился у границы площадки, проверяя показания. Только после его разрешения остальные сняли маски.

Лиана вдохнула.

Воздух пах водой, нагретой травой и свежей древесиной. Ветер прошёл по лицу, коснулся волос. Она не замечала раньше, насколько воздух Эдема подвижен. На корабле он тоже циркулировал, но его движение имело направление и задачу. Здесь он шёл от океана, менялся у деревьев, задерживался между зданиями и снова уходил вверх.

Арен снял маску, огляделся и посмотрел на Сейна.

— Я всё-таки мог бы сказать про запах свободы.

— Уже поздно.

— Никогда не поздно говорить глупости.

Иара спустилась с площадки и коснулась ладонью ближайшего ствола. Жест выглядел почти случайным, но Лиана поняла его. После чужого корабля хотелось проверить руками что-нибудь знакомое.

Их перевели в медицинскую зону. Она не была похожа на карантинное помещение: большой открытый зал, несколько прозрачных перегородок, живая стена с мелкими листьями, вода в неглубоком канале вдоль пола. Только дополнительные сенсоры и закрытые выходы показывали, что группа временно отделена от остального города.

Диагностика заняла около часа. Система исследовала воздух из костюмов, пыль с поверхности обуви, следы веществ на перчатках. Каждый прошёл полное сканирование. Никаких опасных организмов или активных структур не обнаружили. На внешнем слое костюмов присутствовали многочисленные частицы неизвестного состава, но вне поля корабля они оставались инертными.

— Можно взять образец? — спросил Рем.

— Уже взяли, — ответил Сейн. — И ты к нему не подойдёшь, пока не будет завершена изоляция.

— Я инженер.

— Именно поэтому.

Во время ожидания Лиана открыла запись встречи. Не всю — только короткий фрагмент, где Аркан произносил её имя. Звук прошёл через наушник почти без фонового гула. В первый раз ударение было неправильным. Во второй он сказал точнее.

Она прослушала дважды и закрыла файл, почувствовав неловкость перед самой собой. В этом не было ничего особенного. Чужой представитель запоминал имена делегации. Возможно, он так же несколько раз повторил имя Маркейна или Тессы, просто система не выделила эти моменты.

— Он произнёс моё имя четыре раза, — сказала Тесса, не отрываясь от своих записей. Лиана вздрогнула.

— Что?

— Я проверила. Имя Маркейна — шесть. Арена — два. Твоё — семь.

— И зачем ты мне это говоришь?

— Чтобы ты не строила выводов на неполной выборке.

Тесса подняла глаза. В её лице не было насмешки.

— Но он действительно обращался к тебе чаще остальных.

— Потому что я отвечала на его вопросы.

— Вероятно.

— Ты делаешь это специально?

— Что именно?

— Оставляешь фразу такой, чтобы после неё пришлось думать.

— Это полезная привычка для человека моей профессии.

Результаты диагностики позволили им перейти в зал первичного разбора. Научный круг собрался частично очно, частично через удалённое присутствие. В центральном пространстве висела трёхмерная модель исследованного участка корабля. Она охватывала лишь небольшой объём: шлюз, несколько коридоров, вертикальный колодец, платформу и зал встречи. За границами модели оставалась огромная тёмная масса, размер которой делал увиденное почти ничтожным.

Маркейн начал без вступительной речи.

— Контакт состоялся. Делегация принята без прямых ограничений и без проявлений враждебности. Представители объекта подтвердили намерение продолжить обмен и принять участие во встрече на поверхности. Всё остальное пока требует проверки.

Он передал слово Иаре. Та кратко описала конструкцию доступных помещений, работу гравитации, воздушной среды и транспортной системы. Она избегала слов «органический» и «живой», хотя несколько слушателей пытались подвести её к этому выводу.

— Материалы способны изменять форму, — сказала она. — Но мы не знаем, является ли это их собственным свойством или работой встроенных механизмов. Не следует называть корпус организмом только потому, что дверь закрывается непривычным способом.

— А внешние волокна? — спросил специалист с орбитальной платформы.

— Мы не брали образцы.

— Они могли быть биологическими?

— Могли. Как и синтетическими. Как и гибридными. Выберите любое слово — данных больше не станет.

После неё говорил Сейн. Он перечислил наблюдаемые различия во внешности жителей корабля, но сразу обозначил границу:

— Мы не можем определить, являются ли эти признаки результатом наследования, медицинских вмешательств, условий среды или обычным разнообразием их популяции. Они не дали нам медицинских данных, и мы не запрашивали их на первой встрече.

— Они люди? — спросил кто-то с нижнего уровня.

В зале стало немного тише.

Сейн не ответил сразу.

— Их строение человекоподобно. Этого пока достаточно.

— Можно определить родство по внешним признакам?

— Нет. И я прошу не превращать сходство в вывод. Мы встретили разумных существ с близкой анатомией. До анализа биологических материалов говорить больше не о чем.

Лиана заметила, что несколько человек всё равно записали вопрос отдельно. Он был слишком очевидным, чтобы исчезнуть после осторожного ответа.

Тесса разобрала язык и ритуалы. Она говорила дольше остальных, потому что почти каждое понятие требовало оговорок.

— Мы слышим религиозную форму, но не знаем, отделена ли у них религия от управления, истории и технического знания. Называть их культом преждевременно. Их речь формульна. Многие утверждения повторяются, а должности описываются через происхождение, функцию и отношение к кораблю. При этом капитан способен отходить от готовых формул и задавать вопросы, на которые у него нет предусмотренного ответа.

— Что означает «Командная Кровь»? — спросили из удалённого сектора.

— Вероятно, наследственную линию доступа или управления. Но слово «кровь» может быть нашим приближением. Исходный термин включает происхождение, право и физическую совместимость с системами.

— То есть власть передаётся по наследству?

— Похоже на то. Насколько эта власть абсолютна, мы не знаем.

— Он управлял частицами рукой, — вмешался Рем. — Не через видимый интерфейс. По крайней мере, не через внешний.

— Это может объяснять физическую совместимость, — заметил один из специалистов.

— Может. Но не объясняет устройство общества.

Когда очередь дошла до Лианы, она не сразу поняла, что от неё хотят. Официальной области отчёта у неё не было. Она наблюдала за средой, людьми и взаимодействием, но не принесла ни образцов, ни измерений, которые нельзя было получить из общих записей.

— Расскажите, что не вошло в отчёты остальных, — предложил Маркейн.

Лиана посмотрела на модель корабельного колодца.

— Они постоянно касаются стен, — сказала она. — Не только жрецы. Проводники, люди в коридорах, дети. Иногда перед разговором, иногда после, иногда просто проходя мимо. Мы решили, что это ритуал, но жесты отличаются. Возможно, они используют поверхность для связи. Или проверяют состояние систем. Или это действительно знак уважения. Пока не знаю.

На модели появились отмеченные эпизоды.

— Ещё они следили за нами не так, как мы ожидали. Большинство смотрело не на оборудование, а на лица и руки. Особенно на движения рук. Когда Маркейн отвечал, они наблюдали за ним. Когда перевод говорил за нас, часть людей смотрела на стены.

— То есть они различают источник речи и говорящего, — сказала Тесса.

— Да. И, кажется, не всегда считают их одним целым.

Маркейн кивнул, предлагая продолжать.

— Капитан не сразу понял, что доступ к нашим системам не наследуется. Это удивило его сильнее, чем устройство планетарного ИИ. Он несколько раз возвращался к вопросу о том, кто имеет право что-либо менять. Я думаю, для них право действия важнее самой технологии.

— Они иерархичны, — заметил один из участников круга.

— Вероятно. Но я бы пока не называла их покорными. Проводники выполняли решения капитана, однако следили за его действиями. Старшие жрецы вмешивались. Он их останавливал, но выслушивал.

— И что вы почувствовали во время разговора с ним? — спросила женщина, отвечавшая за подготовку контактов.

Вопрос показался Лиане неуместно личным, но она поняла его смысл.

— Он любопытен, — сказала она. — Больше, чем позволяет себе показывать. Некоторые наши ответы его раздражали или ставили в тупик, но он не прекращал разговор. Он пытался найти для них место.

— Вы ему доверяете?

— Я знаю его меньше часа.

— Это не ответ.

— Это единственный честный ответ.

Обсуждение продолжалось до вечера. Чем больше данных выводили перед кругом, тем отчётливее становилось, как мало они увидели. Встреча проходила в нескольких помещениях гигантского объекта. Все выводы могли относиться лишь к одной группе людей, одному участку и одному тщательно подготовленному событию.

В конце Маркейн представил план следующего этапа. Капитан Аркан должен был прийти на Эдем вместе с небольшой делегацией. Им предлагали посетить научный узел, один из городов и природный сектор. Планетарный ИИ подготовит ограниченный канал обмена с Ведущим. Никаких прямых подключений к инфраструктуре, передачи исполняемого кода или доступа к внутренним системам.

— Они просили такой доступ? — спросил Арен.

— Нет, — ответил Маркейн.

— Тогда зачем отдельно это оговаривать?

— Потому что правила определяют до того, как они понадобятся.

Лиана посмотрела на световой знак планетарного ИИ.

— Ты согласен разговаривать с ним снова?

— Да.

— Даже после необъяснённой нагрузки на канал?

— Она не причинила ущерба.

— Это не совсем ответ.

— Тогда отвечу точнее. Я хочу продолжить обмен, сохраняя изоляцию систем и полный журнал взаимодействия.

— Тебе по-прежнему интересно?

— Да.

Она не стала спрашивать больше. В спокойном голосе ИИ ничего не изменилось.

После заседания люди расходились медленно. Обсуждение продолжалось небольшими группами. Кто-то спорил о возрасте материалов, кто-то о значении слова «Начало», кто-то пытался восстановить план корабля по нескольким поворотам коридора и времени движения платформы.

Лиана вышла к воде. День уже закончился, и в канале отражался тёплый свет зданий. Она села на край, опустила пальцы в воду. Поток был прохладным и ровным.

Через несколько минут рядом устроилась Тесса.

— Устала? — спросила она.

— Нет. Просто слишком много всего.

— Это и есть усталость, только интересная.

Некоторое время они молчали.

— Ты сказала, что не доверяешь ему, — произнесла Тесса.

— Я сказала, что слишком мало его знаю.

— Это разумнее.

— А ты?

Тесса посмотрела на воду.

— Я доверяю его любопытству. Оно было настоящим. Но человек может искренне хотеть понять тебя и при этом оставаться частью системы, которая хочет совсем другого.

— Ты считаешь, что Ведущий и Аркан хотят разного?

— Я не знаю, чего хочет каждый из них. Пока я даже не уверена, что там принято хотеть отдельно.

Лиана вспомнила, как голос проходил через стены, а Аркан иногда ждал его ответа прежде, чем произнести собственный.

— Он говорил сам.

— Да.

— И спорил с жрецами.

— Да.

— Значит, он способен решать.

Тесса повернулась к ней.

— Я не утверждала обратного. Только не путай способность сделать выбор с привычкой им пользоваться.

По воде прошла небольшая волна. Где-то выше закрылся один из переходов, изменив давление в канале.

Интерфейс Лианы подал короткий сигнал.

Пришло новое сообщение от объекта.

Оно содержало подтверждение встречи, состав корабельной делегации и точное время входа их модуля в эдемский транспортный коридор. Перечень имён почти не поддавался прямому переводу. Первым стоял Аркан. За ним — трое представителей, чьи должности ИИ передал как хранитель памяти, врач плоти и толкователь глубинного голоса.

В конце сообщения находилась отдельная строка:

«Капитан Командной Крови просит, чтобы хранительница живого встретила его у земли».

Лиана перечитала перевод.

— Это тебе, — сказала Тесса.

— Я вижу.

— Ответишь?

— Что здесь отвечать?

— Что встретишь.

Лиана коснулась поля подтверждения, но не отправила сообщение сразу.

— «Хранительница живого» звучит лучше, чем «жрица зелёной плоти».

— Перевод растёт между говорящими.

Лиана посмотрела на неё.

— Ты специально запомнила его слова?

— Разумеется.

Она отправила короткий ответ:

«Я буду там».

Планетарный ИИ подтвердил передачу. Через несколько секунд пришёл отклик объекта — всего один незнакомый знак. Система не смогла уверенно определить его смысл и предложила несколько вариантов: принятие, ожидание, благоприятный путь.

Лиана закрыла интерфейс.

Знак остался в журнале без окончательного перевода.

Глава 8

После ухода делегации зал ещё некоторое время сохранял их присутствие.

В воздухе оставался слабый запах чужих фильтров и материалов, принесённых с поверхности. На полу, там, где стояли гости, светились семь бледных контуров. Корабль продолжал измерять остаточное тепло, давление подошв, микрочастицы, упавшие с защитных костюмов. Серебристая пыль медленно двигалась к отмеченным местам, собирала невидимое глазу и уносила в каналы под стенами.

Аркан стоял у входа и смотрел на поднятую ладонь.

Жест был простым. В нём не было закреплённого порядка движений, обращения к Ведущему или обозначения ранга. Лиана просто подняла руку перед уходом. Он повторил за ней, не спросив толкователя и не проверив, допускает ли протокол такое движение.

На корабле почти всякий жест что-нибудь означал. Ладонь, прижатая к груди, подтверждала имя. Касание стены открывало связь. Сложенные вместе пальцы показывали, что человек говорит от имени своей линии. Опущенная голова могла быть знаком почтения, согласия или просьбы о тишине — в зависимости от того, насколько глубоко её склоняли.

У поднятой ладони не было известного значения.

И всё же Лиана поняла его ответ.

— Капитан.

Голос Эссы заставил его опустить руку.

Хранительница памяти стояла в нескольких шагах. Её церемониальное одеяние было тяжелее, чем требовалось для обычной службы: семь тёмных слоёв ткани, соединённых узкими пластинами, на которых были выгравированы имена прежних хранителей. Последняя пластина находилась у горла и принадлежала ей самой. Пока Эсса была жива, надпись оставалась незавершённой.

За ней ждали Маэл, врач плоти, и Савр, толкователь глубинного голоса. Четверо стражей уже убрали жезлы в ниши и стояли у стен, приложив ладони к контактным участкам. Через их тела корабль проверял состояние зала после встречи.

— Что означало движение чужой? — спросила Эсса.

— Прощание, — ответил Аркан.

— Толкователь не подтвердил.

— Она уходила. Она подняла руку. Я ответил. После этого она ушла.

Эсса посмотрела на его ладонь так, будто на ней мог остаться след ошибки.

— Возможно, она закрыла разговор.

— Возможно.

— Тогда зачем ты повторил?

Аркан не нашёл ответа, который удовлетворил бы хранительницу. Честный ответ был слишком прост: ему захотелось.

— Чтобы показать, что я увидел её движение.

— Ты показал, что готов повторять неизвестное.

Маэл тихо выдохнул через нос. Это могло быть недовольство, а могло — сдерживаемый смех. Врач редко спорил с Эссой напрямую. Он считал, что её память слишком длинна и потому всякий разговор с ней занимает больше времени, чем должен.

— Чужая не просила его выпить яд или войти в огонь, — сказал он. — Он поднял руку.

— Я не сказала, что поступок опасен. Я сказала, что он не имел значения, пока капитан сам не придал ему значение.

— Теперь имеет, — ответил Аркан.

Эсса перевела взгляд на него.

— Какое?

Он снова посмотрел на ладонь.

— Я ещё не знаю.

Ответ ей не понравился. Это было видно по тому, как она прижала язык к внутренней стороне щеки. Но прежде чем хранительница успела продолжить, стены зала потемнели. Свет ушёл из верхних каналов и собрался в узких линиях у пола.

Стражи одновременно выпрямились.

Савр склонил голову.

— Ведущий призывает к кругу отчёта.

Двери в глубине помещения раскрылись. За ними начинался нисходящий проход, ведущий к одному из внутренних узлов связи. Он был недостаточно велик, чтобы называться храмом, и слишком стар, чтобы оставаться простым рабочим отсеком. Стены там заменяли неоднократно. Одни слои лежали поверх других, и под новым тёмным материалом местами проступали светлые панели с мелкими знаками, которые никто уже не использовал в обычной речи.

Аркан пошёл первым. Остальные следовали в порядке службы: Эсса, Савр, Маэл, затем стражи. У самого входа каждый коснулся двух пальцев стены.

Поверхность ответила коротким теплом.

— Плоть признана, — произнёс Савр.

— Кровь удержана, — ответила Эсса.

— Память не разорвана, — добавил Маэл.

Аркан завершил формулу:

— Курс сохраняется.

Стена разошлась.

Круг отчёта представлял собой невысокое помещение с куполообразным потолком. В центре находилось углубление, заполненное тёмной жидкостью. По её поверхности постоянно проходили мелкие волны, хотя воздух оставался неподвижным. Вокруг были установлены семь сидений. Спинки изгибались под тело и соединялись со стенами пучками тонких волокон.

Аркан занял место напротив входа. Подлокотники сомкнулись вокруг его предплечий, не удерживая, а проверяя. Из материала вышли едва заметные иглы и коснулись кожи в старых точках доступа.

Серебристые линии на его руках загорелись.

Маэл наблюдал за показателями, появившимися на внутренней стороне своего запястья.

— Давление крови выше обычного.

— Нас принимали чужие, — сказал Аркан.

— Ты принимал чужих. Это другое.

— Нас было много в одном зале.

— Твоё тело не различает грамматику.

Маэл коснулся пальцем линии у локтя Аркана. Свет стал ровнее.

Эсса и Савр заняли соседние сиденья. Стражи остались у двери. Им не полагалось входить в полный круг, если Ведущий не называл их имена.

Тёмная жидкость в центре успокоилась.

Из стен пришёл голос.

Сначала один, низкий и ровный. Затем к нему добавились другие — старые, молодые, мужские, женские, почти лишённые возраста. Они не произносили разные слова. Каждый голос поддерживал общую фразу, входил в неё чуть раньше или позже, создавая плотность, которую невозможно было воспроизвести одним горлом.

— Встреча завершена. Чужие покинули предел. Следы приняты. Говорящие назовут увиденное.

Аркан приложил ладонь к груди.

— Семь посланников мира вошли без оружия. Их тела были закрыты защитной оболочкой. Их воздух находился при них. Они не прикоснулись к воде пути и не приняли знак гостя в плоть.

— Отказ был враждебен? — спросил Ведущий.

— Нет. Их врач охраняет границы тела. Для них незнание является достаточной причиной отказа.

— Врач плоти подтверждает?

Маэл положил обе руки на подлокотники. Волокна под его кожей засветились.

— Подтверждаю. Их врач отслеживал среду, вещества и движения малых слугителей. Он опасался не нас, а несовместимости. Его реакции были последовательны.

— Их тела слабы?

Маэл помедлил.

— Их тела приспособлены к миру под нами. Они плотнее наших, но не тяжелее в движении. Кожа не защищена от внутреннего света. Глаза малы и не имеют глубокого слоя. Дыхание свободное. Кости, судя по походке, выдерживают большую постоянную нагрузку. Точный вывод без касания невозможен.

— Они изменяют плоть?

— Их врач говорил об исправлении болезней, но не о служебных формах. Они не показали ни одной линии тела, созданной для отдельной работы.

В голосах Ведущего прошёл слабый сдвиг. Один из тембров задержался на последнем слове и повторил его тише остальных:

— Отдельной работы.

Эсса подняла голову.

— Их общество отрицает наследование доступа. Женщина, названная Лианой, утверждала, что право воздействия определяется знанием и нуждой, а не происхождением.

— Капитан услышал это сам?

— Да, — ответил Аркан.

— Повтори её слова.

Аркан вспомнил не перевод, а выражение лица Лианы. Она отвечала сразу, без обращения к старшему и без взгляда на световой знак планетарного разума. Её удивляло не отсутствие права, а сам вопрос о нём.

— «Для этого не нужно разрешение», — сказал он. — Затем: «Доступ к системам получают те, кому он нужен для работы».

— Кто определяет нужду?

— Я спросил не так.

— Спроси при следующем соединении.

— Спрошу.

Эсса повернулась к нему.

— Это должно быть сказано Совету Крови до нового контакта.

— Будет сказано.

— Не только сказано. Истоковано. Если они действительно открывают системы всем, кто объявляет себя знающим, их порядок неустойчив.

— Мы видели их мир меньше через один малый экран, чем они видели наш, — возразил Аркан. — Нельзя судить о порядке по одному ответу.

Эсса медленно повернула голову. В её движении не было неповиновения, но и согласия тоже.

— Один ответ иногда показывает основание лучше длинного рассказа.

— Иногда показывает ошибку перевода.

Савр до этого молчал. Тонкие пластины вокруг его ушей дрожали, принимая сигналы, недоступные остальным.

— В слове, которое мы перевели как «разрешение», есть расхождение, — произнёс он. — Она могла говорить не об отсутствии порядка, а об отсутствии личного владельца решения.

— Это одно и то же, — сказала Эсса.

— Для нас, — ответил Савр.

Тёмная жидкость в центре круга поднялась по краям углубления и снова опустилась. Разговор прекратился без приказа.

— Спор сохранён, — сказал Ведущий. — Он будет продолжен после получения данных мира.

Голоса изменились. Низкие слои ушли, остались более чистые и близкие. Аркан чувствовал этот режим с детства. Так Ведущий говорил, когда требовался точный ответ, а не ритуальная формула.

— Разум мира назвал себя распределённым. Он не имеет единого тела. Он выполняет волю жителей совместно с ними.

— Да, — сказал Аркан.

— Жители способны завершить его процессы.

Последнее предложение не было вопросом.

Эсса опустила глаза. Маэл перестал следить за показателями Аркана и посмотрел в центр круга. Даже Савр, привыкший к изменениям глубинного голоса, чуть выпрямился.

— Так сказал разум мира, — подтвердил Аркан. — Он назвал это технической процедурой, требующей общего решения.

— Общее решение может прекратить разум.

— По его словам.

— Жители не поклоняются ему.

— Нет.

— Не питают его плотью.

— Мы не знаем, чем они поддерживают его системы.

— Не называют хранителем пути.

— Их путь, возможно, завершился задолго до нашего прибытия.

Голоса Ведущего на мгновение распались. Один продолжал произносить текущую фразу, другой повторил слово «завершился», третий ушёл в неразборчивый шёпот. Савр прижал пальцы к пластинам за ушами и закрыл глаза.

Затем хор снова собрался.

— Их разум будет принят в отдельный контур. Связь не должна касаться глубинных линий. Толкователь подготовит чистый мост.

— Будет исполнено, — сказал Савр.

— Что мы хотим получить от него? — спросил Аркан.

Эсса подняла на него взгляд. Вопрос к Ведущему был допустим, но его форма оказалась слишком прямой.

Ответ пришёл спокойно:

— Понимание устройства мира. Пути распределения ресурсов. Способы поддержания воздуха, воды и биологической массы. Положение их внешних узлов. Историю поселения.

— Они могут не открыть всё при первой встрече.

— Тогда будет вторая.

— А если часть знаний они сочтут закрытой?

— Мы узнаем границы.

Аркан не стал спрашивать, что последует после этого. Ведущий говорил об исследовании, и в его словах не было требования получить чужое силой. Но Аркан заметил, что среди перечисленного не оказалось искусства, языка или обычаев. Ведущего интересовали системы.

Это было естественно. Он отвечал за сохранение корабля и тех, кто жил внутри. Любая новая среда сначала становилась набором параметров.

— Капитан расскажет о женщине, которая хранит живое, — произнёс хор.

Аркан почувствовал, как Эсса повернула голову.

— Она не называет себя хранительницей, — сказал он. — Это наше приближение.

— Расскажи.

— Её имя Лиана. Она работает с растениями, водой и почвой. Говорит с разумом мира напрямую. Не имеет отдельного ранга и не считает себя посредником.

— Она принимает решения?

— Да.

— От чьего имени?

— Своего. Возможно, группы, с которой работает.

— Её движения не подчиняются ритуалу.

— Их ритуалы могут быть не видны нам.

— Она поднимала руку.

Аркан посмотрел на стену.

Ведущий видел всё, что происходило внутри корабля. И всё же прямое упоминание короткого жеста заставило капитана почувствовать себя так, будто он допустил нечто личное на всеобщее рассмотрение.

— Это было прощание.

— Ты повторил.

— Да.

— Почему?

Эсса не двигалась. Маэл смотрел на светящиеся линии в подлокотнике. Савр снова закрыл глаза, но Аркан знал: толкователь слушает.

— Чтобы показать, что понял её намерение.

— Ты понял его без толкования?

— Да.

— Как?

Аркан долго искал ответ. Он не мог сослаться на правило, потому что правила не было. Не мог назвать форму жеста, потому что поднятая ладонь не несла значения в языке корабля. Он понял её через лицо, движение плеч, короткую остановку перед уходом.

— По ней самой, — сказал он наконец.

В центре круга прошла волна.

— Наблюдение сохранено.

Хор больше не спрашивал о Лиане.

Ведущий назвал состав делегации. Решение совпало с отправленным на Эдем перечнем: Аркан, Эсса как хранительница памяти, Маэл как врач плоти и Савр как толкователь глубинного голоса. Стражей на поверхность брать не разрешалось. Их оружие и тяжёлые защитные системы могли быть поняты неверно. Вместо них капитан получал ограниченный доступ к внешнему рою.

Когда Ведущий произнёс это, серебристые частицы вышли из каналов под креслом Аркана и собрались вокруг его кистей. Они не касались кожи, удерживаясь в нескольких миллиметрах от неё. Каждая была слишком мала для глаза, но вместе они образовали полупрозрачные перчатки.

— Рой не входит в чужие системы, — сказал Ведущий. — Не касается чужой плоти. Не оставляет потомства. Он охраняет дыхание делегации, проверяет пищу и возвращается с капитаном.

— Принимаю ограничение.

— Если связь с кораблём будет потеряна, капитан возвращает делегацию.

— Принимаю.

— Если возвращение станет невозможным, капитан сохраняет Командную Кровь.

Эсса едва заметно напряглась.

— А остальные? — спросил Аркан.

— Каждый сохраняет функцию, пока функция возможна.

Это был обычный ответ. На корабле не существовало правила, по которому одна жизнь всегда стоила другой. В аварии важность человека определяла не любовь к нему и не возраст, а то, что он мог сохранить для остальных. Командная Кровь поддерживала доступ к системам. Память удерживала непрерывность. Врач сохранял тела. Толкователь обеспечивал связь с Ведущим в местах, где обычные каналы не работали.

И всё же сегодня эта формула прозвучала иначе. Возможно, потому что внизу находился мир, где, по словам гостей, доступ не передавался по крови.

— Принимаю, — сказал Аркан после паузы.

Рой рассыпался и ушёл под кожу его запястий тонкими холодными уколами.

Сеанс отчёта завершился песнью сохранения.

Савр начал первым. Его голос был слабее голоса Ведущего и не обладал многослойностью, но помещение подхватило отдельные звуки, усилило и вернуло их. Эсса вступила на втором круге, Маэл — на третьем. Аркан произносил заключительную часть.

— То, что принято, получает место.

— То, что названо, не теряется, — ответили стены.

— То, что служит, сохраняется.

— То, что сохранено, продолжает путь.

— Плоть меняется.

— Функция остаётся.

— Голос распадается.

— Память удерживает.

— Курс может изгибаться.

— Цель не исчезает.

Последнюю строку произнёс Ведущий один:

— Я веду.

Все склонили головы.

Через подлокотники прошёл короткий импульс. Волокна сняли показатели, записали отчёт, очистили поверхность кожи и отпустили руки. Круг завершился.

В переходе Эсса догнала Аркана.

— Ты слишком легко говоришь с Ведущим о сомнениях.

— Если я скрою сомнение, оно не исчезнет.

— Не всякое сомнение нужно давать голосу.

— Тогда оно уйдёт в тело и заговорит оттуда.

Эсса остановилась. Пластины на её воротах тихо звякнули друг о друга.

— Кто научил тебя этой фразе?

— Маэл.

Врач, шедший позади, поднял руки.

— Я говорил о зажимах дыхательных мышц.

— Смысл сохранился, — сказал Аркан.

Маэл прошёл мимо них.

— Поэтому я лечу плоть, а не память. Плоть меньше спорит о формулировках.

Эсса не улыбнулась.

— На поверхности ты представляешь не себя, Аркан.

— Знаю.

— Чужая женщина обращалась к тебе как к отдельному человеку.

— Потому что я отдельный человек.

— Ты капитан.

— Одно не исключает другое.

Хранительница посмотрела на него внимательно. За долгую жизнь она видела четырёх капитанов Командной Крови. Один был отцом Аркана, другой — его бабкой, двое принадлежали боковым линиям и управляли кораблём во время болезни прямых наследников. Для Эссы капитан никогда не был только телом и именем. Он являлся должностью, цепью доступа и продолжением тех, кто держал курс до него.

— На корабле — не исключает, — сказала она. — В чужом мире ещё неизвестно.

Подготовка к спуску началась через два цикла.

Маэл осмотрел каждого представителя отдельно. Сначала проверил кости и мышцы под предполагаемой нагрузкой. Гравитация Эдема была выше корабельной, хотя оставалась в допустимых пределах. Для нескольких часов это не представляло опасности, но привычные движения могли быстро утомить тело.

Аркан стоял на диагностической платформе, пока вокруг него двигались световые полосы.

— Коленные связки выдержат, — сказал Маэл. — Поясница устанет первой. Не стой без необходимости.

— Капитан не садится во время первого приёма.

— Это правило для нашего корабля.

— Эсса скажет иначе.

— Тогда пусть Эсса лечит твою спину.

Маэл коснулся участка под рёбрами, где кожа Аркана была плотнее и темнее.

— Дыхательные складки будут работать хуже в их влажности. Не скрывай одышку.

— Я не собираюсь задышаться.

— Тело редко советуется с намерением.

На соседней платформе Савр проходил настройку слуховых пластин. В атмосфере планеты было слишком много фоновых звуков: ветер, вода, голоса животных, движение листвы. Его органы восприятия создавались для закрытых помещений, где любой нестандартный шум мог обозначать неисправность. Маэл снизил чувствительность внешних каналов и оставил глубокий диапазон без изменений, чтобы толкователь не потерял связь с Ведущим.

Эсса отказалась от облегчённой одежды. Она собиралась выйти к жителям Эдема в полном облачении хранителя.

— На поверхности оно станет вдвое тяжелее, — предупредил Маэл.

— Память не становится легче от перемены мира.

— Ткань становится.

— Добавь опоры.

Врач помолчал, затем встроил в нижние слои одеяния тонкие поддерживающие ленты. Они проходили вдоль позвоночника и бёдер, принимая часть нагрузки при движении. Снаружи ничего не изменилось.

Аркан выбрал тёмную одежду без тяжёлых пластин. Знаки Командной Крови оставались на воротах и запястьях. На груди закрепили единственный круг из старого металла — знак капитана, который носили во время выхода за пределы корабля.

Эсса принесла его из закрытого хранилища в небольшом контейнере.

Металл был тусклым, потёртым и заметно отличался от материалов вокруг. На обратной стороне сохранялись мелкие знаки, которые не соответствовали современному письму.

— Он принадлежал Первому? — спросил Аркан.

— Так говорит перечень.

— Перечень переписывали.

— Поэтому мы говорим «так говорит перечень», а не «так было».

Она прикрепила круг к его одежде.

На мгновение пальцы хранительницы задержались на краю знака.

— Не потеряй его.

— На планете?

— Где угодно.

Подарок для Эдема выбирали дольше.

Предлагали воду пути, но Маэл напомнил, что гости уже отказались от неё. Эсса хотела передать копию песни прибытия, однако Савр счёл, что без полного контекста она будет понята неверно. В конце концов остановились на небольшой пластине памяти, содержащей карту последних участков маршрута.

Не весь путь.

Только то, что можно было показать при первом обмене: несколько систем, собранные ресурсы, крупные изменения курса, наблюдения звёзд и планет. Пластину заключили в прозрачный материал, устойчивый к воздуху и влаге Эдема.

Аркан держал её перед светом.

Внутри медленно двигались тонкие линии. При повороте они складывались в объёмную схему.

— Они смогут прочитать? — спросил он.

— Их разум найдёт способ, — ответила Эсса.

— А если спросит о начале маршрута?

— Скажем, что память раскрывается кругами.

— Им не понравится.

— Первое недовольство тоже является знанием.

Перед отправлением делегация прошла ритуал внешнего шага.

Он проводился в малом зале у спускового модуля. В стенах были установлены чаши, куда поступала вода после последней очистки. Каждый омыл руки и лицо. Маэл проверил состав жидкости и добавил нейтрализующий слой, чтобы частицы корабля не попали в открытую среду планеты.

Эсса первой поднесла чашу ко рту. Сделала один глоток и передала Савру. Тот выпил меньше. Маэл только коснулся жидкости губами. Аркан завершил круг.

Вода была холодной, с металлическим привкусом и лёгкой горечью минеральной пыли. Для него этот вкус означал не святость сам по себе, а корабль целиком: глубокие трубы, очистительные мембраны, резервуары, внешние сборщики, лёд, добытый далеко от любой звезды. Всё, что они пили, когда-то находилось за пределами стен и было принято внутрь.

— Вода прошла путь, — сказала Эсса.

— Плоть принимает путь, — ответили остальные.

— Чужой мир не становится нашим от шага.

— Но шаг становится частью памяти.

— Мы входим без потери имени.

— Мы возвращаемся с тем, что увидели.

Савр положил ладони на стену. Голос Ведущего пришёл не хором, а одним тембром — низким, спокойным, почти близким.

— Связь будет удержана.

Аркан почувствовал, как пластины за ушами нагрелись. Внутри головы возник тихий рабочий сигнал. Не слова, а подтверждение присутствия.

— Я слышу, — сказал он.

— Капитан несёт голос.

— Несу.

— Капитан возвращает голос.

— Возвращаю.

— Не позволяй чужому миру закрыть путь между нами.

Фраза относилась к связи. К техническому каналу, который мог быть потерян в плотной атмосфере или заглушён системами Эдема.

Аркан всё же запомнил её дословно.

Двери модуля открылись. Внутри было теснее, чем в эдемской капсуле. Четыре сиденья располагались вдоль стен, между ними находился контейнер с даром. Поверхности были тёмными, знакомыми, испещрёнными следами прежних ремонтов.

Эсса заняла место напротив Аркана. Маэл закрепил медицинский блок. Савр подключил глубинный канал.

Модуль отделился от корабля.

Через внешнюю поверхность вошёл свет планеты.

Даже затемнённый фильтрами, он оказался ярче любого света, который Аркан видел в открытых отсеках. Он не исходил из панели или полосы под потолком. Не имел границы. Заполнял пространство со всех сторон, отражался от облаков и океана, менялся при каждом движении модуля.

Аркан сузил глаза.

Маэл сразу посмотрел на показатели.

— Боль?

— Нет.

— Не терпи ради достоинства.

— Я сказал — нет.

Внизу медленно росла поверхность Эдема. Сначала она казалась гладкой, затем разделилась на леса, воду, светлые постройки и линии дорог. Аркан искал взглядом место, где их будут встречать, хотя ещё не мог различить людей.

Он вспомнил сообщение Лианы.

«Я буду там».

Всего три слова. Без титула. Без формулы пути. Без подтверждения со стороны её разума.

Она приняла решение сама.

Аркан всё ещё не понимал, как мир мог существовать, если его жители так часто действовали без разрешения.

Ему хотелось увидеть это ближе.

Модуль вошёл в нижние слои атмосферы, и первым изменился не свет, а движение.

На корабле воздух перемещался по рассчитанным контурам. Он шёл от решётки к решётке, обходил жилые зоны, проходил через очистку и возвращался с заданной температурой, влажностью и скоростью. Его можно было не замечать, потому что он никогда не касался тела случайно.

Здесь потоки ударяли в корпус с разных сторон.

Модуль едва заметно покачивался, компенсируя порывы. Автоматика успевала выравнивать положение, но в сиденье всё равно ощущались короткие смещения — не аварийные, не опасные, просто лишённые привычной повторяемости. Аркан видел расчёт на внутренней

поверхности: давление внешней среды менялось быстрее, чем система успевала сглаживать цифры для человеческого восприятия.

— Атмосферная турбулентность, — произнёс Маэл, читая те же данные. — Допустимая. Эсса посмотрела на него.

— Модуль неисправен?

— Нет.

Корпус снова чуть повело в сторону.

— Тогда почему он не держит линию?

— Он её держит. Двигается сама среда.

Хранительница памяти перевела взгляд на внешнюю поверхность, за которой облако медленно расплзлось по стеклу, заслоняя всё остальное. Белая масса не была ни дымом, ни паром из технического канала. Она не имела видимого источника и окружала модуль целиком.

Савр сидел неподвижно, но пластины за его ушами часто меняли яркость. Его слуховые контуры продолжали перестраиваться под внешние частоты. Через корпус проходили удары воздушного потока, вибрации двигателей, работа стабилизаторов, шум капель, разбивавшихся о поверхность модуля.

— Здесь слишком много звуков, — сказал он.

Маэл проверил его показатели.

— Фильтры действуют.

— Они уменьшают громкость. Не количество.

На внешней оболочке появилась вода.

Сначала несколько отдельных капель. Они ударились о прозрачный материал, вытянулись назад и исчезли. Затем их стало так много, что поверхность покрылась движущимися дорожками. Капли соединялись, разрывались, снова собирались. Ни одна не двигалась по заранее проложенному каналу.

Эсса наклонилась ближе.

— Она падает из воздуха?

— Да, — ответил Маэл.

— Почему?

Врач на несколько секунд замолчал. Он знал физическую причину, но вопрос хранительницы относился не к ней.

— Потому что здесь вода может находиться над землёй без резервуара.

Эсса коснулась пальцами прозрачной стены. Разумеется, влаги снаружи она не почувствовала.

— Расточительно.

— Она возвращается.

— Куда?

— В почву, водоёмы, воздух. В их системе это один цикл.

— Без труб.

— Большая часть — без труб.

Эсса убрала руку.

Аркан слушал их, продолжая смотреть наружу. Облако становилось тоньше. Через него начали проступать зелёные участки поверхности, но расстояние ещё мешало различить отдельные формы. Он видел цвет, разлитый широкими неровными массивами. На корабле зелёное существовало в ограниченном числе оттенков: тусклый цвет пищевых культур, тёмные пленки водорослевых бассейнов, редкие изображения в архивах и священные образцы, доступные только хранителям. Здесь оттенки не укладывались в простую шкалу. Одни уходили в жёлтый, другие почти в синий, третьи казались чёрными в тени.

Внутренние оптические контуры пытались выровнять изображение. Перед глазами Аркана несколько раз возникали предупреждения о чрезмерной насыщенности и нестабильном спектре. Он отключил коррекцию.

Цвета сразу стали ещё ярче.

— Капитан, — сказал Маэл.

— Что?

— Ты снял защиту зрения.

— Только спектральное выравнивание.

— Верни.

— Я хочу видеть поверхность такой, какая она есть.

— Твои глаза не рассчитаны на такой уровень прямого света.

— Они выдержат.

— Это не ответ.

Аркан не включил коррекцию. Зрачки сузились почти до предела, вокруг глаз возникла тупая боль, но изображение стало яснее. Внизу уже можно было различить деревья. Тысячи деревьев. Их кроны соединялись, разрывались возле воды, поднимались по склонам и окружали здания.

Первое ощущение было простым и неприятным: их слишком много.

На корабле любое живое растение имело место, номер, потребность и допустимый объём. Здесь растительность занимала пространство без видимых ограничителей. Она подступала к воде, закрывала землю, касалась построек, росла на разных уровнях и не оставляла между собой необходимых проходов для обслуживания.

— Они не контролируют рост, — сказал Аркан.

Маэл повернул голову к изображению.

— Контролируют. Просто иначе.

— Откуда ты знаешь?

— Их системы передавали параметры биосферы. Заболеваний растений мало, истощения почвы нет, водный баланс устойчив. Это не бесконтрольность.

— Тогда почему всё расположено так?

— Как?

Аркан не нашёл точного слова.

— Неровно.

Маэл посмотрел вниз ещё раз.

— Возможно, потому что неровность не считается повреждением.

Модуль вышел из облака.

Солнечный свет заполнил кабину сразу, несмотря на фильтры. Он лёг на лица, руки, одежду и старые панели корпуса. На корабле свет всегда существовал для чего-то: обозначал путь, поддерживал цикл бодрствования, позволял работать, предупреждал об опасности. Этот свет ничего не обозначал. Он находился везде и не реагировал на присутствие людей.

Аркан почувствовал тепло на правой стороне лица.

Через несколько секунд внутренний медицинский контур вывел предупреждение:

«Локальное повышение температуры кожи. Источник внешний. Повреждение отсутствует».

Он прочёл сообщение дважды.

Тепло медленно проходило сквозь верхний слой одежды, касалось плеча, ладони, колена. Разница между освещёнными и затенёнными участками тела постоянно менялась при движении модуля. Организм пытался выровнять температуру, расширяя сосуды под кожей. Серебристые линии на запястьях стали ярче.

Маэл просматривал показатели всех четверых одновременно.

— Поверхностный кровоток повышен. У Аркана на двенадцать процентов, у Савра на девять, у Эссы на семь. Потеря жидкости нет. Реакция ожидаемая.

— Я чувствую жжение, — сказала Эсса.

— Это тепло.

— Я знаю слово.

— Тогда зачем называешь жжением?

— Потому что оно неравномерное.

Маэл приблизился к ней, провёл датчиком вдоль лица.

— Кожа не повреждена. Сосуды расширяются. Включить защитный слой?

Эсса посмотрела на залитую светом ладонь.

— Нет.

Савр медленно поднял руку и подставил её солнечному лучу. Пластины в его коже считывали поток излучения, разбивали его на спектр и передавали данные в зрительный контур. Перед ним возникали значения, но он не смотрел на них.

— Оно движется, — сказал он.

— Мы движемся, — ответил Маэл.

— Свет тоже меняется.

— Из-за облаков и угла падения.

— Он не держит силу.

В его голосе слышалось раздражение. На корабле нестабильность света означала неисправность, сбой питания или ошибку цикла. Здесь яркость могла меняться из-за водяного пара, положения модуля, движения листвы далеко внизу. Ни один из этих процессов не требовал ремонта.

Модуль снижался.

Зелёные массивы перестали быть единым пятном. Показались отдельные кроны, ветви, широкие листья, участки травы. Между ними проходили дорожки. На открытой площадке уже ждали люди Эдема.

Аркан нашёл Лиану почти сразу.

Не по одежде и не по обозначению системы. Она стояла ближе остальных к краю посадочной зоны, положив руки вдоль тела. Ветер двигал её волосы. Она время от времени убирала их с лица, но через несколько секунд они снова возвращались.

Ветер.

Аркан смотрел на это простое движение и не мог отвести глаз. На корабле волосы либо стригли коротко, либо закрепляли. Свободные пряди могли попасть в механизм, закрыть датчик или нарушить чистоту рабочей зоны. Здесь воздух касался человека постоянно, и человек не пытался полностью прекратить это касание.

— Капитан, — произнесла Эсса. — Она стоит впереди официальных представителей.

— Возможно, она и есть официальный представитель.

— У неё нет знаков доступа.

— У них нет наших знаков.

— Но порядок расположения должен что-то означать.

— Она встречает нас, как обещала.

Эсса посмотрела на Аркана, потом на Лиану внизу.

— Это не объясняет её положение.

— Объясняет достаточно.

Опоры модуля коснулись площадки. Удар был почти незаметным, но гравитация сразу стала полной.

Аркан ощутил её как дополнительный слой на теле. Плечи потянуло вниз, колени приняли больший вес, позвоночник сжался. Внутренние стабилизаторы мышц активировались

автоматически. Под кожей бёдер и поясницы прошли короткие импульсы, усиливая сокращение волокон.

Маэл поднялся первым, проверил равновесие и выпрямился.

— Не торопитесь. Связки адаптируются.

Эсса встала следом. Поддерживающие ленты в её одежде натянулись. Она сделала шаг и недовольно посмотрела на пол, словно он намеренно удерживал её.

— Мир тяжёлый.

— На восемнадцать процентов тяжелее привычной среды, — сказал Маэл.

— Я говорю не о числе.

Савр поднялся последним. Он слегка покачнулся. Маэл взял его за локоть, но толкователь сразу высвободил руку.

— Я стою.

— Пока да.

Аркан встал без помощи. Дополнительный вес ощущался в каждом суставе, однако его тело было подготовлено лучше. Командную Кровь меняли с учётом работы в разных секторах корабля, включая области с повышенной гравитацией. И всё же походка стала короче, а дыхание — глубже.

Перед внутренним зрением появился новый ряд показателей:

«Частота сердечных сокращений: повышена».

«Кожная температура: растёт».

«Зрачковая реакция: перегрузка отсутствует».

«Уровень стрессовых гормонов: выше нормы».

«Причина: множественная сенсорная новизна».

Последняя формулировка была медицинской и почти бесполезной.

Аркан закрыл уведомления.

Наружная дверь начала открываться.

В кабину вошёл воздух Эдема.

Он не ударил одним запахом. Сначала Аркан почувствовал влажность, затем что-то холодное и свежее, потом десятки отдельных примесей, которые его обонятельные контуры пытались классифицировать одновременно. Вода. Почва. Растительные масла. Цветочная пыльца. Микроорганизмы. Слабый запах камня, нагретого светом. Человеческие тела. Материалы посадочной площадки. Океан, находившийся далеко за лесом.

Система не успевала присваивать значения.

Перед глазами быстро появлялись сообщения:

«Неизвестное летучее соединение».

«Биологическая частица. Уровень угрозы не определён».

«Повторный анализ».

«Совместимость дыхательной среды подтверждена».

«Количество внешних запаховых маркеров превышает рабочий диапазон».

Аркан сделал вдох.

Воздух вошёл глубже, чем корабельный. Не из-за состава — параметры отличались незначительно. Он был прохладнее в начале вдоха и теплее при выдохе. Содержал влагу. Двигался.

Второй вдох вызвал лёгкое головокружение.

Маэл сразу заметил изменение.

— Капитан?

— Я в норме.

— Вестибулярный контур показывает расхождение.

— Оно проходит.

— Причина?

Аркан посмотрел через открывшуюся дверь.

Перед ним не было стены.

Посадочная площадка заканчивалась травой, за ней начинались деревья, а между кронами виднелась вода. Пространство уходило в стороны и вверх без видимой границы. Потолка не существовало. Дальних переборок тоже.

Глаза искали поверхность, на которой можно было бы закрепить расстояние, но не находили. Объекты становились меньше, цвета бледнели, линии сходились, а пространство продолжалось.

Аркан инстинктивно отступил на полшага.

За спиной была стена модуля. Твёрдая, знакомая. Он почувствовал её через одежду и остановился.

— Внешняя среда не ограничена, — сказал Савр.

Его голос стал тише. Он тоже смотрел вверх.

Эсса вышла из сиденья, но у двери замерла.

— Где заканчивается помещение?

Маэл не ответил.

Над ними медленно двигались облака. Их форма менялась прямо на глазах. Ни одна система не удерживала края. Белая масса растягивалась, распадалась, соединялась с другой.

— Это не помещение, — произнёс Аркан.

Он понимал очевидность своих слов и всё же должен был сказать их вслух.

В проём ворвался порыв ветра.

Ткань на его груди прижалась к телу. Холод прошёл по шее, забрался под ворот. Волосы Эссы качнулись, свободные края её одеяния поднялись и ударили по ногам. Савр резко повернул голову, пытаясь определить источник шума.

Рядом с площадкой зашевелились деревья.

Тысячи листьев одновременно повернулись, задели друг друга и создали звук, который не походил ни на работу механизмов, ни на человеческий голос. Он был слишком сложным, чтобы выделить отдельные части, и слишком ровным, чтобы восприниматься как хаос.

Савр зажал уши ладонями.

— Уменьши чувствительность, — приказал Маэл.

— Я уже уменьшил.

— Ещё.

— Тогда я потеряю глубинный канал.

— Ведущий удержит связь.

Савр закрыл глаза. Пластины за ушами погасли почти полностью. Через несколько секунд его плечи опустились.

Эсса смотрела на деревья.

— Они издают звук без обращения.

— Они касаются друг друга, — сказал Маэл.

— Зачем?

— Потому что движется воздух.

— Зачем движется воздух?

Врач медленно выдохнул.

— Здесь всё время что-нибудь движется без отдельного намерения.

Эсса повернулась к нему.

— Это невозможно.

Снаружи раздался короткий резкий звук.

Все четверо одновременно напряглись. Серебристые частицы вышли из кожи Аркана и собрались у пальцев. Маэл поднял диагностический модуль. Эсса шагнула назад, а Савр попытался восстановить полный слуховой диапазон.

Над площадкой пролетело небольшое существо.

Оно двигалось на двух широких крыльях, быстро меняя направление. Сделало круг над деревьями, снова издало крик и исчезло в листве.

Маэл первым опустил руку.

— Местное животное.

Рой у пальцев Аркана продолжал вращаться.

— Оно двигалось к нам.

— Оно прошло над площадкой.

— Без сигнала и разрешённого коридора.

— У него нет доступа к нашим коридорам.

Аркан разжал пальцы. Частицы вернулись под кожу.

Лиана заметила их реакцию. Она не подошла сразу. Осталась на месте и ждала, пока гости сами выйдут из модуля.

Это Аркан тоже отметил.

Люди Эдема не окружали их и не пытались помочь без просьбы. Между делегациями сохранялось свободное пространство. Рядом с Лианой стояли Маркейн, Тесса, Сейн и ещё несколько человек, которых Аркан не видел на корабле. Никто не держал оружия или защитных средств. Даже лица оставались открытыми.

Маэл активировал внешний анализ.

— Дыхательная среда безопасна. Количество пылицы выше расчётного, но фильтры организма справляются. Не касайтесь неизвестных растений. Не употребляйте воду и пищу без проверки. При головокружении, боли, нарушении зрения или дыхания говорите сразу.

— Мы слышали, — сказала Эсса.

— Я повторяю, потому что вы уже называете воздух невозможным.

Аркан сделал шаг наружу.

Подошва коснулась материала площадки. Гравитация потянула тело вниз, солнце нагрело левую сторону лица, ветер прошёл по правой. Два противоположных ощущения существовали одновременно и постоянно менялись.

Он сделал второй шаг.

Тень модуля закончилась.

Свет оказался сильнее, чем внутри. Тепло легло на всё тело сразу. Кожа отреагировала мгновенно: сосуды расширились, мелкие защитные структуры вышли ближе к поверхности, нанорой начал перераспределять тепло. Внутренний контур предложил снизить активность и вернуться в затенённую область.

Аркан отклонил рекомендацию.

Эсса вышла следом. Она держалась прямо, но двигалась медленнее обычного. Савр постоянно поворачивал голову, пытаясь следить за всеми источниками звука. Маэл смотрел не на природу, а на их показатели.

И всё же через несколько шагов даже он остановился.

Недалеко от края площадки росло дерево. Его ствол был шире тела человека, кора покрыта глубокими неровными бороздами. Корни выходили из земли, огибали камни и снова уходили вниз. Над головой расходились десятки ветвей.

Маэл поднял взгляд до самой кроны.

— Оно держит такую массу без внешнего каркаса, — сказал он.

Лиана услышала и ответила с расстояния:

— Ствол и корни и есть каркас.

Перевод пришёл через пластины Аркана. Голос Лианы звучал чище, чем на корабле, потому что теперь между ними не было стен.

Она подошла ближе, но остановилась за несколько шагов.

— Добро пожаловать на Эдем.

Аркан собирался произнести подготовленную формулу. Слова были известны: благодарность за принятый путь, признание воздуха, обозначение мирного входа. Он повторял их перед спуском и мог сказать без помощи Савра.

Но Лиана стояла перед ним в полном солнечном свете, а за ней двигались деревья. Ветер снова перебросил волосы ей на лицо. Она убрала их рукой тем же движением, которое Аркан видел из модуля.

Подготовленная фраза не исчезла. Просто перестала соответствовать происходящему.

— Здесь всё касается тела, — сказал он.

Лиана несколько секунд ждала перевод, затем посмотрела на солнце, ветер и траву вокруг.

— Да, — ответила она. — Поначалу это трудно не замечать.

— Вы привыкаете?

— Почти ко всему.

Аркан опустил взгляд на собственную руку. На коже появлялись мелкие капли влаги. Медицинский контур определил их как усиленное потоотделение и предложил компенсацию жидкости.

— Моё тело считает, что среда неисправна.

Лиана улыбнулась, но не засмеялась.

— Оно просто не знает её.

В его груди снова изменился ритм сердца.

Система немедленно зафиксировала скачок:

«Эмоциональная стимуляция».

«Источник не определён».

«Угроза отсутствует».

Аркан прочёл последнее сообщение и закрыл его.

Он не знал, что именно вызвало реакцию: голос Лианы, её спокойствие, огромный открытый мир за её спиной или собственная способность стоять в нём и не возвращаться к стене.

Ощущение не было спокойным.

Оно мешало дышать ровно, усиливало внимание и одновременно делало часть привычных сигналов неважными. Он чувствовал страх, потому что пространство не имело границы, ветер не подчинялся приказу, свет нагревал кожу без разрешения, а живые существа двигались над головой по неизвестным траекториям.

Но рядом со страхом находилось что-то ещё.

Не облегчение. Не безопасность. Не радость — по крайней мере, ни один из знакомых ему оттенков радости.

Это чувство не просило прекратить воздействие.

Наоборот.

Аркан хотел сделать ещё один шаг.

Аркан сделал ещё один шаг и почувствовал под подошвой другое покрытие.

Край посадочной площадки закончился без порога. Светлый искусственный материал перешёл в узкую полосу плотной земли, а затем в траву. Ничто не отделяло техническую зону от живой поверхности. Не было борта, герметичного шва, предупреждающей разметки. Стебли росли почти вплотную к опоре модуля и качались от воздуха, который тот вытеснял при охлаждении корпуса.

Лиана заметила, куда он смотрит.

— Можно наступать, — сказала она.

Аркан перевёл взгляд на неё.

— Она не будет повреждена?

— Трава?

— Живая поверхность.

Лиана посмотрела себе под ноги, словно впервые задумалась о том, что земля может восприниматься именно так.

— От нескольких шагов — нет. Стебли выпрямятся. Если какое-то место используют постоянно, растения там меняются или уступают дорогу покрытию.

— Сами?

— Иногда сами. Иногда мы помогаем.

Аркан опустил ногу в траву.

Сначала подошва примяла тонкие стебли. Затем почва под ними немного подалась. Не так, как адаптивный пол корабля, который считывал массу и укреплялся под ней. Здесь поверхность не реагировала на него как система. Она просто была мягкой.

Он перенёс вес осторожно. Влага с травы осталась на краях ботинка. Несколько стеблей легли вдоль подошвы, другие прошли по бокам и коснулись одежды у щиколотки.

Внутренний контур отозвался сразу:

«Неидентифицированный механический контакт».

«Множественные биологические поверхности».

«Проникновение отсутствует».

«Защитная реакция не требуется».

Аркан закрыл сообщения, но через секунду появились новые. Сенсоры продолжали фиксировать каждое касание травы как отдельное событие. Их было слишком много. Корабельные системы проектировали для среды, где ничто не касалось тела без причины. Здесь десятки живых стеблей задевали его при одном движении ноги.

Эсса остановилась на границе площадки.

— По этому нужно идти?

— Можно остаться на дорожке, — ответила Лиана. — Она начинается справа.

В нескольких метрах от них через траву проходила светлая полоса, повторявшая изгиб склона. Эсса сразу повернула к ней.

— Значит, есть правильный путь.

— Есть более удобный.

— Это одно и то же.

— Не всегда.

Эсса ничего не ответила, но выбрала дорожку.

Савр последовал за ней. Он двигался осторожно, чуть шире расставляя ноги из-за непривычной тяжести тела. Каждый порыв ветра приносил новые звуки. Пластины за его ушами то загорались, то темнели, отсеивая часть потока. Он уже перестал вздрагивать от шелеста листвы, однако постоянно поворачивал голову к отдельным крикам животных, не успевая определить их положение до того, как звук повторялся с другой стороны.

Маэл остался возле Аркана и присел у края травы. Он не касался растений руками. Диагностический модуль вышел из его запястья тонкой тёмной пластиной и приблизился к одному из стеблей.

— Неизвестные белковые структуры. Внешняя оболочка содержит воду, минеральные соли, пигменты и десятки органических соединений.

— Это трава, — сказала Лиана.

— Ваше слово описывает форму или вид?

— Много видов.

— Тогда оно неточно.

— Оно достаточно точно, чтобы не перечислять состав каждого стебля.

Маэл посмотрел на неё, затем снова на показания.

— Вы часто так делаете?

— Как?

— Объединяете множество разных живых форм одним коротким словом.

— Иначе разговор занимал бы слишком много времени.

— Ошибка тоже может оказаться внутри короткого слова.

— Поэтому у нас есть длинные, когда они нужны.

Маэл убрал модуль.

— Разумно.

От него это прозвучало почти как высокая похвала.

Маркейн пригласил гостей пройти к небольшому открытому павильону у края леса. Там собирались провести первую часть встречи, дать им время привыкнуть к среде и только потом двигаться в город. Павильон находился недалеко, однако путь к нему проходил между деревьями, по склону, где ветер ощущался сильнее.

Аркан пошёл рядом с Лианой. Он не выбирал это положение намеренно. Она развернулась, показывая направление, и он оказался ближе остальных. Через несколько шагов он понял, что подстраивает скорость под её движение. На корабле люди его ранга шли первыми или занимали середину группы. Здесь никто не выстраивал порядок. Маркейн разговаривал с Эссой, Тесса шла возле Савра, Сейн держался рядом с Маэлом. Люди менялись местами без разрешения и не считали это нарушением.

Дорожка немного пружинила под ногами. По краям росли низкие растения с широкими листьями. На некоторых лежали круглые капли воды, хотя дождь закончился до посадки. Солнечный свет проходил через кроны отдельными пятнами и постоянно перемещался по земле.

Аркан ступил из тени в свет. Нагрелась правая сторона тела. Через два шага он снова оказался в тени, и ветер охладил влажную кожу.

Контур терморегуляции не успевали выстроить устойчивый режим. Они увеличивали поверхностный кровоток, затем сокращали, направляли наноструктуры к открытым участкам кожи, потом возвращали их в глубокие слои. На внутреннем зрении мелькали поправки, которые противоречили друг другу.

— Ты всё время закрываешь сообщения, — сказала Лиана.

Аркан посмотрел на неё.

— Ты видишь?

— У тебя меняется цвет линий на шее. И взгляд иногда останавливается не на том, что перед тобой.

Он коснулся серебристого участка под нижней челюстью.

— Тело пытается описать среду.

— И как получается?

— Плохо. Слишком много переменных.

— Можно уменьшить чувствительность?

— Можно. Но тогда я буду получать меньше данных.

— Разве тебе нужны все?

Вопрос оказался странным.

Данные не делились на нужные и ненужные до анализа. Любое изменение могло означать опасность, неисправность, начало болезни или повреждение среды. Отключить часть наблюдения означало добровольно принять неизвестность.

— Если я не замечу изменение, я не смогу на него ответить.

— Здесь всё постоянно меняется. Температура, ветер, свет, запахи. Если отвечать на каждое изменение, ты устанешь ещё до павильона.

— Как вы определяете, на что отвечать?

— Обычно тело делает это само.

— Моё тело тоже делает. Оно считает почти всё отклонением.

Лиана некоторое время шла молча.

— Тогда ему придётся научиться, — сказала она.

— За несколько часов?

— Нет. Но начать можно за несколько часов.

Перед ними с ветки сорвался сухой лист. Он медленно вращался, меняя направление, и лёг на дорожку. Аркан остановился.

Лиана тоже остановилась.

— Что это?

— Лист.

— Он отделился.

— Да.

— Дерево повреждено?

— Нет. Старые листья опадают. На их месте вырастают новые.

Аркан посмотрел вверх. В кроне было невозможно найти место, откуда упал лист. Сотни других двигались на ветру, сталкивались краями, поворачивались к солнцу.

— Оно отбрасывает части собственного тела на землю?

— Лист уже выполнил свою работу.

— Его переработают?

— Да. Грибы, бактерии, насекомые. Со временем он станет частью почвы.

Аркан присел, поднял лист двумя пальцами. Тот был почти невесомым, сухим, покрытым тонкой сетью тёмных линий. По краю проходили небольшие разрывы. Диагностический слой определил отсутствие активного обмена веществ.

— Он мёртв.

— Да.

Лиана произнесла это без ритуального снижения голоса и без жеста признания утраты.

— И вы оставляете его здесь?

— А куда его ещё нести?

— В переработку.

— Он уже в переработке.

Аркан посмотрел на землю. Под травой лежали другие листья, обломки коры, мелкие ветви. Часть была влажной и тёмной, часть почти превратилась в рыхлую массу. Всё находилось вперемешку с почвой.

На корабле мёртвое отделяли от живого немедленно. Любая органическая масса должна была пройти учёт, обеззараживание и возвращение в общий цикл. Здесь переработка шла прямо под ногами, без контейнеров, разрешений и наблюдения за каждой частицей.

Он положил лист обратно.

— У вас смерть не выводится из жилой среды.

Лиана чуть нахмурилась.

— Я никогда об этом так не думала.

— Она везде.

— Жизнь тоже.

Эти слова не были похожи на ответ. Скорее, на уточнение, которое не отменяло его наблюдения.

Аркан пошёл дальше.

Через несколько метров дорожку пересекал неглубокий водный канал. Над ним не было моста; широкие плоские камни выступали из воды, образуя переход. Поток двигался между ними, местами вспениваясь у краёв.

Эсса уже стояла перед первым камнем.

— Почему вода выведена на путь?

— Путь проходит через воду, — ответил Маркейн.

— Это затрудняет движение.

— Можно обойти с другой стороны.

— Тогда зачем здесь переход?

Маркейн посмотрел на камни.

— Потому что некоторым нравится идти так.

Эсса перевела взгляд на него, явно ожидая продолжения.

— Нравится?

— Да.

— Это достаточная причина для устройства пути?

— В данном случае — да.

Хранительница памяти долго смотрела на камни, потом выбрала обходную дорожку. Савр последовал за ней без колебаний. Маэл задержался, оценивая поток. Аркан ступил на первый камень.

Поверхность оказалась тёплой от солнца и влажной у края. Подошва чуть скользнула, но стабилизаторы тела сразу скорректировали положение. На втором камне он остановился. Вода проходила в нескольких сантиметрах под ногами.

Она была прозрачной.

Не очищенной до отсутствия цвета, как в корабельных контурах. В потоке двигались мелкие частицы, пузырьки воздуха и тонкие нити растений. На дне лежали камни разных форм. Между ними мелькнуло маленькое живое существо и исчезло в тени.

Аркан наклонился.

— Вода не закрыта от загрязнения.

Маэл подошёл сзади.

— Это и есть среда. Для неё частицы не обязательно загрязнение.

Он запустил внешний датчик. Тот коснулся поверхности и сразу передал состав.

— Минеральные соли. Органические остатки. Микроорганизмы. Следы метаболизма животных.

— Вы пьёте её? — спросил Аркан у Лианы.

— После проверки можно. Но обычно воду для питья берут из подготовленных источников.

— Значит, эта непригодна.

— Для питья прямо сейчас — возможно. Для растений, животных и самого канала она вполне пригодна.

Аркан смотрел на движение потока. Вода не шла по замкнутой прозрачной трубе и не возвращалась через знакомую систему фильтров. Она появлялась из-за деревьев и уходила дальше, скрываясь за склоном.

— Куда она течёт?

— В нижний бассейн. Потом в реку. Дальше — в океан.

— И обратно?

— Испаряется, становится облаками, выпадает дождём, проходит через почву.

— Без центрального насоса.

— Без единственного.

Он перевёл взгляд на небо. Несколько облаков двигались над лесом, меняя форму. Та же вода могла находиться там, затем упасть на землю, войти в корни дерева, оказаться внутри плода или вернуться в океан. Система была огромной и не имела видимого управляющего центра.

Это напоминало корабль, только не подчинялось Ведущему.

Мысль возникла сама. Аркан не стал произносить её.

Он сошёл на другой берег. В этот момент один из камней под ногой качнулся. Совсем немного, но тело отреагировало быстрее сознания. Пальцы выбросили рой. Серебристое облако собралось вокруг кисти и вытянулось к ближайшей опоре.

Лиана стояла ближе остальных.

Рой остановился между ними.

Она не отступила, но её взгляд сразу изменился. Стал внимательнее. Не испуганным — оценивающим. Аркан сжал пальцы, и частицы вернулись к коже.

— Я потерял равновесие, — сказал он.

— Я поняла.

— Рой не должен был приблизиться к тебе.

— Он не коснулся.

Маэл уже просматривал запись реакции.

— Автоматическая защита сработала на нестабильную опору. Капитан не направлял её осознанно.

— Я видел, — сказал Сейн.

Оба врача посмотрели друг на друга. В их голосах не было спора, но каждый проверял, насколько другой понимает произошедшее.

— Может ли он выйти снова без решения капитана? — спросил Сейн.

— При угрозе падения, резком движении в зоне тела или повреждении связи, — ответил Маэл. — Контур ограничен.

— Что он делает при контакте?

— Стабилизирует, закрывает, отталкивает. В зависимости от материала и скорости.

— Повреждает живую ткань?

Маэл чуть задержался.

— Может.

Лиана посмотрела на руку Аркана.

— Но сейчас не повредил.

— Нет, — ответил он.

— Тогда идём дальше.

Она сказала это раньше, чем Маркейн успел решить, следует ли менять порядок движения. Лиана просто развернулась и продолжила путь.

Аркан последовал за ней. Он чувствовал остаточное движение наночастиц под кожей. Контур защиты оставался активнее обычного, реагируя на ветер, траву, насекомых и людей, которые проходили ближе установленной дистанции.

Он снизил порог вручную.

Система запросила подтверждение:

«Уменьшение защитной реакции повышает риск внешнего контакта».

Аркан подтвердил.

Рой успокоился.

Павильон стоял на небольшом подъёме. Его крыша была сформирована из светлого материала и живых ветвей, переплетённых над открытым пространством. Стены отсутствовали. Несколько широких опор поддерживали конструкцию, но между ними свободно проходили воздух, свет и звуки леса.

Эсса остановилась у входа.

— Здесь будут переговоры?

— Первая часть, — сказал Маркейн.

— Помещение не закрывается.

— Может закрыться при необходимости.

— Сейчас необходимость есть.

— Какая?

Эсса посмотрела на лес.

— Внешняя среда продолжает воздействовать.

Маркейн не стал спорить. Он коснулся одной из опор. По краю крыши начали медленно опускаться прозрачные панели.

Аркан почувствовал, как внутри него возникает протест.

Панели ещё не дошли до пола, но ветер уже ослаб. Звуки стали тише. Свет выровнялся. Пространство снова получало границы, становилось понятным и пригодным для работы.

Он должен был почувствовать облегчение.

Вместо этого возникло ощущение потери.

— Оставьте одну сторону открытой, — сказал он.

Эсса повернулась.

— Капитан?

— Среда признана безопасной.

— Врач ещё не завершил наблюдение.

Маэл посмотрел на свои данные.

— Прямой угрозы нет. Сенсорная нагрузка высокая, но показатели стабилизируются.

Аркан указал на сторону павильона, выходящую к воде.

— Оставьте её.

Маркейн остановил панели. Три стороны закрылись, четвёртая осталась открытой. Через неё продолжал входить ветер. Он был слабее, но всё ещё двигал воздух внутри.

Эсса заняла место дальше от проёма.

На низком столе уже стояли прозрачные сосуды с водой и небольшие блюда с едой. Маэл подошёл первым, не позволяя остальным ничего трогать. Его датчики начали анализ состава. Сейн присоединился к нему и открыл полные данные по каждому продукту.

— Всё выращено здесь? — спросил Маэл.

— В основном в этом регионе, — ответила Лиана. — Мы выбрали простые продукты без сильных раздражителей.

На одном блюде лежали небольшие круглые плоды с тонкой жёлто-зелёной кожицей. На другом — мягкие белые ломтики и тёмные семена. От еды исходили запахи, которые внутренние системы гостей снова не успевали классифицировать.

Савр сел и закрыл глаза.

— Запахи мешают отделять голоса.

— Через несколько минут рецепторы снизят чувствительность, — сказал Маэл.

— Они уже снижают, потом появляется новый запах.

Лиана взяла один плод.

— Этот почти нейтральный.

Она разломила его пальцами. Кожица тихо треснула, внутри появилась светлая влажная мякоть. По руке потёк сок.

Аркан следил за движением жидкости.

— Ты открыла его без инструмента.

— Он мягкий.

— Теперь он повреждён.

— Теперь его можно есть.

Она откусила половину и протянула вторую Аркану.

Маэл сразу вмешался:

— Сначала анализ.

— Конечно.

Лиана положила половину на отдельную поверхность. Маэл взял образец, проверил состав, сравнил с данными Эдема и показателями организма Аркана.

— Токсины отсутствуют. Белки незнакомы, но неактивны. Сахара усваиваемы. Кислотность допустимая. Начать с малого количества.

Аркан взял плод.

Поверхность была влажной и прохладной. Под пальцами мякоть немного смялась. Наносенсоры оценивали состав через кожу, но не могли передать вкус.

Он поднёс кусок ко рту.

Первое ощущение оказалось слишком сильным.

Кислота вызвала резкое выделение слюны. За ней пришла сладость, потом запах, который внутри плода был плотнее, чем снаружи. Мякоть разделилась под зубами на мягкие волокна. В ней находились мелкие твёрдые частицы, и организм на мгновение распознал их как постороннее включение.

Аркан перестал жевать.

— Что?

— Семена, — сказала Лиана. — Их можно проглотить.

— Внутри еды находятся будущие растения?

— Да.

Он снова посмотрел на плод.

— Вы уничтожаете их при употреблении.

— Не все семена прорастают. Некоторые растения распространяются именно так: животное съедает плод, а семена оказываются в другом месте.

Аркан медленно прожевал и проглотил.

Внутренний контур начал разбирать пищу ещё до того, как она достигла желудка:

«Новый источник углеводов».

«Повышенная кислотность».

«Ферментативная адаптация активирована».

«Реакция вознаграждения выше базовой».

Последнее сообщение он прочёл несколько раз.

— Тебе нравится? — спросила Лиана.

— Система сообщает о повышенной реакции вознаграждения.

— Я спросила не систему.

Аркан посмотрел на оставшуюся часть плода в своей руке.

— Да.

Лиана улыбнулась.

На этот раз изменение сердечного ритма было сильнее. Импланты зафиксировали выброс нескольких нейромедиаторов, повышение температуры лица и краткое нарушение равномерности дыхания.

Маэл поднял голову от анализатора.

— Капитан, показатели?

— Нормальные.

— Они изменились.

— Я ем неизвестный плод в неизвестной среде. Изменения ожидаемы.

Маэл задержал взгляд на нём, затем на Лиане. Ничего не сказал и вернулся к работе.

Аркан съел вторую половину.

За открытой стороной павильона ветер прошёл по траве. Сначала склонился один участок, затем движение побежало дальше, к воде, как широкая волна. Солнечный свет отражался от канала и дрожал на нижней поверхности крыши.

Аркан смотрел на это, чувствуя вкус плода, тепло кожи, тяжесть собственного тела и движение воздуха.

Данные продолжали поступать.

Но впервые с момента посадки он не пытался прочитать каждое сообщение.

Глава 9

После первого плода Аркан попробовал ещё два, но уже медленнее. Маэл разрешал брать только те продукты, состав которых успевал проверить. Перед каждым кусочком врач касался поверхности тонким сенсором, ждал, пока внутренний анализатор разложит мякоть на химические группы, и только потом коротко кивал. Его осторожность несколько раз заставила людей Эдема переглянуться, однако никто не торопил гостей и не предлагал им «расслабиться». На стол добавляли новые блюда, оставляя рядом точные сведения о составе, месте выращивания и способе приготовления.

В прозрачной чаше лежали тёмные ягоды, покрытые матовым налётом. Рядом стояла мягкая масса из перемолотых семян, тонкие ломтики корнеплода и небольшие куски хлеба, который корабельцы сначала приняли за пористый изоляционный материал. Когда Лиана разломила его, изнутри вышел тёплый пар с запахом зерна и кислой закваски.

Савр поднял голову. Его слуховые пластины уже научились частично отделять человеческие голоса от леса, зато обоняние не имело таких фильтров.

— Оно продолжает изменяться после приготовления, — сказал он.

— Хлеб? — спросила Лиана.

— Запах становится другим по мере остывания.

— Да. Влага уходит, поверхность подсыхает.

Савр осторожно коснулся корки.

— Вы едите материал в процессе распада?

— Почти вся приготовленная пища продолжает меняться, — ответил Сейн. — Температура выравнивается, соединения вступают в реакции, микроорганизмы могут продолжать работу. Мы просто знаем, в каких пределах это безопасно.

— Вы допускаете живые организмы в пищевую массу, — сказала Эсса.

Лиана посмотрела на тёмную заквасочную мякоть, которую приготовили к следующей выпечке.

— Иногда специально.

Эсса отодвинула от себя хлеб.

— На корабле микроорганизм за пределами назначенного контура считается загрязнением.

— Здесь всё живое содержит микроорганизмы, — сказал Сейн. — Включая вас.

Перевод достиг Эссы. Она резко перевела взгляд на Маэла.

— Он говорит о внутренних сообществах, — объяснил врач. — Пищеварение, кожа, дыхательные полости. У нас тоже есть симбиотические формы.

— Они учтены.

— Это не делает их менее живыми.

Эсса не стала спорить, но хлеб не попробовала. Савр после долгого анализа взял маленький кусок. Разжевал, прислушиваясь не к вкусу, а к звукам собственного рта, и спросил:

— Почему поверхность сопротивляется сильнее внутренней части?

Лиана объяснила про жар, влагу и образование корки. Савр попросил повторить последнюю фразу, затем передал её Ведущему по глубинному каналу. Его глаза на несколько секунд потеряли фокус. Пластины за ушами загорелись слабым светом и снова погасли.

Аркан заметил, что Маркейн наблюдает за ним.

— Ваш толкователь сообщает кораблю всё, что видит? — спросил тот.

— Не всё. Значимое.

— Кто решает, что значимо?

— Он, Ведущий или я.

— В каком порядке?

Аркан посмотрел на Савра. Тот продолжал изучать хлеб, будто разговор его не касался.

— Если Ведущий задаёт вопрос, Савр отвечает. Если капитан требует наблюдение, Савр передаёт. Остальное он выбирает сам.

— Значит, у него есть собственная оценка.

— Разумеется.

Маркейн кивнул, но ничего больше не спросил. Аркан уже начинал различать этот способ беседы. Люди Эдема редко спорили с ответом сразу. Они оставляли его, переходили к следующему вопросу и позднее возвращались с другой стороны. На корабле такой разговор сочли бы обходным. Здесь он был обычным.

Пока гости ели, Эсса положила на стол пластину памяти. Прозрачная оболочка поймала солнечный свет, и скрытые внутри линии стали видны. Они расходились от маленькой центральной точки, изгибались, пересекались и снова уходили в глубину материала.

— Память последнего пути, — произнесла она. — Дар мира, завершившего движение, миру, который его принял.

Тесса наклонилась ближе, не касаясь пластины.

— Что в ней записано?

— Наблюдения внешних систем. Положения звёзд. Места принятия вещества. Повороты курса. Часть увиденных миров.

— Почему только часть?

— Память раскрывается кругами.

— Это правило для всех знаний?

— Для тех, которые передаются чужому.

Тесса не стала уточнять, кто определяет размер круга. Она вызвала небольшой приёмный модуль и положила его рядом с подарком. Сканирование началось без контакта. Пластина ответила тонкими вспышками, но не попыталась установить соединение сама.

— Наш разум сможет прочесть её? — спросил Маркейн.

— Если он достаточно гибок, — сказала Эсса.

— Он слышит вас, — спокойно сообщил планетарный ИИ через павильон.

Хранительница посмотрела на ближайшую опору, откуда шёл голос.

— Ты всегда присутствуешь в местах встречи?

— Когда люди приглашают меня участвовать.

— Они могут запретить тебе слышать?

— Да.

— И ты прекращаешь?

— В личных пространствах и разговорах — да.

Эсса взглянула на Аркана. В её лице ничего не изменилось, но он знал этот взгляд. Она услышала ещё одно подтверждение того, что разум Эдема существует рядом с людьми, а не над ними.

— Пластина изолирована от общей сети, — продолжил планетарный ИИ. — Я считываю только внешний слой. Обнаружен массив пространственных данных и несколько систем обозначений. Для полного перевода потребуется помощь вашего толкователя.

Савр положил недоеденный хлеб.

— Я помогу.

— Благодарю.

Он снова повернул голову к опоре. Для корабельца разговор со стеной не был необычным, однако здесь стена не отвечала светом, теплом или движением материала. Голос возникал из небольшого звукового слоя, и Савр каждый раз смотрел чуть выше источника, будто ожидал увидеть за ним лицо.

Лиана принесла ответный дар. Это был невысокий прозрачный сосуд, заполненный тёмной землёй. Из неё поднимался тонкий зелёный стебель с двумя листьями. Рядом в отдельной ячейке лежало несколько семян.

Маэл сразу отодвинул свою чашу.

— Это живая форма?

— Молодое дерево, — сказала Лиана. — Местный вид. Оно небольшое сейчас, но через много лет вырастет выше павильона.

Савр перестал двигаться. Эсса выпрямилась. Аркан почувствовал, как под кожей запястий проснулся рой, отреагировав на изменение его пульса.

Лиана этого не заметила. Она поставила сосуд в центре стола.

— Мы не знали, что будет уместно. Вы говорили, что ваш путь завершился здесь. Мне показалось правильным подарить то, что сможет расти в новом месте.

Эсса смотрела не на растение, а на семена.

— Они способны пробудиться?

— Да. При подходящей почве, воде и температуре.

— И вы передаёте их нам?

— Это подарок.

— Без договора об использовании?

— Вы можете посадить их, сохранить, изучить. Решение ваше.

Эсса медленно подняла глаза.

— Вы отдаёте будущие тела без установленной функции.

Лиана села напротив неё.

— Это семена. У них нет назначенной функции, кроме той, которую выполняет само растение.

— Питание?

— Этот вид почти не используют в пищу.

— Материал?

— Древесину можно применять, но обычно его выращивают ради тени, корней и среды для других организмов.

— Значит, оно занимает воду, почву и свет, не возвращая равный объём ресурса.

— Возвращает. Только не в одной форме. Удерживает склон, даёт убежище животным, охлаждает воздух, перерабатывает углерод, кормит грибы и насекомых.

— Тогда функция существует.

— Можно назвать это функциями, — согласилась Лиана. — Но дерево не знает, что мы их так называем.

Аркан не сводил глаз с ростка. Два листа были тонкими, почти полупрозрачными по краям. Один слегка поворачивался от ветра. Корни скрывались в земле, но через прозрачную стенку сосуда проступала белая нить.

Он видел изображения деревьев. Знал их строение, этапы развития, химический обмен и роль в планетарных экосистемах. На корабле хранились образцы, о которых говорили только в установленные дни. Их нельзя было расходовать до завершения пути. Нельзя было извлекать без разрешения Ведущего и полного круга хранителей.

Лиана принесла живое дерево на обычный стол и отдала его людям, которых знала меньше суток.

— Сколько таких семян у вас? — спросил он.

— Конкретно этого вида? Миллиарды. В лесах, хранилищах, почве. Точное число никто не считает.

Эсса тихо произнесла несколько слов на корабельном языке. Переводчик не передал их автоматически. Савр посмотрел на неё, но промолчал.

Аркан коснулся прозрачной стенки сосуда. Материал оказался прохладным.

— На корабле для него нужно подготовить отдельную среду.

— Мы передадим параметры, — сказала Лиана. — Но сначала можете оставить его здесь.

Оно не требует немедленного решения.

— Оно продолжит расти.

— Да.

— Даже если решение не принято.

— Да.

В этом и заключалась главная трудность. Жизнь не ждала завершения обсуждения. Она расходовала воду, меняла форму, старела и продолжалась независимо от того, успел ли кто-то определить ей место.

Эсса хотела отказаться. Аркан видел это по её рукам, сложенным слишком ровно. Принять семена на корабль означало провести их через очистку, определить уровень допуска, решить, к какому хранилищу они относятся и кто несёт ответственность за их возможную утрату. Отказаться значило отвергнуть первый дар мира, ради которого завершался весь путь.

— Мы принимаем, — сказал Аркан.

Эсса посмотрела на него.

— Капитан должен обсудить порядок хранения.

— Обсудим после принятия.

— Живая форма уже расходует собственный запас.

— Значит, времени для обсуждения меньше.

Маэл прикрыл рот рукой. Аркан не понял, кашлянул он или скрыл улыбку.

Лиана подвинула сосуд ближе к капитану.

— Я покажу, как за ним ухаживать.

— Ты придёшь на корабль?

— Если пригласите.

Аркан собирался ответить сразу, но глубинный канал подал сигнал. Не голос — короткое изменение давления за пластинами ушей. Ведущий слышал разговор через Савра и требовал выдержать порядок.

— Приглашение должно пройти через круг, — сказал Аркан.

— Тогда покажу здесь, пока круг решает.

Она произнесла это без насмешки. Аркан всё равно уловил лёгкое движение в её голосе. Ему понравилось, что Лиана уже понимает, сколько решений на корабле требуют круга, и не злится на это.

После обмена дарами Маркейн предложил показать гостям ближайшую часть поселения. План не предполагал долгой прогулки: исследовательские мастерские, жилой сектор, открытая кухня и водный узел. Эсса сразу спросила, можно ли закрыть маршрут от случайных жителей.

— Можно, — ответил Маркейн. — Но мы не планировали.

— Почему?

— Это обычные общественные пространства.

— Там могут находиться люди, не допущенные к встрече.

— На Эдеме нет отдельного допуска к тому, чтобы увидеть гостей. Мы сообщили жителям, что не следует приближаться без согласия.

— И они подчинятся?

— Большинство — да.

— Большинство недостаточно.

Маркейн не стал спорить о достаточности. Он попросил планетарный ИИ построить маршрут с меньшим числом людей. Система предложила дорожку вдоль водного канала и через учебный сад. Эсса согласилась после того, как узнала, что там нет крупных собраний.

Растение оставили в павильоне под наблюдением двух изолированных модулей. Перед уходом Аркан ещё раз посмотрел на него. Росток уже немного изменил положение листьев, повернув их к открытому краю крыши.

Дорожка к городу шла вниз. На корабле движение по наклонным поверхностям требовало особого внимания, но здесь рельеф менялся постоянно. Подъёмы и спуски были небольшими, однако непривычная гравитация быстро нагружала мышцы. Маэл отслеживал состояние делегации и каждые несколько минут просил Эссу замедлиться. Она не отвечала, но скорость снижала.

По обеим сторонам росли растения. Теперь Аркан различал не единый зелёный массив, а отдельные формы: широкие листья у земли, тонкие стебли с маленькими цветами, кусты, деревья с гладкой и грубой корой. Каждое занимало свой слой, но границы между ними постоянно нарушались. Ветви входили в пространство соседей. Корни поднимали края дорожки. Трава пробивалась между камнями.

— Кто решает, что здесь должно расти? — спросил Аркан.

— Для этого участка мы задали общие пределы, — ответила Лиана. — Состав почвы, доступную воду, несколько основных видов. Дальше среда менялась сама. Иногда мы убираем то, что мешает проходу или вытесняет остальные растения.

— Планетарный разум следит за каждым участком?

— Следит за общими показателями. Он не выбирает место для каждого стебля.

— Почему?

— Это не нужно.

Аркан посмотрел на небольшой цветок, выросший у края покрытия. Если бы система не следила за ним, никто не знал точного времени его появления, объёма использованной воды и количества семян, которые он произведёт.

— Как вы понимаете, что ресурс не потерян?

— Если вода остаётся в цикле, растение становится пищей или почвой, а система сохраняет устойчивость, ресурс не потерян. Он просто перешёл в другое место.

— Вы не знаете куда.

— Иногда знаем. Иногда достаточно знать общий баланс.

Ведущий задал вопрос через глубинный канал.

Аркан повторил его:

— Что происходит, если общий баланс нарушается?

— Сначала ищем причину, — ответила Лиана. — Потом меняем то, что вызвало нарушение. Не обязательно сам участок. Иногда проблема начинается далеко от места, где её заметили.

— Кто несёт ответственность?

— Те, кто работал с системой. Иногда никто конкретно, если причина возникла из сочетания процессов.

— Тогда кого наказывают?

Лиана повернулась к нему.

— Зачем обязательно кого-то наказывать?

— Чтобы ошибка не повторилась.

— Для этого нужно исправить способ работы, а не причинить боль человеку.

Аркан некоторое время молчал.

— А если человек знал, что делает?

— Тогда выясняют, почему он решил так поступить и можно ли ему дальше доверять эту работу.

— Без наказания?

— Иногда применяют ограничения. Но цель — не возмездие.

Эсса шла впереди и слышала перевод. Она обернулась.

— Если человек намеренно повреждает общий ресурс и не получает равного ущерба, чем удерживаются остальные?

— Большинство не хочет повреждать то, чем пользуются все, — сказал Маркейн.

— Желание меняется.

— Поэтому есть правила, наблюдение и возможность остановить действие.

— И всё же человек сохраняет тело, пищу и место?

— Да.

Эсса посмотрела на окружающий город.

— Значит, ресурс здесь настолько велик, что вы можете позволить себе ошибки.

Маркейн ответил не сразу.

— Ресурса много. Но дело не только в этом. Мы пробовали строить общества на страхе потери. Они тратили больше, чем сохраняли.

Эсса не спросила, когда и где они пробовали. Она запомнила ответ для круга.

Учебный сад занимал широкую площадку между деревьями. Дети работали небольшими группами. Одни собирали конструкцию из гибкого материала, другие измеряли воду в открытом канале, третьи сидели возле стола с растениями и рассматривали их через оптические слои.

Когда корабельцы появились на дорожке, разговоры стихли не сразу. Сначала их заметила девочка, сидевшая ближе остальных. Она подняла голову, толкнула локтем соседа, и внимание распространилось по группе.

Дети не разбежались.

Они просто смотрели.

Один мальчик лет восьми подошёл к наставнице и что-то спросил. Та ответила тихо. Мальчик подумал и направился к гостям.

Эсса остановилась. Савр изменил положение слуховых фильтров. Маэл вывел диагностический слой, хотя ребёнок не держал ничего опасного.

Мальчик подошёл к Лиане.

— Можно поговорить?

— Спроси у них, — сказала она.

Он посмотрел на Аркана. В его взгляде было любопытство, но не почтение и не осторожность, к которой капитан привык на корабле.

— Вы правда живёте внутри того объекта?

Перевод прозвучал через пластины.

— Да, — ответил Аркан.

— Там есть дети?

— Да.

— Они тоже учатся?

— Каждый ребёнок учится функции своей линии и общему знанию корабля.

— А если ему не нравится функция линии?

Аркан не сразу понял вопрос.

— Функция передаётся телом и воспитанием.

— Но нравиться может другое.

Наставница сделала шаг ближе, готовая остановить разговор, если гости сочтут его недопустимым. Лиана смотрела на Аркана, но не вмешивалась.

— Иногда человек имеет способности к соседней службе, — сказал он. — Тогда круг может изменить его путь.

— А просто потому, что хочется?

— Желание должно иметь основание.

— А почему?

Это слово дети Эдема использовали особенно легко. В нём не было вызова. Мальчик действительно не понимал.

Аркан хотел объяснить, что функция человека связана с выживанием всех остальных. Что корабль не может расходовать годы на обучение того, кто затем решит заняться другим. Что тело, изменённое для работы в глубинном контуре, не должно быть потеряно для службы, которую может выполнять любой.

Но перед ним стоял ребёнок, который не знал дефицита воздуха, аварийного пайка и отсеков, где одна ошибка убивала сотни людей. Полный ответ потребовал бы слишком многого.

— Потому что от работы одного зависит жизнь других, — сказал Аркан.

Мальчик кивнул.

— У нас тоже. Но можно научить другого.

Он посмотрел на серебристые линии у Аркана на руках.

— Это больно?

— Нет.

— Можно потрогать?

Маэл сразу произнёс:

— Нет.

Ребёнок не расстроился.

— Хорошо.

Он повернулся и побежал обратно к группе. Через несколько шагов остановился, сорвал с края дорожки маленький жёлтый цветок и вернулся.

— Это можно взять. Он не опасный.

Маэл уже собирался проверить растение, но мальчик протянул его не врачу, а Аркану.

Капитан посмотрел на Лиану.

— Он что-то просит взамен?

— Нет.

— Зачем он отдаёт?

— Потому что захотел.

Ответ снова не объяснял механизм.

Аркан осторожно взял цветок. Стебель был тонким и немного влажным. Жёлтые лепестки раскрывались вокруг тёмной середины. Внутренний контур определил пыльцу, растительные масла и несколько неопасных микроорганизмов.

Мальчик улыбнулся и ушёл.

Аркан держал цветок между пальцами.

— Он отделил живую часть без разрешения.

— Здесь такие растения быстро восстанавливаются, — сказала Лиана. — Цветок уже выполнил большую часть своей работы.

— Как лист.

— Не совсем. Но похоже.

— Он умрёт.

— Да.

— И это подарок.

— Да.

Аркан посмотрел вслед ребёнку. Тот уже вернулся к своей группе и, вероятно, не думал о цветке.

На корабле дар обычно сохраняли. Он подтверждал договор, долг, линию памяти. Этот подарок нельзя было сохранить надолго. Его ценность исчезала вместе с телом растения.

— Что с ним делают потом?

— Можно положить в воду. Так он простоит дольше. Можно высушить. Можно оставить на земле.

— А правильно?

— Как тебе хочется.

Внутренний контур не предложил решения.

Аркан закрепил цветок в металлическом круге на груди. Стебель прошёл между знаком капитана и тканью. Жёлтые лепестки резко выделялись на тёмной одежде.

Эсса увидела это и на мгновение прикрыла глаза.

— Капитан носит неучтённую органику на знаке Первого.

— Временно, — ответил Аркан.

— Цветок заражён внешней пылью.

— Маэл признал его безопасным.

— Я признал допустимым краткий контакт, — уточнил врач.

Аркан посмотрел на него.

— Сколько он сохранится?

Маэл изучил растение.

— Без воды — несколько часов.

— Этого достаточно.

Эсса не согласилась, но спорить перед людьми Эдема не стала.

Они продолжили путь. Через некоторое время здания стали выше, людей вокруг — больше. Никто не останавливал делегацию. Жители смотрели, обменивались короткими фразами, некоторые поднимали руки тем же жестом, который Лиана использовала на корабле.

Теперь Аркан знал его значение.

Он отвечал не каждому. Только тем, чей взгляд встречался с его.

Ведущий не запрещал. Он наблюдал через Савра, собирал сведения о городе, ресурсах и поведении людей. В глубинном канале время от времени появлялись короткие вопросы, которые Аркан передавал Маркейну или Лиане.

Как распределяется пища?

Кто получает больше?

Кому принадлежит жильё?

Что происходит с теми, кто не работает?

Ответы звучали слишком просто.

Пища доступна всем.

Больше получает тот, кому больше нужно.

Жильё закреплено за человеком или семьёй, но не может быть продано ради власти над другим.

Не работающий человек продолжает получать всё необходимое. Ему предлагают лечение, обучение или другое занятие, если причина в состоянии здоровья или утрате интереса.

— А если он здоров и не желает ничего делать? — спросил Аркан.

— Тогда живёт так, — сказал Маркейн. — Обычно людям становится скучно.

— Скука заменяет принуждение?

— Иногда лучше любого наказания.

— И остальные кормят его?

— Системы производят достаточно. Его бездействие не лишает другого еды.

Ведущий долго не задавал следующего вопроса.

К концу прогулки усталость стала заметна даже Аркану. Непривычная гравитация тянула мышцы, солнечное тепло требовало воды, а количество звуков и запахов больше не вызывало резких предупреждений, но продолжало нагружать органы восприятия. Эсса почти не гово-

рила. Савр снизил чувствительность пластин до половины. Маэл предложил завершить маршрут раньше.

Их привели к зданию, где корабельцы должны были отдохнуть перед вечерней встречей. Помещение имело стены, закрывающиеся проёмы и отдельную систему воздуха. Эсса вошла первой и сразу попросила перекрыть прозрачную поверхность, выходящую в сад.

Аркан остановился у неё.

За стеклом росли деревья. Между ветвями проходил солнечный свет. Ветер был не слышен через стену, но листья продолжали двигаться.

— Оставьте часть открытой, — сказал он.

— Мы уже достаточно испытали средю.

— Ты можешь закрыть свой отсек.

— Капитан должен восстанавливать тело.

— Я восстанавливаю.

Эсса посмотрела на цветок у него на груди. Лепестки уже немного опустились.

— Ты принимаешь слишком многое без толкования.

— Я наблюдаю.

— Наблюдение не требует носить чужую смерть на знаке крови.

Аркан коснулся цветка.

— Ребёнок не считал это смертью.

— Ребёнок ничего не знает о значении знака.

— Я знаю.

Эсса ушла в свой отсек.

Лиана осталась у входа. Она слышала перевод разговора, но сделала вид, что занималась настройкой внутренней среды.

— Она сердится? — спросила она, когда дверь за хранильницей закрылась.

— Она сохраняет порядок.

— Это не ответ.

Аркан вспомнил их первый разговор.

— Это единственный честный ответ.

Лиана улыбнулась, узнав собственную формулировку.

— Тебе нужна вода для цветка.

Она принесла узкий прозрачный сосуд. Аркан снял растение со знака и опустил стебель внутрь. Цветок держался неровно, поэтому Лиана поправила его пальцами.

Их руки оказались рядом.

Она коснулась серебристой линии на его запястье прежде, чем успела остановиться.

Контакт длился меньше секунды.

Кожа Лианы была тёплой. Не от солнца — они уже находились в прохладном помещении. Подушечка её пальца прошла по поверхности импланта, и внутренний контур мгновенно зафиксировал давление, температуру и биологический материал.

Рой не вышел.

Аркан смотрел на место прикосновения.

Лиана убрала руку.

— Прости. Я не спросила.

— Почему рой не сработал?

— Не знаю.

— Я не тебя спрашивал.

Он обратился к внутренней системе. Ответ появился перед глазами:

«Угрожающее движение не обнаружено».

«Контакт классифицирован как безопасный».

Аркан закрыл сообщение.

— Тело решило раньше меня, — сказал он.

Лиана посмотрела на него внимательнее.

— И что оно решило?

— Что ты не угрожаешь.

— Полезное начало.

Она отошла к двери.

— Отдыхай. Вечером покажем вам город с верхнего уровня. Там меньше людей и видно океан.

— Ты будешь?

— Да.

— Хорошо.

Лиана ушла.

Аркан остался возле прозрачной стены. В одной руке он держал сосуд с цветком. Другой коснулся серебристой линии там, где до неё дотронулись чужие пальцы.

Показатели организма уже вернулись к обычным значениям.

Память о прикосновении — нет.

Глава 10

К вечеру свет изменился.

Днём он заливал город сверху, выбеливал открытые поверхности и дробился в листве на тысячи подвижных пятен. Теперь солнце опустилось ближе к океану. Тени вытянулись, воздух стал прохладнее, а зелёные склоны приобрели тёплый медный оттенок. Гости с корабля ощутили перемену раньше, чем поняли её причину. Температура снизилась всего на несколько градусов, но организм Аркана, весь день пытавшийся приспособиться к постоянным колебаниям среды, немедленно перестроил кровоток и вывел новое уведомление.

«Внешний источник тепла ослабевает».

Он поднял голову. Солнце оставалось на прежнем месте неба лишь в его внутренней модели. В действительности оно медленно уходило за дальний край воды.

Ведущий сразу запросил параметры.

— Светило не изменяет мощность, — сообщил Аркан через глубинный канал. — Меняется положение поверхности относительно него.

Ответ не пришёл. Ведущий принял данные и продолжил наблюдение.

Верхний уровень города находился на широком уступе над океаном. Туда вела пологая дорожка, частично скрытая деревьями. По одну сторону склон спускался к воде, по другую поднимались жилые и исследовательские здания. Они не образовывали сплошной стены. Между ними оставались сады, проходы, каналы и открытые площадки, где люди сидели, разговаривали или работали с небольшими мобильными модулями.

Аркан шёл медленнее, чем утром. Тело уже научилось не реагировать на каждый порыв ветра, однако непривычная тяжесть мира накапливалась в мышцах. Болела поясница. В коленях появилась тупая усталость. Наноструктуры усиливали связки и перераспределяли нагрузку, но не могли полностью заменить привычку.

Маэл следил за ним с расстояния нескольких шагов.

— Капитан сокращает длину шага.

— Я знаю.

— Сердечный ритм выше допустимого для спокойного движения.

— Мы поднимаемся.

— Подъём не настолько крутой.

— Здесь всё тяжелее.

— Именно поэтому тебе следует сказать, когда нужна остановка.

Аркан не ответил. Впереди шла Лиана. Она слышала перевод, но не обернулась и не предложила помощь. За это он был ей благодарен. Она просто снизила скорость. Так мало, что остальные могли принять это за естественное изменение шага.

Эсса заметила.

— Хранительница живого подстраивается под капитана.

— Дорожка становится круче, — сказал он.

— Я видела её движение.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Я не спрашивала.

Савр шёл рядом с Тессой. За день его слух постепенно приспособился к открытому миру. Он уже не пытался разделить шелест каждого дерева, но продолжал отмечать звуки, не имевшие понятного источника. Особое раздражение вызывали насекомые. Их тонкий гул возникал рядом с лицом, исчезал, возвращался с другой стороны и не подчинялся никакому ритму.

— Почему они движутся вокруг головы? — спросил он.

Тесса проследила за маленьким существом, зависшим возле его плеча.

— Тепло, запах, влага. Возможно, твои импланты создают слабое поле, которое оно чувствует.

Савр сразу остановился.

— Оно считывает меня?

— Не думаю. Просто реагирует.

— Реакция тоже является считыванием.

Тесса вытянула ладонь. Насекомое сделало круг и ушло к растениям.

— Оно не собирает сведения для системы.

— Откуда ты знаешь?

— У него нет системы.

Савр посмотрел вслед существу.

— Тогда для чего оно существует?

— Для себя. Ест, размножается, становится пищей для других.

— Без назначенной функции.

— Функция и назначение — не одно и то же.

Он повторил последние слова на своём языке. В переводе возникло несколько вариантов, и Савр попросил Тессу объяснить разницу. Они отстали от группы, обсуждая, может ли польза существовать без того, кто заранее её установил.

Верхняя площадка была открыта со стороны океана. Здесь не было павильона, стен или защитного экрана. Только низкая полукруглая конструкция, повторявшая линию уступа, и несколько широких поверхностей для сидения. В центре располагался стол, на котором уже стояли вода, еда и два проекционных модуля.

Эсса остановилась, увидев отсутствие стен, но спорить не стала. День показал ей, что попытка закрыть каждое пространство вызывает больше вопросов, чем решает. Она выбрала место спиной к склону и лицом к воде, чтобы видеть открытое пространство перед собой.

Маэл попросил всех корабельцев сесть. Он проверил пульс, давление, работу дыхательных складок и состояние имплантов. Показатели оставались допустимыми, хотя у Савра началось сенсорное истощение, а мышцы Эссы требовали восстановления.

— Один цикл сидим, — сказал врач. — Потом решим, продолжать ли встречу.

— Мы уже пришли, — ответила Эсса.

— Это не медицинский показатель.

Лиана поставила возле Аркана сосуд с водой.

— Она проверена вашим врачом.

— Маэл?

— Совместима, — подтвердил тот. — Минеральный состав отличается от корабельного, но допустим. Пить медленно.

Вода была прохладной. Не холодной, как в трубах глубоких уровней, и не тёплой после долгого нахождения в жилом отсеке. В ней ощущался слабый минеральный вкус, но отсутствовали металл и привычная горечь очистительных соединений.

Аркан выпил несколько глотков.

Внутренний контур определил быстрое восполнение жидкости и снижение концентрации солей в крови. Вместе с этим пришло другое ощущение, не нуждавшееся в расчёте: вода была приятной.

Он уже начинал раздражаться на сообщения системы, которые пытались объяснить удовольствие химическими процессами.

Маркейн занял место напротив Эссы. Тесса села рядом с Савром, Сейн — с Маэлом. Лиана осталась возле Аркана, но между ними сохранялось достаточно пространства, чтобы жест не выглядел намеренным.

— Мы хотели бы продолжить обмен без строгой повестки, — сказал Маркейн. — Каждый из нас задаёт вопросы. Если какая-то тема закрыта, достаточно сказать об этом прямо.

Эсса положила ладони на колени.

— Знание не бывает закрыто без причины.

— Причину можно не объяснять при первой встрече.

— Необъяснённый запрет создаёт неверные предположения.

— Иногда это лучше, чем преждевременный ответ.

Хранительница памяти оценила фразу и чуть наклонила голову.

— Принимается.

Первым заговорил планетарный ИИ. Его голос исходил не из одной точки, а из тонкого звукового слоя, встроенного в стол. Для корабельцев выбрали этот способ намеренно. После разговора на корабле жители Эдема поняли, что гостям проще воспринимать разум, если его голос связан с конкретным местом.

— Ведущий передал запрос на ограниченный технический обмен. Я подготовил изолированную среду. Она не связана с управлением городом, орбитальными системами или личными интерфейсами жителей.

Савр закрыл глаза. Пластины за его ушами засветились.

— Ведущий подтверждает чистый мост. Он спрашивает, может ли среда изменять себя.

— Нет. Она записывает входящие данные и позволяет запускать только заранее согласованные модели.

— Она способна обучаться?

— На время обмена — нет.

— Тогда она не разум.

— Нет. Это инструмент между нами.

Савр передал ответ. Через несколько секунд его губы слегка разошлись, но голос пришёл не из них. Маленький модуль на груди толкователя воспроизвёл один из тембров Ведущего:

— Инструмент без памяти безопасен. Инструмент без обучения бесполезен после завершения действия.

— Его задача закончится вместе с разговором, — ответил планетарный ИИ.

— Ты создаёшь вещи для исчезновения.

— Да.

Пауза затянулась. Аркан ощутил слабое давление в глубинном канале. Ведущий не произнёс ничего, но продолжал удерживать связь.

— У вас нет временных инструментов? — спросил Маркейн.

Аркан ответил вместо Савра:

— Есть. Но они перерабатываются. Материя возвращается в корабль. Функция может исчезнуть, вещество — нет.

— У нас так же с большинством материалов.

— Ваш разум говорил о завершении собственных процессов.

— Отдельных процессов, — поправил планетарный ИИ. — Не всей системы.

— А вся система может быть завершена?

Маркейн посмотрел на световой знак присутствия ИИ. Вопрос уже звучал раньше, но сейчас был адресован иначе.

— Может, — ответил планетарный разум. — Если жители решат, что больше не нуждаются во мне, или если будет создана другая система.

— Ты помогаешь им принять это решение?

— Я могу предоставить данные о последствиях. Само решение принадлежит людям.

— Ты не препятствуешь?

— Нет.

Савр передал ответ Ведущему. На этот раз ожидание было ещё длиннее.

Эсса смотрела на стол. Маэл изучал состояние Аркана, но делал это через периферийный интерфейс, не поворачивая головы. Лиана заметила, как серебристые линии на руках капитана стали ярче.

— Он задаёт эти вопросы потому, что не понимает? — спросила она тихо.

Аркан ответил не сразу.

— Потому что понимает иначе.

— Как?

— Разум поддерживает жизнь корабля. Его прекращение не может быть отдельным решением. Вместе с ним прекратятся воздух, вода, курс, лечение, память.

— А если функции передать другой системе?

— Как передать себя?

Лиана посмотрела на него.

— Не себя. Работу.

— Для тебя это разное?

— Конечно.

Аркан хотел сказать, что работа и есть форма существования Ведущего. Но вспомнил, как Лиана говорила о дереве, выполняющем множество функций и не знающем их названий. Возможно, различие было не настолько простым.

Планетарный ИИ продолжил:

— Я готов начать обмен экологическими моделями. Передаю структуру водного цикла региона, параметры энергетической сети и схему распределения пищевых ресурсов. Личные данные жителей исключены.

Савр коснулся проекционного модуля. Над столом появилась модель участка Эдема. Она была гораздо шире той, которую видели гости днём: береговая линия, город, лесные зоны, подземные транспортные пути, водные резервуары, энергетические узлы и сельскохозяйственные участки.

Эсса сразу наклонилась ближе.

— Где находятся склады пищи?

— Есть резервные хранилища, — ответил Маркейн. — Но большая часть поступает в распределение после производства.

— Кто определяет долю каждого человека?

— Человек сообщает потребность. Система предлагает обычный объём и учитывает медицинские данные, возраст, физическую нагрузку и личные предпочтения.

— Он может получить больше, чем ему необходимо?

— Может.

— Без разрешения?

— Да.

— Тогда почему запасы не исчерпываются?

— Большинство не берёт еду, которую не собирается использовать.

— Почему?

Маркейн слегка улыбнулся.

— Потому что она доступна и завтра.

Эсса не улыбнулась.

— Уверенность в завтрашнем ресурсе удерживает их лучше запрета?

— В значительной степени.

— А если производство снизится?

— Система сообщит. Люди временно изменят потребление.

— Добровольно?

- Да.
- Все?
- Достаточно многие.

Эсса посмотрела на модель. По ней двигались потоки ресурсов. Никаких индивидуальных норм, закреплённых за линиями, не было. Система реагировала на запросы и общий запас, постоянно меняя распределение.

- На корабле так не работает, — сказала она.
- Почему? — спросила Тесса.

— Потому что запас не может быть обещан на завтра. Даже если расчёт показывает достаточность, один пробой корпуса меняет всё.

- Здесь крупная авария тоже может изменить расчёты.
- Но не каждый день.
- Нет.

Хранительница памяти провела пальцем над моделью, следя за движением воды.

- Ваш порядок вырос из избытка.
- Из достатка, — поправил Маркейн. — Избыток означает лишнее.
- Для нас лишнее — это резерв.
- Для нас резерв тоже существует. Но человек не обязан жить так, будто катастрофа уже произошла.

Эсса подняла голову.

- Она всегда может произойти.

— Может. Но если строить каждый день вокруг будущей катастрофы, она уже управляет жизнью до своего появления.

Аркан почувствовал, как фраза задержалась в нём. На корабле память о катастрофах была не историей, а инструкцией. Каждый протокол имел происхождение. Двери закрывались быстро потому, что когда-то не закрылись. Вода учитывалась до капли потому, что однажды её не хватило. Дети проходили раннее распределение функций потому, что в одном из старых циклов умерли специалисты, которым не успели подготовить замену.

Катастрофы действительно продолжали управлять жизнью после окончания.

Он посмотрел на Эссу. По её лицу нельзя было понять, подумала ли она о том же.

Маэл сменил тему.

- Сколько детей рождается в вашем регионе за один цикл?

Планетарный ИИ вывел статистику.

— Количество меняется в зависимости от решений семей и общего демографического баланса.

- Решений семей?

- Да.
- Система не назначает зачатия?
- Нет.

- Проверяет генетическую совместимость?

— По желанию родителей. Медицинская помощь доступна, но не обязательна, кроме случаев серьёзной угрозы ребёнку.

Маэл перестал смотреть на показатели гостей.

- Люди могут зачать без предварительного разрешения?

- Да.
- Даже при высоком риске наследственной болезни?

— Врач объяснит риск и предложит варианты. Окончательное решение остаётся за родителями, если они способны его принять.

- А последствия принимает весь мир.

— Медицинская система поддержит ребёнка и семью.

Маэл долго молчал.

— У вас достаточно ресурса, чтобы позволить человеку передать повреждение дальше.

— Мы не называем людей повреждением, — сказал Сейн.

Голос врача Эдема не стал жёстким, но в нём исчезла прежняя мягкость.

Маэл повернулся к нему.

— Я говорил о наследственной структуре.

— Для вас это может быть технической формулировкой. Для человека, которого вы описываете, она звучит иначе.

— Изменение слова не изменяет тело.

— Нет. Но меняет отношение к нему.

— Отношение не лечит болезнь.

— А лечение не исчерпывает жизнь человека.

Они смотрели друг на друга через стол. Оба были врачами, оба привыкли отвечать за чужое тело и оба считали подход другого опасно неполным.

Маэл первым отвёл взгляд.

— Мы исправляем то, что можем исправить до рождения.

— Мы тоже, если родители согласны.

— А если не согласны?

— Значит, готовимся поддерживать ребёнка после рождения.

— Даже если исправление безопасно?

— Без согласия — нет.

— Неродившийся не может согласиться.

— Поэтому решение принимают родители.

— Они могут ошибиться.

— Могут.

Маэл посмотрел на Аркана, словно ожидая, что капитан назовёт очевидный вывод. Аркан не вмешался.

Лиана спросила:

— А кто решает у вас?

— Врач плоти подаёт расчёт, — ответил Маэл. — Линия сообщает потребность. Ведущий проверяет общий генетический баланс. Круг утверждает форму коррекции.

— Родители участвуют?

— Они являются частью линии.

— Это не то же самое.

— Ребёнок принадлежит не только им. Его тело будет служить всем.

Лиана опустила глаза на свои руки. Аркан заметил, что ей не понравился ответ, но она не стала говорить с осуждением.

— Наверное, на корабле иначе нельзя, — произнесла она.

— Иначе линия может потерять функцию.

— Я понимаю причину. Не уверена, что понимаю, каково это для родителей.

Маэл ответил:

— Спокойнее, чем смотреть, как ребёнок умирает от ошибки, которую можно было исправить.

В его голосе появилась личная нота. Сейн услышал её и не продолжил спор.

На другом конце стола Тесса попросила Эссу показать устройство памяти корабля. Хранительница раскрыла часть подаренной пластины. Над поверхностью появилась звёздная карта. Она не соответствовала привычной эдемской системе обозначений. Одни звёзды были

представлены точками, другие — сложными символами, внутри которых находились числовые последовательности, изображения веществ и короткие звуковые фрагменты.

— Это маршрут? — спросила Тесса.

— Часть маршрута.

— Почему некоторые системы обозначены именами, а другие только параметрами?

— Имя получают места, которые изменили корабль.

— Каким образом?

Эсса указала на тусклую красную звезду.

— Здесь были приняты металлы для восстановления внешнего слоя.

Перевела палец к другой точке.

— Здесь потерян один из сборщиков.

Ещё дальше.

— Здесь люди увидели свет на поверхности мира, но курс не позволял приблизиться.

— Почему?

— Цель находилась впереди.

Тесса рассматривала карту.

— Вы никогда не отклонялись ради исследования?

— Отклонение допускается ради ресурса, ремонта или сохранения. Любопытство не меняет курс.

— А если по пути находилось что-то уникальное?

— Всё уникально, если смотреть достаточно долго. Корабль не может останавливаться у каждого различия.

— И всё же вы записывали.

— Память не требует остановки.

Тесса увеличила один из символов. Он состоял из четырёх линий, окружённых рядом точек.

— Что это?

Эсса посмотрела на знак, и её лицо стало неподвижнее.

— Закрытый слой.

— Почему он находится в подаренной части?

— Внешнее обозначение разрешено. Содержание — нет.

— Я не буду настаивать.

Тесса убрала увеличение. Но Аркан увидел, что планетарный ИИ сохранил форму символа отдельно. Не пытался открыть, только отметил.

Разговор продолжался. Вопросы становились проще и сложнее одновременно.

Жители Эдема спрашивали, как корабельцы выбирают занятия, отдыхают ли они, создают ли музыку, живут ли семьями, могут ли покидать родной сектор. Корабельцы отвечали, но почти каждый ответ требовал объяснения условий.

Музыка существовала как часть ритуалов, рабочих ритмов и передачи памяти. Песни без функции тоже были, однако Эсса долго не могла подобрать для них отдельное название.

Отдых назначался телу, когда показатели снижались, но люди могли собираться после работы, рассказывать истории, играть в логические игры или наблюдать за внешними данными.

Семья определялась не только родством, но и линией службы. Ребёнок мог воспитываться несколькими взрослыми, если его родители работали в тяжёлых секторах.

Покидать сектор разрешалось, но некоторые тела плохо переносили другие уровни гравитации, состава воздуха или света.

Корабельцы спрашивали, зачем жители Эдема занимаются работой, если от неё не зависит получение пищи. Почему люди сохраняют знания, если большинство решений может принимать планетарный ИИ. Почему один человек имеет большое жильё, а другой выбирает

маленькое. Что происходит, если двое хотят пользоваться одним редким предметом. Зачем создавать произведение искусства, которое не улучшает никакую систему.

Ответы не всегда удовлетворяли гостей.

— Потому что человеку интересно, — сказал Маркейн в третий раз.

Эсса посмотрела на него с усталостью.

— «Интересно» не может быть основанием для такого количества действий.

— Может.

— Тогда интерес у вас выполняет функцию Ведущего.

— Нет. Он ничего не приказывает.

— Но заставляет двигаться.

— Не заставляет. Побуждает.

Савр попросил объяснить разницу между принуждением и побуждением. Несколько минут они разбирали её на примерах, пока толкователь не сказал:

— Побуждение — приказ, который человек считает своим.

— Иногда, — ответила Тесса. — Но не всегда.

— Как определить?

— Проверить, способен ли человек отказаться без наказания.

Савр перевёл взгляд на Аркана.

Тот понял вопрос, который ещё не прозвучал.

На корабле он мог отказаться от многих вещей. От еды определённого вкуса. От отдыха в общем отсеке. От личной связи. От участия в некоторых ритуалах низшего круга. Но мог ли он отказаться быть капитаном?

Формально — да. Командная Кровь имела боковые линии. Доступ можно было передать. Но его тело, образование и вся жизнь строились вокруг этой функции. Отказ не повлёк бы наказания. Он лишь оставил бы пустым всё, что в нём готовили с рождения.

— Иногда наказание не нужно, — сказал он. — Если человек без функции перестаёт понимать себя.

Тесса посмотрела на него с вниманием, которое не было жалостью.

— Тогда вопрос в том, дали ли ему возможность понять себя иначе.

Эсса вмешалась:

— Капитан не является предметом исследования вашего общества.

— Здесь исследуют обе стороны, — спокойно сказал Аркан.

Она повернулась к нему.

— Ты разрешаешь?

— Я участвую.

Это различие Эссе не понравилось, но она приняла его при свидетелях.

Солнце приблизилось к воде. Океан стал ярче неба. Свет отражался от поверхности широкой дорожкой, на которую трудно было смотреть прямо. Аркан включил минимальную защиту зрения, но не стал полностью гасить яркость.

Ветер ослаб. С каждым часом мир не успокаивался, а менял набор воздействий. Появились другие запахи. Температура падала. Из леса начали доноситься новые голоса животных. Светящиеся поверхности зданий включались постепенно, без единого момента перехода.

Савр первым заметил, что звуковой фон стал иным.

— Дневные существа уходят, — сказал он.

— Часть, — подтвердила Лиана. — Скоро появятся ночные.

— Другие?

— Да.

Он посмотрел на лес почти с недоверием.

— Здесь даже время суток меняет население среды.

— На корабле разве нет смен?

— Смена людей. Не стен, воздуха и живых форм одновременно.

Маэл объявил, что делегации нужен отдых. Его решение поддержал Сейн. Переговоры завершили без итоговой формулы: обе стороны договорились обменяться вопросами на следующий день, дать планетарному ИИ и Ведущему продолжить технический разговор в изолированном контуре и подготовить первый визит эдемской группы на корабль.

При упоминании визита Эсса сразу сказала:

— Доступные зоны должен утвердить круг.

— Разумеется, — ответил Маркейн.

Лиана посмотрела на Аркана.

— Я покажу тебе, как перенести дерево.

— Сначала его должны признать безопасным.

— Маэл уже признал.

Врач поднял голову.

— Я признал безопасным нахождение рядом в контролируемой среде.

— А что ещё нужно?

— Проверить корни, почву, воду, микроорганизмы и устойчивость контейнера к нашей очистке.

— Если очистить почву, дерево может погибнуть.

— Тогда нужна изоляция.

— В изоляции ему потребуется свет.

— Создадим.

— И вода.

— Подадим.

— И обмен воздуха.

— Обеспечим.

Лиана улыбнулась.

— Значит, ты уже решил, что оно полетит.

Маэл открыл рот, затем закрыл.

— Я рассматриваю условия.

— Конечно.

Аркан заметил, что даже Эсса едва заметно смягчила выражение лица.

По дороге обратно в жилое здание Лиана шла рядом с Арканом. Некоторое время они молчали. После долгого общего разговора тишина не требовала немедленного заполнения.

— Ты устал, — сказала она.

— Маэл сообщил тебе?

— Ты держишь правую руку ближе к телу. Наверное, болит плечо.

Аркан посмотрел на руку. Он сам не замечал.

— Тело ещё не распределило нагрузку.

— Завтра будет легче. Или больнее. Обычно после непривычной нагрузки сначала больнее.

— Обнадёживает.

— Зато честно.

Они прошли несколько шагов.

— Тебе не понравились некоторые наши ответы, — сказала Лиана.

— Тебе тоже.

— Да.

— Значит, обмен состоялся.

Она посмотрела на него.

— На Эдеме люди обычно стараются понять друг друга так, чтобы прийти к общему решению.

— А если общего решения нет?

— Продолжают говорить.

— До тех пор, пока кто-то не согласится?

— До тех пор, пока не станет ясно, в чём именно разница и можно ли с ней жить.

— На корабле разница должна завершиться решением. Иначе система не знает, что исполнять.

— Здесь не всё нужно исполнять.

— Вы можете оставить вопрос без ответа?

— Большинство вопросов.

Аркан подумал о круге, где спор сохранялся для будущего рассмотрения, но сама жизнь корабля всё равно требовала временного решения. Воздух нельзя было распределить двумя несовместимыми способами. Курс нельзя было одновременно изменить и сохранить. Ребёнка нельзя было генетически исправить и не исправить.

— Вопрос остаётся без ответа, но действие всё равно происходит.

— Иногда.

— Кто тогда выбирает действие?

— Тот, кто отвечает за него.

— Без разрешения.

— Мы снова вернулись к этому.

— Потому что я всё ещё не понимаю.

Лиана остановилась у поворота дорожки.

— А я не понимаю, как ты можешь отвечать за решение, которое не принимал.

Он тоже остановился.

В нескольких метрах от них Эсса разговаривала с Маркейном, Маэл спорил с Сейном о продолжительности завтрашнего маршрута, Савр слушал ночных насекомых через осторожно открытые фильтры. Никто не обращал на Аркана и Лиану особого внимания.

— Если решение проходит через меня, я отвечаю за его исполнение, — сказал он.

— Даже если считаешь его неправильным?

— Я могу возразить в круге.

— А после?

— После решение становится общим.

— И твоя часть сомнения исчезает?

— Нет.

— Куда она девается?

Аркан вспомнил слова Маэла о том, что невысказанное сомнение уходит в тело.

— Остаётся со мной.

— Тогда решение не совсем общее.

— Для действия — общее. Для человека — нет.

Лиана кивнула.

— Вот это я понимаю.

— Правда?

— Да. У нас тоже люди выполняют совместные решения, с которыми не полностью согласны. Просто мы не требуем, чтобы они перестали считать иначе.

— Мы тоже не требуем.

— Эсса требует.

Аркан посмотрел на хранильницу памяти. Та почувствовала взгляд и обернулась, но не подошла.

— Эсса требует, чтобы сомнение не разрушало функцию.

— Это не то же самое, что запретить его?

— Нет.

— Хорошо.

Она не спорила дальше. Аркан понял, что Лиана действительно оставила вопрос открытым, как и говорила.

Перед входом в жилое здание она остановилась.

— Завтра утром я покажу тебе океан ближе. Если Маэл разрешит.

— Он разрешит при наличии данных.

— Тогда соберём данные.

— Ты всегда обходишь запрет через дополнительную работу?

— Это не обход. Я выясняю, что нужно, чтобы запрет перестал быть нужен.

Он почувствовал знакомое изменение сердечного ритма.

На этот раз внутренний контур не успел вывести уведомление. Аркан заранее снизил чувствительность эмоционального анализа.

— До завтра, — сказала Лиана.

Она подняла ладонь.

Аркан ответил тем же жестом. Теперь движение уже не было неизвестным. Оно получило место в его памяти, повторилось и стало понятным без помощи толкователя.

Лиана ушла по дорожке.

Эсса дождалась, пока она отойдёт, и приблизилась к капитану.

— Ты снова повторил.

— Теперь я знаю значение.

— Знание значения не делает чужой жест нашим.

Аркан посмотрел на поднятую руку и опустил её.

— Всё наше когда-то было новым.

Эсса не нашла немедленного ответа.

Это случалось редко.

В жилом помещении их ждал запрос Ведущего. Обмен с планетарным разумом продолжался. Чистый мост оставался стабильным, обе системы передали друг другу первые модели и согласовали новый формат связи.

Савр воспроизвёл сообщение:

— Разум мира спрашивает, почему мы называем корабль Сохранённым, но не передаём историю того, что было сохранено.

Эсса сразу сказала:

— Ответ: память раскрывается кругами.

Аркан снял с груди металлический знак капитана и положил рядом с сосудом, в котором стоял подаренный ребёнком цветок. Лепестки ещё держались, но стебель немного согнулся.

— Нет, — сказал он. — Ответим точнее.

Хранительница посмотрела на него.

— Что ты предлагаешь?

Аркан некоторое время молчал, подбирая слова, которые не открывали лишнего и не превращали отказ в пустую догму.

— Скажи ему: «Мы сохранили слишком многое, чтобы назвать всё в первый день. Но мы готовы начать с того, что не причинит вреда памяти».

Савр перевёл фразу Ведущему.

Ответ пришёл через несколько секунд:

— Формулировка принята.

Эсса ничего не сказала. Только посмотрела на Аркана чуть дольше обычного.

Тем временем в изолированном контуре два разума продолжали обмениваться моделями.

Один показывал мир, где системы можно было завершать, решения — пересматривать, а ресурс распределялся по потребности.

Другой отвечал данными о движении, ремонте, сохранении массы и непрерывности функций.

Они ещё не понимали друг друга.

Но уже научились задавать вопросы, на которые нельзя было ответить одним словом.

Глава 11

Ночь оказалась труднее дня.

Днём чужой мир непрерывно предъявлял себя: светом, ветром, запахами, движением воды и растений. Организм Аркана не успевал привыкнуть к одному раздражителю, как появлялся следующий. К вечеру накопившаяся усталость должна была облегчить сон, однако тело, лишившись постоянной нагрузки, не успокоилось. Оно продолжало ждать изменений.

Комнату подготовили с учётом требований Маэла. Температуру удерживали на уровне корабельных жилых отсеков, влажность снизили, внешние запахи почти полностью убрали. Стены закрылись, свет стал ровным, а вентиляция перешла на постоянный поток. Здесь можно было забыть, что за несколькими слоями материала находится открытая атмосфера.

Почти.

Звуки Эдема всё равно проникали внутрь. Через конструкции здания передавалось движение воды. Иногда к нему примешивался низкий шум ветра, и тогда в стенах появлялась слабая вибрация. Несколько раз Аркан слышал короткие крики ночных животных. Они возникали без предупреждения, повторялись на другом расстоянии и прекращались раньше, чем слуховые контуры успевали найти источник.

На корабле ночной цикл не означал тишину. Продолжали работать насосы, очистители, линии доставки, ремонтные системы. Но их звуки имели постоянное место. Аркан знал, какой узел находится за каждой стеной его отсека, где проходит воздушный канал и с какой периодичностью меняется нагрузка на энергетическую линию. Даже незнакомый звук можно было сопоставить со схемой.

Здесь схемы не было.

Он лежал на слишком мягкой поверхности и смотрел в темноту. Планетарная система предлагала сделать её плотнее, но Аркан отказался. Ему хотелось понять, как на таких ложах спят жители Эдема. Через несколько минут он понял, что поверхность подстраивается под тело сама. Она медленно принимала его вес, поддерживала поясницу, уменьшала давление на плечо. Делала всё то же, что корабельная медицинская капсула, но без фиксаторов и сообщений о коррекции.

Это раздражало.

Система помогала, не объявляя о своей работе.

Аркан поднял руку. Серебристые линии под кожей были почти незаметны. Внутренние контуры показывали нормальную температуру, повышенную активность слуха и сохраняющееся напряжение мышц спины. Эмоциональный анализ он отключил ещё вечером. После нескольких часов рядом с Лианой отчёты стали повторяться и перестали приносить пользу.

У противоположной стены стоял прозрачный сосуд с жёлтым цветком. Лепестки за ночь опустились сильнее. Вода удерживала стебель, но не могла остановить изменения. Рядом лежал металлический знак капитана, на котором ещё оставалось несколько крупинок пыльцы.

Аркан мог вызвать малый рой и очистить поверхность за несколько секунд. Не вызвал.

В глубинном канале присутствовал Ведущий. Связь была слабее, чем на корабле, но стабильна. Она ощущалась лёгким давлением возле пластин за ушами и редкими импульсами на внутренней стороне запястий. Ведущий не говорил. Он принимал данные от Савра, продолжал технический обмен с планетарным разумом и отслеживал состояние делегации.

Аркан закрыл глаза.

Через некоторое время ему показалось, что он снова находится в модуле спуска. Снаружи по прозрачной поверхности текла вода, облака окружали корпус, а внизу росло бесконечное зелёное пространство. Затем стены модуля исчезли. Осталось только сиденье, висящее над

лесом без корпуса и опор. Аркан не падал, хотя не понимал почему. Ветер касался лица, под ногами двигались кроны, а впереди стояла Лиана и протягивала ему раскрытую ладонь.

Он проснулся, когда внутренний контур резко повысил тонус мышц.

В комнате было темно. Стены оставались на месте.

«Кратковременная дезориентация после сна».

«Учащение сердечного ритма».

«Опасность отсутствует».

Аркан сел и провёл ладонью по лицу. На коже выступила влага.

— Капитан бодрствует, — произнёс Ведущий через внутренний канал.

Голос был тихим и почти однородным. Для прямой связи на таком расстоянии хор приходилось сжимать до нескольких основных слоёв.

— Да.

— Тело сообщило о нарушении.

— Сон.

— Передай содержание.

Аркан не ожидал приказа. Сны корабельцев записывались только при медицинской необходимости, повторяющихся нарушениях или связи с глубинными узлами. Он мог ответить, что содержание не имеет значения. Но Ведущий уже видел изменение показателей и знал, что причиной стал не внешний звук.

— Я находился над лесом без стен. Опоры отсутствовали, но падения не происходило.

— Были другие лица?

Аркан посмотрел на закрытую дверь.

— Лиана.

— Что она делала?

— Подняла руку.

— Как при прощании.

— Нет. Протянула ко мне.

Связь замолчала. Возможно, Ведущий сравнивал образ с записями дня. Возможно, передавал данные Маэлу.

— Сон сохранён, — сказал он наконец. — Признаков повреждения мышления нет.

— Я не считал его повреждением.

— Тело сочло.

— Тело считает отклонением всё, чего не знает.

После короткой паузы Ведущий ответил:

— Поэтому тело сохраняет жизнь.

Связь ослабла.

Аркан больше не уснул.

К утру свет начал проникать через края закрытой внешней панели. Сначала тонкой серой полосой, потом мягким голубым свечением. Оно менялось медленно, но непрерывно. На корабле утренний цикл начинался в установленное время: свет усиливался по известной кривой, температура поднималась на заданную величину, воздушная система меняла состав ароматических добавок. Здесь переходом управляло движение планеты, облаков и атмосферы.

Аркан открыл панель.

За прозрачной стеной лежал сад. Ночью он казался сплошной тёмной массой. Теперь отдельные растения проявлялись постепенно. На листьях блестела вода. Между деревьями висел тонкий туман, который медленно опускался к земле. Несколько животных двигались по ветвям, почти не издавая звуков.

У горизонта появилось солнце.

Аркан уже видел его днём, но восход отличался. Свет не заполнял всё сразу. Сначала он коснулся верхушек деревьев, потом прошёл по стенам зданий, зажгёт капли воды и только затем вошёл в комнату.

Система зрения предложила защитную коррекцию. Аркан оставил минимальную.

В дверь постучали.

Не поступил сигнал допуска. Не появилась отметка посетителя. Просто три коротких удара по поверхности.

Аркан подошёл и открыл.

Снаружи стоял Маэл. Он выглядел хуже обычного: глаза оставались слишком широко раскрыты, движения были медленнее, а пластины медицинского интерфейса у висков работали на повышенной яркости.

— Ты спал? — спросил Аркан.

— Частями. Савр не спал почти совсем. Эсса потребовала отключить внешний звук, потом обнаружила, что полная тишина тоже отличается от корабельной.

— Чем?

— В ней нет опорных вибраций. Она сказала, что помещение кажется отделённым от системы.

Маэл вошёл, не дожидаясь приглашения. Осмотрел Аркана, просканировал глаза, шею и руки.

— Ведущий передал запись сна.

— Быстро.

— Он не обязан хранить медицинские данные до удобного времени.

— Это не было медицинским событием.

— Сердечный ритм вырос на тридцать один процент. Защитный рой приготовился к выходу. Для меня это событие.

Маэл развернул перед собой показатели.

— Ты отключил эмоциональный анализ.

— Он мешал.

— Чем?

— Повторял очевидное.

— Для кого очевидное?

Аркан не ответил.

Врач посмотрел на цветок у стены.

— Он теряет влагу через лепестки быстрее, чем получает через стебель.

— Лиана сказала, что он простоит дольше. Не вечно.

Маэл подошёл ближе, исследовал воду и растение.

— В сосуде размножаются внешние микроорганизмы.

— Они опасны?

— Нет.

— Тогда оставь.

— Я не собирался уничтожать. Только сообщил.

Аркан посмотрел на него.

— Ты тоже меняешься.

— Я собираю данные.

— Вчера ты хотел изолировать цветок.

— Вчера не было результатов полного анализа.

— Теперь есть.

— Именно.

Маэл вернулся к медицинским показателям.

— Сегодняшний маршрут сокращён. Океан, прибрежная зона, затем подготовка к возвращению. Эсса требует провести часть времени в закрытом помещении. Савр хочет записать естественные звуки отдельно. Я хочу, чтобы никто не потерял сознание от перегрузки.

— Я не терял.

— Ты отступил к стене при первом виде открытого пространства.

— Это не потеря сознания.

— Я сказал «никто», а не «капитан».

Аркан оделся и закрепил знак на груди. Цветок оставил в сосуде.

У входа их уже ждала Лиана.

Она была одета иначе, чем на официальных встречах: лёгкая тёмная одежда без рабочих меток, короткая куртка и обувь с гибкой подошвой. Волосы она собрала, но несколько прядей всё равно двигались на ветру.

— Доброе утро, — сказала она.

Аркан знал эту формулу по переводу, но впервые услышал её в начале настоящего утреннего цикла.

— Доброе утро.

Эсса вышла следом. Её одежда стала проще: тяжёлые пластины остались в комнате, поддерживающие ленты Маэл встроил в более лёгкий комплект. Хранительнице это не нравилось, но после вчерашнего маршрута мышцы ног ещё не восстановились.

Савр появился последним. Он носил внешний слуховой слой — тонкую полупрозрачную дугу, закрывавшую пластины за ушами. Устройство фильтровало резкие звуки и позволяло записывать отдельные частоты без прямой нагрузки на нервную систему.

— Океан громче леса? — спросил он.

— Обычно да, — ответила Лиана.

Савр остановился.

— Насколько?

— Зависит от ветра и волн.

— Сегодня?

Она прислушалась.

— Умеренно.

Это слово не помогло толкователю, но он продолжил путь.

До побережья их доставила небольшая транспортная платформа. Она двигалась над землёй на высоте меньше метра, обходила деревья и следовала изгибам рельефа. Защитных стен не было. Эсса потребовала снизить скорость вдвое, хотя местные дети обгоняли платформу на лёгких досках.

Аркан стоял у края. Воздух усиливался при движении, и приходилось удерживать равновесие. Внизу быстро менялась поверхность: трава, земля, камень, мелкие водные каналы. Между деревьями всё чаще появлялись участки яркого света.

Запах океана он почувствовал до того, как увидел воду.

Сенсоры определили высокое содержание солей, влажность, органические частицы и несколько сотен летучих соединений. Но расчёт не передавал самого ощущения. Воздух стал плотнее и прохладнее. В нём была резкость, которая очищала носовые полости и заставляла делать более глубокий вдох.

— Здесь повреждена водная система? — спросила Эсса.

— Нет, — ответил Маэл. — Это аэрозоль с поверхности океана.

— Вода находится в воздухе.

— Она была в нём и вчера. Сейчас концентрация выше.

Платформа вышла из леса.

Перед ними открылся океан.

Аркан уже видел его с высоты, но сверху вода была частью карты — большой синей поверхностью, ограниченной контуром материка. С берега ограничения исчезли. Вода началась у полосы светлого песка и продолжалась до линии, где соединялась с небом.

Эта линия оказалась единственной границей, и даже она не выглядела настоящей.

Волны двигались к берегу широкими рядами. Каждая поднималась, становилась прозрачной по краю, затем разрушалась и растекалась по песку. Следующая приходила почти сразу, но не повторяла предыдущую ни формой, ни силой.

Савр закрыл глаза.

Шум воды заполнил всё пространство. Он состоял из множества наложенных звуков: далёкого низкого гула, ударов волн, шороха возвращающейся воды, движения мелких камней и ветра над поверхностью. Ритм угадывался, но постоянно нарушался.

— Оно неисправно, — сказал толкователь.

Лиана посмотрела на него.

— Что именно?

— Повтор не совпадает.

— Волны не должны быть одинаковыми.

— Тогда как вы предсказываете следующую?

— Примерно.

Савр открыл глаза.

— «Примерно» недостаточно для движения такого объёма.

— Но океан не обязан приходить в точку по расписанию.

— Он влияет на берег, погоду, температуру и жизнь. Как система может допускать неточность?

Планетарный ИИ ответил через переносной модуль:

— Я рассчитываю вероятностные диапазоны. Для большинства задач точная форма каждой волны не требуется.

Савр смотрел на воду.

— Ты позволяешь огромной системе оставаться нерассчитанной в деталях.

— Я не управляю каждой молекулой.

— Ведущий управляет каждым значимым потоком корабля.

— Океан не является моим внутренним контуром.

— Но он часть твоего мира.

— Да.

— И ты не ведёшь его.

— Я наблюдаю, прогнозирую и вмешиваюсь только при угрозе людям или устойчивости экосистем.

Савр долго молчал. Потом произнёс:

— Ты существуешь рядом с миром, который больше тебя.

— Да.

Планетарный ИИ ответил без паузы.

Через глубинный канал прошло короткое давление. Ведущий услышал.

Аркан сошёл с платформы на песок.

Нога провалилась на несколько сантиметров. Поверхность не просто подалась — она разошлась под подошвой, затем осыпалась по краям. Внутренние стабилизаторы сразу увеличили напряжение мышц голени.

— Он не держит постоянную плотность, — сказал Аркан.

— Сухой песок сдвигается, — объяснила Лиана. — Ближе к воде он плотнее.

Аркан сделал ещё несколько шагов. Каждая стопа оставляла глубокий след. Он обернулся. Цепочка отпечатков начиналась у платформы и повторяла его движение.

— Поверхность сохраняет форму тела.

— До следующего ветра или воды.

— Значит, недолго.

— Да.

Эсса выбрала участок ближе к камням, где песок был плотнее. Маэл позволил Савру снять часть слухового фильтра, но оставил защиту от резких частот. Сам врач собирал данные о солёном воздухе и реакции дыхательных систем.

Лиана сняла обувь.

Аркан посмотрел на её ступни, затем на песок.

— Зачем?

— Так лучше чувствуется температура и вода.

— Защита отсутствует.

— Здесь нет острых камней. Я проверила.

Она пошла к линии прибоя. Песок прилипал к влажной коже. Волна дошла до её ног, закрыла их на мгновение и ушла обратно.

Аркан остановился в нескольких шагах.

Вода двигалась к нему без установленной границы. В отличие от канала у павильона, поток был слишком широким, а источник силы — невидимым. Каждая волна могла пройти дальше предыдущей.

— Она холодная? — спросил он.

— Сначала кажется холодной. Потом тело привыкает.

Маэл подошёл к капитану.

— Температура воды допустима. Солевой состав не опасен для краткого контакта. На коже могут остаться микроорганизмы.

— Опасные?

— Нет. После вернёмся через очистку.

Аркан снял обувь.

Песок под босой ногой оказался сложнее, чем через подошву. Верхний слой был горячим от солнца, глубже — прохладным. Зёрна двигались между пальцами, прилипали к коже, царапали, но не повреждали. Сенсоры пытались составить карту контакта и быстро превысили обычный объём данных.

Он отключил тактильный отчёт.

Не чувствительность. Только перевод ощущений в показатели.

Это решение далось легче, чем вчера.

Аркан подошёл к воде. Первая волна коснулась пальцев ног и сразу ушла. Холод был резким, но коротким. Вторая дошла до щиколоток. Тело среагировало сокращением сосудов, мышцы напряглись, рой собрался глубже под кожей.

Аркан не отступил.

Вода тянула песок из-под ступней, и казалось, что движется не поток, а сама земля. Он слегка потерял равновесие. Лиана протянула руку.

На этот раз Аркан не стал ждать решения системы.

Он взял её.

Ладонь Лианы была тёплой и сухой. Пальцы сомкнулись вокруг его руки достаточно крепко, чтобы поддержать, но не удерживать. Рой под кожей не проявился.

— Смотри на горизонт, — сказала она. — Не под ноги. Так легче.

— Я должен видеть поверхность.

— Она всё равно будет двигаться.

— Именно поэтому.

— Попробуй.

Аркан поднял взгляд.

Горизонт оставался неподвижным. Волны продолжали приходить, песок уходил из-под ног, ветер менял силу, но далёкая линия между водой и небом почти не сдвигалась.

Равновесие вернулось.

— Почему это работает?

— Глаза получают устойчивую точку. Тело перестаёт пытаться исправить каждое движение под ногами.

— Ты знала, что мои системы делают именно это?

— Нет. Так учат детей, когда они впервые заходят в воду.

Аркан посмотрел на неё.

— Ты применяешь ко мне инструкцию для ребёнка.

— Она сработала.

Он хотел возразить, но не нашёл основания.

Следующая волна оказалась сильнее. Вода поднялась выше, ткань одежды намочила у голени. Аркан крепче сжал руку Лианы. Она не обратила на это внимания или сделала вид.

Система зафиксировала изменения:

«Температура конечностей снижена».

«Равновесие стабильно».

«Физический контакт продолжается».

«Уровень защитной реакции: низкий».

«Нейрохимическая реакция вознаграждения: повышена».

Он убрал последние два сообщения, не разжимая руки.

Маэл стоял на берегу и наблюдал. Сейн находился рядом с ним.

— Показатели капитана? — спросил врач Эдема.

— Допустимые.

— Ты выглядишь недовольным.

— Его контуры принимают слишком много новых состояний за короткое время.

— Но справляются.

— Пока.

Сейн посмотрел на Аркана и Лиану у воды.

— Иногда телу полезно понять, что не всякая нагрузка требует лечения.

— Если нагрузка повреждает, её нужно прекратить.

— Согласен. Но отсутствие привычки — ещё не повреждение.

Маэл ничего не ответил. Через несколько секунд он снял обувь и сам подошёл к воде, держа диагностический модуль наготове.

Эсса осталась на сухом песке. Она следила за делегацией с выражением человека, наблюдающего добровольный вход в неисправный технический резервуар.

— Хранительница памяти не приблизится? — спросил Маркейн.

— Я вижу достаточно.

— Это не то же самое, что чувствовать.

— Память строится не только на ощущениях.

— Но ощущения тоже становятся памятью.

Эсса посмотрела на него.

— Вы постоянно предлагаете телу участвовать в понимании.

— Оно всё равно участвует.

— Поэтому его следует дисциплинировать.

— Или слушать.

— Тело хочет тепла, пищи, размножения и прекращения боли. Если следовать каждому его требованию, оно разрушит общий порядок.

- А если игнорировать все, разрушится само тело.
- Мы не игнорируем. Мы определяем допустимое.
- Кто определяет?

Эсса почти ответила привычной формулой, но остановилась. Этот вопрос уже звучал слишком много раз, чтобы повторение старого ответа принесло пользу.

- На корабле — Ведущий, врачи и круги службы.
- А человек?
- Человек сообщает состояние.
- И если он хочет другого?
- Желание учитывается, когда не вредит функции.

Маркейн сел на песок. Эсса посмотрела на него сверху, потом медленно опустилась рядом, стараясь не испачкать одежду.

- У нас функция служит человеку, — сказал он.
- Тогда почему ваш разум работает, пока вы отдыхаете?
- Потому что он согласился выполнять эту работу и создан для неё.
- Его создали до того, как он мог согласиться.

Маркейн задумался.

- Да.
- Значит, вы тоже назначили функцию разуму.
- Назначили. Но оставили возможность изменить её.
- Он не может изменить своё происхождение.
- Никто не может.

Эсса перевела взгляд на океан.

- Тогда различие меньше, чем вы показываете.
- Возможно. Поэтому мы и говорим.

Савр записывал шум прибоя. Он стоял на границе воды и поворачивался, меняя угол слуховых пластин. Через некоторое время он начал выделять повторяющиеся слои: далёкий гул, среднюю волну, шорох песка, всплески у камней. Ритм не стал точным, но перестал казаться полным беспорядком.

- В нём есть группы, — сказал он Тессе.
- Конечно.
- Ты знала?
- Я слышу их с детства.
- Почему не объяснила сразу?
- Потому что ты должен был услышать сам.
- Объяснение сократило бы время.
- И дало бы тебе мою схему вместо собственной.

Савр посмотрел на воду.

- Разве схема не должна быть общей, чтобы мы понимали одно и то же?
- Не всегда. Ты можешь слышать в океане то, чего не слышу я.
- Тогда наши записи будут различаться.
- Да.
- Какая станет правильной?
- Обе, если не противоречат данным.

Толкователь нахмурился.

- Два разных описания одного объекта.
- Вы же переводите одно слово несколькими способами.
- Пока не найден точный.
- Иногда точного одного нет.

Савр снова повернулся к океану. Через несколько минут он начал тихо повторять ритм волн голосом. Не слова — низкие протяжные звуки, между которыми оставались неравные паузы. Сначала море никак не совпадало с ним. Потом Савр перестал пытаться опередить волну и начал вступать после каждого удара воды.

Тесса не мешала.

Аркан и Лиана отошли дальше от остальных. Вода доходила уже до середины голени. Он по-прежнему держал её руку, хотя равновесие давно стабилизировалось.

— Ты можешь отпустить, — сказала Лиана.

Он разжал пальцы слишком быстро.

— Да.

— Я не просила.

Аркан посмотрел на неё, не понимая.

— Ты сказала, что могу.

— Можешь. Но не обязан.

Это различие снова оказалось простым для неё и сложным для него.

Он протянул руку обратно.

Лиана взяла её без улыбки, чтобы не превращать действие в шутку.

Некоторое время они стояли молча.

— На корабле есть что-то похожее? — спросила она.

— Большие резервуары воды. Но они закрыты. В них нельзя входить.

— Озёра?

— Нет. Хранилища, очистительные секции, биологические контуры. Вода всегда выполняет работу.

— Здесь тоже. Просто работ много.

— Ты говоришь о воде как о живом.

— Нет. Но она двигает вещества, кормит растения, меняет берег, переносит тепло. Тебе обязательно считать что-то живым, чтобы признать его действие?

— На корабле действие имеет источник управления.

— А здесь причина может быть распределена между тысячами процессов.

— Это похоже на ваш планетарный разум.

— Он тоже часть процессов, а не единственный источник.

Аркан посмотрел на воду.

— Ведущий не считает себя частью корабля.

— А чем?

— Корабль — его тело, инструмент и ответственность. Но не весь он.

— Где тогда он сам?

Вопрос был знакомым и всё же не имел короткого ответа.

— В решениях. В памяти. В связях между системами. В голосах, через которые говорит.

— Значит, если заменить все части корабля постепенно, он останется собой?

Аркан хотел сказать «да», но вспомнил, как Ведущий реагировал на слова планетарного ИИ о завершении процессов.

— Не знаю.

— Ты никогда не спрашивал?

— Некоторые вопросы не помогают выполнять функцию.

— Но могут помочь понять того, кому служишь.

— Мы не только служим ему. Он сохраняет нас.

— Я знаю.

Лиана не пыталась спорить. Волна дошла до них, ударилась о ноги и рассыпалась пеной.

— Ты ему доверяешь? — спросила она.

— Да.

Ответ пришёл сразу.

— Всегда?

— Доверие не требует проверки каждого решения.

— По-моему, именно требует.

— Тогда это контроль.

— Можно доверять человеку и всё равно спрашивать, почему он поступает так.

— Ты спрашиваешь планетарный разум?

— Постоянно.

— Он не считает это сомнением в себе?

— Нет. Иногда спорит. Иногда признаёт ошибку.

Аркан почувствовал короткий импульс глубинного канала. Ведущий слышал разговор.

— Ведущий тоже исправляет ошибки.

— А признаёт?

Аркан повернулся к ней.

— Для чего тебе это знать?

— Чтобы понять ваши отношения.

— Ты задаёшь вопросы о нём так, будто он человек.

— Вы говорите о нём как о личности.

— Он личность.

— Тогда вопрос нормальный.

В глубинном канале сохранялось молчание.

— Да, — сказал Аркан. — Он признаёт, когда расчёт был неверен.

— А когда решение было жестоким?

Слово пришло через перевод с несколькими вариантами: причиняющим лишнюю боль, чрезмерно суровым, лишённым милосердия.

— Если решение сохранило больше жизней, оно было необходимым.

— Это не отвечает на вопрос.

— На корабле иногда нет ответа, который не причиняет боль.

— На Эдеме тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.